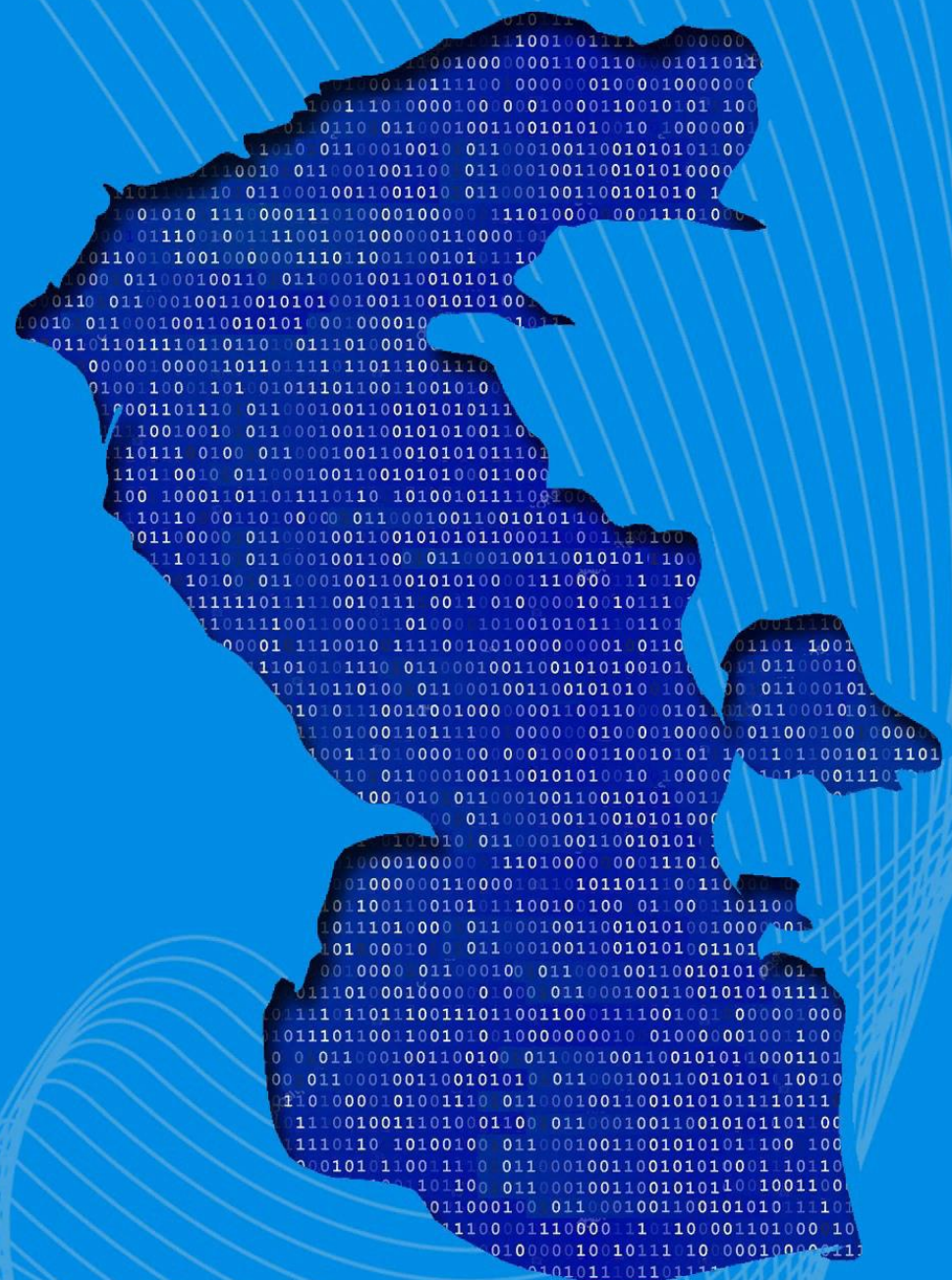

Caspium Securitatis

Журнал каспийской безопасности

T.3. №1

ISSN 2713-024X

CASPIUM SECURITATIS:

Journal of Caspian Safety & Security

Scientific E-Journal

caspiumsecuritatis.ru

Vol 3 No 1

2023

CASPIUM SECURITATIS:

журнал каспийской безопасности

научный электронный журнал

caspiumsecuritatis.ru

Том 3 Номер 1

2023

EDITORIAL TEAM

Editor-in-Chief	<i>Anna P. Romanova</i> , Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Director of the Institute for Research on Problems of the South of Russia and the Caspian Region; Professor of the Department of Cultural Studies, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Deputy Chief Editor	<i>Elena V. Khlyshcheva</i> , Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Literary editors	<i>Lydia G. Zolotikh</i> , Dr. Habilitatus in Philology, Professor, Sichuan University. Sichuan, China <i>Olga Y. Kosmacheva</i> , Ph.D., associate professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Literary editor of the English version	<i>Elena A. Yakovleva</i> , chief specialist, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Journal manager	<i>Dmitriy A. Chernichkin</i> , researcher, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia
Editorial Board	<i>Əli Məmməd oğlu Abbasov</i>, Dr. Habilitatus in Economy, Academician of the National Academy of Sciences of Azerbaijan. Baku, Azerbaijan <i>Alexander N. Barmin</i>, Dr. Habilitatus in Geography, professor, Astrakhan State University. Astrakhan, Russia <i>Baazr A. Bicheev</i>, Dr. Habilitatus in Philosophy, Kalmyk Scientific Center RAS. Elista, Russia <i>Madina B. Gimbatova</i>, Dr. Habilitatus in History, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Dagestan Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences. Makhachkala, Russia <i>Sergey S. Zhiltsov</i>, Dr. Habilitatus in Politics, The Diplomatic Academy of the Russian Foreign Ministry. Moscow, Russia <i>Musa M. Ibragimov</i>, Dr. Habilitatus in History, Academy of Sciences of the Chechen Republic, Grozny State Oil Technical University named after Academician M.D. Millionshchikov. Grozny, Russia <i>Pavel L. Karabuschenko</i>, Dr. Habilitatus in Philosophy, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Ayzhamal I. Kudaibergenova</i>, Dr. Habilitatus in History, associate professor, Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, National Academy of Sciences of the Republic of Kazakhstan. Almaty, Kazakhstan <i>Natalia L. Kurepina</i>, Dr. Habilitatus in Economy, Kalmyk State University. Elista, Russia <i>Oksana K. Mineva</i>, Dr. Habilitatus in Economy, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Mohammad Tagi Mokhtari Behruz</i>, PhD, Islamic Azad University. Tehran, Iran <i>Nail M. Mukharyamov</i>, Dr. Habilitatus in Politics, professor, Kazan State Power Engineering University. Kazan, Russia <i>Rafik Kh. Usmanov</i>, Dr. Habilitatus in Politics, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Maria M. Fedorova</i>, Dr. Habilitatus in Politics, Institute of Philosophy RAS. Moscow, Russia <i>Anna V. Fedotova</i>, Dr. Habilitatus in Biology, professor, Astrakhan Tatishchev State University. Astrakhan, Russia <i>Reza KHEYRODDIN</i>, (Ph.D.), Associate Professor, University of Science and Technology, Director of EASAF Research Laboratory (Engineering Analysis of Spatial Arrangement Factors). Tehran, Iran <i>Arbakhan K. Magomedov</i>, Doctor of Political Science, Professor, Moscow State Linguistic University (MSLU). Moscow, Russia <i>Eugen Străuțiu</i>, Ph.D. professor Lucian Blaga University of Sibiu Romania <i>Robert M Cutler</i> Dr, Practitioner Member, Waterloo Institute for Complexity and Innovation, University of Waterloo, Canada <i>Vakhtang Maisaia</i>, Doctor of Political Science, Professor, Caucasus International University and Tbilisi State University, Tbilisi, Georgia.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор	<i>Анна Петровна Романова</i> , д. филос. н., профессор, директор института исследований проблем юга России и Прикаспия; профессор кафедры культурологии, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Заместитель главного редактора	<i>Елена Владиславовна Хлыщева</i> , д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Литературные редакторы	<i>Лидия Глебовна Золотых</i> , доктор филологических наук, профессор, Сычуаньский университет. Сычуань, Китай <i>Ольга Юрьевна Космачева</i> , кандидат филологических наук, доцент, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Литературный редактор английской версии	<i>Елена Андреевна Яковлева</i> , главный специалист, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Менеджер журнала	<i>Дмитрий Алексеевич Черничкин</i> , научный сотрудник, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия
Коллегия редакторов	<i>Али Мамед оглы Аббасов</i> , д. экон. н., академик Национальной Академии Наук Азербайджана (НАНА). Баку, Азербайджан <i>Александр Николаевич Бармин</i> , д. геогр. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Баазр Александрович Бичеев</i> , д. филос. н., Калмыцкий научный центр РАН. Элиста, Россия <i>Мадина Багаутдиновна Гимбатова</i> , д. ист. н., Институт истории, археологии и этнографии Дагестанского федерального исследовательского центра РАН. Махачкала, Россия <i>Сергей Сергеевич Жильцов</i> , д. полит. н., Дипломатическая академия МИД России. Москва, Россия <i>Муса Муслиевич Ибрагимов</i> , д. ист. н., Академия наук Чеченской Республики, Грозненский государственный технический университет им. академика М. Д. Миллионщикова. Грозный, Россия <i>Павел Леонидович Карабущенко</i> , д. филос. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Айжамал Ибрагимкызы Кудайбергенова</i> , д. ист. н., доцент, Институт истории и этнологии им. Ч.Ч.Валиханова, Национальная академия наук республики Казахстан. Алматы, Казахстан <i>Наталья Леонидовна Курепина</i> , д. экон. н., Калмыцкий Государственный университет имени Б. Б. Городовикова. Элиста, Россия <i>Оксана Карловна Минева</i> , д. экон. н., ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Мохаммад Таги Мохтари Бехруз</i> , PhD, Исламский университет Азад. Тегеран, Иран <i>Наиль Мидхатович Мухарямов</i> , д. полит. н., профессор, Казанский государственный энергетический университет. Казань, Россия <i>Рафик Хамматович Усманов</i> , д. полит. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Мария Михайловна Федорова</i> , д. полит. н., Институт философии РАН. Москва, Россия <i>Анна Владиславовна Федотова</i> , д. биол. н., профессор, ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева". Астрахань, Россия <i>Реза Хейродин</i> , Ph.D. доцент, Университет науки и технологий, директор исследовательской лаборатории инженерного анализа факторов пространственной организации. Тегеран, Иран <i>Арбахан Курбанович Магомедов</i> , д. полит. н., профессор Московского государственного лингвистического университета (МГЛУ). Москва, Россия <i>Юджин Штраутиу</i> , Ph.D, профессор, Университет Луциана Блага. Сибиу, Румыния <i>Роберт М.Катлер</i> , доктор, Институт сложных систем и инноваций, университет Ватерлоо. Канада <i>Вахтанг Майсая</i> , д. полит. н., профессор Кавказского международного университета и Тбилисского государственного университета, Тбилиси, Грузия .

DEAR COLLEAGUES, AUTHORS AND READERS OF OUR JOURNAL

"Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security" is a periodic academic e-journal (without a printed form), which began publication in 2021. It is intended to publish research articles, reviews, information resources, reports of conferences, seminars and other academic materials. The journal is devoted to the safety & security problems of the Caspian region, connected, first of all, with the socio-humanitarian sphere.

The online edition is published four times a year.

The concept of journal is based on an innovative application of the theory of complex and societal security. The editorial team believes that the scope of the concept of societal security is beginning to go beyond the scope of studies in Europe and North America and can be successfully used to solve problems in other territories. The concept of societal security considers a certain space, in this case, the space of the Caspian macro-region, as a single socio-geographic whole, including the water area, in the relationship of its socio-cultural, economic, informational and environmental components. The perception of the Caspian Sea as a separate independent region is especially important at a time when the traditional patterns of Soviet culture are no longer relevant, and new general ones have not yet been formed.

THE MAIN GOAL

The main goal of the e- journal is to create a collective scientific discussion platform, enabling researchers to bring the results of their research in the field of security as such and the Caspian macro-region in particular to general discussion. The virtual platform will make it more convenient to coordinate and further advance scientific research in the field of security of the Caspian macro-region for both Russian and foreign scientists who are interested in the issue.

Since the Caspian macro-region is originally an international space, the editorial board of the journal includes, first of all, specialists from the Caspian states that are directly interested in security of their own home, as well as a number of leading specialists in the field of security from other parts of the world. Therefore, the working languages of the online journal are English as the language of international communication and Russian, since the founder of the journal is a Russian university.

Journal publishes articles on quarterly basis.

No fee for publication is ever charged to users, authors or their organizations.

The Journal charges a fee of 5\$ to assign a DOI name.

Best regards,

Editors

Certificate of registration issued by Roskomnadzor: ЭЛ № ФС 77 - 79685 since 27.11.2020
Materials are intended for persons over 18 years old

УВАЖАЕМЫЕ КОЛЛЕГИ, АВТОРЫ И ЧИТАТЕЛИ НАШЕГО ЖУРНАЛА

«Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности» – периодическое научное сетевое издание (без печатной формы), начавшее выходить в свет в 2021 г. В нем предполагается публиковать научные статьи, обзоры, информационные ресурсы, отчеты конференций, семинаров и другие научные материалы. Сетевое издание посвящено проблемам безопасности Каспийского региона, связанным, прежде всего, с социо-гуманитарной сферой.

В основе концепции сетевого издания лежит инновационное применение теории комплексной и социетальной безопасности. Редакционная команда считает, что сфера применения концепции социетальной безопасности начинает выходить за пределы исследований Европы, Северной Америки и может быть успешно использована для решения проблем других территорий. Концепция социетальной безопасности рассматривает определенное пространство, в данном случае, пространство Каспийского макрорегиона, как единое социогеографическое целое, включая и акваторию, во взаимосвязи его социокультурной, экономической, информационной и экологической составляющих. Восприятие Каспия, как отдельного самостоятельного региона особенно важно в тот момент, когда традиционные паттерны советской культуры уже не актуальны, а новые общие пока не сформированы.

ЦЕЛЬ ИЗДАНИЯ

Основная цель сетевого издания – создание коллективной научной дискуссионной площадки, дающей возможность исследователям вынести результаты своих исследований в области безопасности как таковой и Каспийского макрорегиона, в частности, на всеобщее обсуждение. Появление данной виртуальной платформы сделает более удобной координацию и дальнейшее продвижение научных исследований в области безопасности Каспийского макрорегиона как российских, так и зарубежных ученых, заинтересованных в данной проблематике.

Поскольку Каспийский макрорегион представляет собой изначально международное пространство, в состав редколлегии журнала вошли специалисты прежде всего из прикаспийских государств, которые непосредственно заинтересованы в безопасности собственного дома, а также ряд ведущих специалистов в области безопасности из других регионов мира. Поэтому рабочие языки сетевого издания – английский, как язык международной коммуникации и русский, поскольку основателем журнала является российский университет.

Мы выходим ежеквартально 4 раза в год.

Основные отрасли науки, в рамках которых могут быть опубликованы материалы в данном издании:

24.00.00 Теория и история культуры

22.00.04 Социальная структура, социальные институты и процессы

23.00.04 Политические проблемы международных отношений, глобального и регионального развития

08.00. 05 Экономика и управление народным хозяйством

Но это совсем не означает, что статьи и иные материалы авторов, написанные в других отраслях науки, будут категорически отвергнуты. Мы приветствуем статьи по проблемам безопасности Каспийского макрорегиона, написанные с позиции самых разнообразных наук или на стыке нескольких наук. Статьи проходят отбор и рецензирование, что позволяет повышать качество научного контента издания.

Все статьи публикуются БЕСПЛАТНО, авторский гонорар не выплачивается. Журнал взимает комиссию в размере 300 рублей за присвоение DOI.

**С уважением,
редакция журнала**

Свидетельство о регистрации выдано Роскомнадзором: ЭЛ № ФС 77 - 79685 от 27.11.2020

Опубликованные в сетевом издании материалы предназначены для лиц старше 18 лет

Content

GEOPOLITICAL SAFETY

Konstantin A. Markelov

RISKS AND THREATS OF THE GEOPOLITICAL SPACE GREATER
CASPIAN SEA (BC) 11-24

Pavel L. Karabushchenko

THE FATE OF RUSSIA AND THE GEOPOLITICAL RESTRUCTURING OF
THE WORLD: FROM THE BETRAYAL OF THE ELITES TO THEIR
CONSOLIDATION 25-38

Alexandr V. Grigorev

FOREIGN POLICY ORIENTATIONS OF THE POPULATION OF THE
WESTERN KAZAKHSTAN BORDER TERRITORIES IN THE CONTEXT
OF THE CASPIAN REGION SECURITY 39-49

THEORETICAL SECURITY PROBLEMS

Irina Yu. Alekseeva

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL POLICY AS A FACTOR OF
SOCIETAL SECURITY 50-76

CULTURAL SAFETY

Elena V. Khlyshcheva

THE ROLE OF CULTURAL MEMORY AND CULTURAL HERITAGE IN
CULTURAL SECURITY (CASE STUDY OF THE ASTRAKHAN REGION)..... 77-89

Lenara R. Sultieva

THE PROBLEM OF TOPONYMIC RESTORATION IN THE CONTEXT OF
PRESERVING THE CULTURAL HERITAGE OF CRIMEAN TATARS 90-98

SCIENTIFIC LIFE IN THE CASPIAN REGION

Pavel L. Karabushchenko, Olga I. Oskina

SCIENTIFIC LIFE INTERCOLLEGIATE EXPERT-ANALYTICAL CENTER
"CASPIAN INTERNATIONAL DISCUSSION CLUB": "THE TRANSFORMATION
OF THE EURASIAN GEOPOLITICAL SPACE: VECTORS, PRIORITIES
AND "TENSION ZONES" 99-112

Содержание

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Маркелов Константин Алексеевич

РИСКИ И УГРОЗЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА БОЛЬШОГО
КАСПИЯ (БК) 11-24

Карабущенко Павел Леонидович

СУДЬБА РОССИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА МИРА: ОТ
ПРЕДАТЕЛЬСТВА ЭЛИТ К ИХ КОНСОЛИДАЦИИ 25-38

Григорьев Александр Владимирович

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ
ТЕРРИТОРИЙ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ
БЕЗОПАСНОСТИ ПРИКАСПИЯ 39-49

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ БЕЗОПАСНОСТИ

Алексеева Ирина Юрьевна

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР
БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА 50-76

КУЛЬТУРНАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ

Хлыщёва Елена Владиславовна

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В
КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ
ОБЛАСТИ) 77-89

Султыева Ленера Ринатовна

ПРОБЛЕМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТОПОНИМИКИ В КОНТЕКСТЕ
СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР 90-98

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ В КАСПИЙСКОМ РЕГИОНЕ

Карабущенко Павел Леонидович, Оськина Ольга Ивановна

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ МЕЖУНИВЕРСИТЕТСКОГО ЭКСПЕРТНО-
АНАЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА «КАСПИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ»: «ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЕКТОРЫ, ПРИОРИТЕТЫ
И «ЗОНЫ НАПРЯЖЕННОСТИ» 99-112

RISKS AND THREATS OF THE GEOPOLITICAL SPACE GREATER CASPIAN SEA (BC)

Konstantin A. Markelov

Candidate of Economic Sciences, Professor
Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia
E-mail: asu@asu.edu.ru

ABSTRACT

Recently, an internal region has begun to form in the center of the Eurasian space, which will be united not so much by geographical, as by economic, cultural and political interests and cultural values. The geographical basis of this region is the Caspian Sea, and the political axis is the five Caspian states. The geopolitical space associated with these countries (the South Caucasus, the Middle East and the Middle East) together make up what we call the Greater Caspian (BC). As an independent and self-sufficient region, the Greater Caspian has not yet opened up and has not realized all its possibilities. But the prospects present in its parameters make it one of the world's leading platforms where very serious global problems will be solved in the near future. Russia's task is to be a leader, to lead the process of geopolitical actualization of this region and to determine its trends itself, formulating its specific goals and objectives. And Moscow is doing a great job of establishing a constructive dialogue between the leading Eurasian powers, which together with it joined the ranks of resistance to the global Anglo-Saxon dictate. This article is devoted to the disclosure of this issue.

KEYWORDS

geopolitics, the Great Caspian, Eurasia, threats and risks, Munich Conference. security, collective West.

РИСКИ И УГРОЗЫ ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА БОЛЬШОГО КАСПИЯ (БК)

Маркелов Константин Алексеевич

кандидат экономических наук, профессор

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Россия

E-mail: asu@asu.edu.ru

АННОТАЦИЯ

В последнее время в центре Евразийского пространства начал складываться внутренний регион, который объединяется не столько географическими, сколько экономическими, культурными и политическими интересами и культурными ценностями. Географической основой этого региона является Каспийское море, а политической осью – пятерка прикаспийских государств. Сопряженные с этими странами геополитическое пространство (Южный Кавказ, Ближний и Средний Восток) и составляют всё вместе то, что мы называем Большим Каспием (БК). Как самостоятельный и самодостаточный регион Большой Каспий еще не раскрылся и не реализовал всех своих возможностей. Но присутствующие в его параметрах перспективы выводят его в число ведущих мировых площадок, где в ближайшем будущем будут решаться весьма серьезные глобальные проблемы. Задача России быть лидером, возглавить процесс геополитической актуализации этого региона и самой определять ее тренды, формулируя ее конкретные цели и задачи. И у Москвы прекрасно получается налаживание конструктивного диалога между ведущими евразийскими державами, которые вместе с ней встали в ряды сопротивления мировому англосаксонскому диктату. Именно раскрытию этого вопроса и посвящена настоящая статья.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

геополитика, Большой Каспий, Евразия, угрозы и риски, Мюнхенская конференция, безопасность, коллективный Запад.

ВВЕДЕНИЕ

Мы живем в судьбоносное время, когда решается вопрос, каким будет мир ближайшего будущего. Россия борется за отстаивание своей государственности, своего цивилизационного кода развития. Те силы, которые борются с Россией, утверждают, что они отстаивают свои западные либерально-демократические ценности. Но четко сформулировать их современное состояние они не могут в силу аморфности этих ценностных позиций.

События последних лет срывают маски с западных демократий, обнажая их националистические политические режимы. Коллективный Запад уже ведет холодную войну с Россией. Современное противостояние основывается на фатальном взаимном непонимании конфликтующих сторон. Западные стратеги совершенно не понимают логику действия России, а Россия не понимает Запад в силу катастрофического падения профессионализма их правящих элит, которые мечутся в своих оценках из одной крайности в другую.

Зато у России получается выстраивать взаимовыгодные отношения со странами Востока, в частности с государствами так называемого Большого Каспия (Маркелов, 2020б; 2021б; 2022а). Здесь наблюдается не только конструктивный политический диалог, но и не менее конструктивное деловое экономическое сотрудничество. Реализация интеграционных проектов явное тому свидетельство. Речь идет как о китайском проекте «Один пояс – один путь», так и о совместном российско-ирано-индийском проекте МТК «Север - Юг». И в реализации этих проектов возникают многочисленные трудности, часто инспирированные со стороны третьих (незаинтересованных в их реализации) стран. Главным образом, это страны т.н. коллективного Запада, в частности англосаксы, которые контролируют международную логистику и устраняют всех потенциальных конкурентов (Маркелов, 2017; 2020а; 2021а; 2022б).

Параллельно с Большим Каспием формируется такой регион, как регион Большого Средиземноморья (Гукасов, Косов, 2020), который как «сосед» имеет многие схожие проблемы. И подобных сравнений в мировой международной практике предостаточно. И везде мы видим негативное присутствие главного «мирового гегемона» (США и их вассалов).

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНАЯ УГРОЗА ДЛЯ СТАРОЙ ЕВРОПЫ

Конфликт России с коллективным Западом 2022 г. показал, как сильные, так и слабые стороны обоих конкурирующих сил. Геополитические игры Запада уже завели эту цивилизацию в её фатальный исторический тупик, а Россия расплачивается сейчас за свою чрезмерную доверчивость прежним западным обещаниям. Отрезвление от этих западных чар и составляет суть настоящей исторической эпохи.

СВО — это всего лишь ответ России на планомерную агрессию Запада против неё: «...это они [западные политики] развязали войну, а мы использовали силу и используем, чтобы её остановить... Мы защищаем жизнь людей, свой родной дом. А цель Запада — безграничная власть. Он уже потратил более 150 миллиардов

долларов на пособничество и вооружение киевского режима. Для сравнения: по данным Организации экономического сотрудничества и развития, на помощь беднейшим государствам мира страны «семёрки» выделили за 2020–2021 годы порядка 60 миллиардов долларов. Понятно, да? На войну – 150, а беднейшим странам, о которых якобы постоянно заботятся, – 60 да ещё под известные требования покорности со стороны стран – получателей этих денег. И где же все разговоры о борьбе с бедностью, об устойчивом развитии, об экологии? Куда всё делось? Куда всё подевалось? При этом поток денег на войну не уменьшается. Также не жалеют средств на поощрение смут и переворотов в других странах, причём опять же по всему миру» (Путин, 2023).

Экспертным сообществом отмечается, что в настоящее время НАТО просто материально-технически не готово к открытому военному столкновению с Россией. По заявлениям многих их военных министров (в частности, Великобритании, Чехии, Бельгии и др.), их армии просто не готовы к активным боевым действиям против России: техника не исправна, военная отрасль экономики не готова к выпуску необходимого количества вооружения и т.д.

Всё, что надо знать о Западе, это то, что США контролирует все их финансы и выстраивает этот Запад под себя, под свои национальные интересы. В коллективном Западе нет ничего коллективного, а есть только монополия США на принятие решений. И Вашингтон уже не скрывает и не стесняется заставлять своих европейских «союзников» выполнять свои решения.

В 2020-е гг. активизировался процесс суверенизации общественного и политического самосознания россиян. Россия все чаще стала заявлять о себе как самостоятельном центре принятия решений. По утверждению В.В. Путина, «Россия – открытая страна и при этом самобытная цивилизация. В этом утверждении нет никакой претензии на исключительность и превосходство, но эта цивилизация наша – вот что главное. Её нам передали предки, а мы должны сохранить её для наших потомков и передать дальше» (Путин, 2023). И именно такая самостоятельность и вызвала бурю агрессии со стороны США и их вассалов.

Стратегической целью Запада является экзистенциальное уничтожение России. И Запад всегда добивался единства только исключительно с этой единственной целью. По-другому Запад (как нечто единое целое) существовать не мог. Ему нужна вдохновляющая и объединяющая страшилка. Запад пытается пугать Россию откровенно бредовыми угрозами, но пугается в первую очередь сам. Фриковость данной политики уже никого не удивляет. Все понимают, что участвуют в некоем политическом цирке, что все больше погружаются в откровенный политический балаган.

Представители старой Европы не видят проблем, которые накопились в их геоэкономике. Они живут иллюзиями своего пафосного превосходства. Вместо этого политический класс ЕС увлекся новыми иллюзиями. Идея ограбления России овладела массами европейских политиков, мешая им рационально оценивать политическую реальность. Они уверены, что смогут победить Россию и превратить ее в свою новую колонию. Их цель – превратить Россию в новую колониальную Африку. Разграбление России, конечно, решит их насущные проблемы. Но где взять денег на

победу над Россией? Получается некий замкнутый круг. И западные элиты совершенно не знают, что им делать. Всё, что они могут сделать – усилить русофобскую истерию.

И эта русофобская истерия мешает им увидеть правду о себе и своем времени. А правда может заключаться в том, что экзистенциальной угрозой для современной старой Европы является вовсе не Россия, а её раболепное подчинение США. Чрезмерный вассалитет перед США выработал в их профессиональном мышлении и поведении определенный стиль, который все дальше уводит их от суверенитета и субъектности. Символом американского колониализма в Европе являются их военные базы на территории стран членов НАТО. Именно здесь и следует искать то, что должно окончательно погубить суверенитет старой Европы, поставить на ней свой жирный исторический крест. Поэтому главной стратегической целью старой Европы должна быть не иррациональная агрессия против России, а освобождение от американского военно-экономического неоколониализма...

НОВЫЙ МЮНХЕНСКИЙ СГОВОР

В феврале 2023 г. в ФРГ прошла ежегодная Мюнхенская конференция «по безопасности», которая стала символом западного русофобского единства. Это был самый настоящий политический шабаш. Западные политики в своих откровениях наговорили столько, что хватило бы на Второй мюнхенский трибунал. Это было время удивительных политических откровений западных политиков, которые друг друга воодушевляли своими призывами «уничтожения России». Было объявлено, что у «западных демократий» идет экзистенциальная война с Россией – вопрос ставится однозначно: либо Россия, либо Запад перестанут существовать в их прежнем виде. Конференция фактически превратилась в русофобский шабаш. Официальный представитель МИД России Мария Захарова так охарактеризовала прошедший саммит: «Некогда уважаемая конференция превратилась в балаган с антироссийской направленностью» (Постникова 2023). И с этим диагнозом трудно не согласиться.

Мюнхенская конференция «по безопасности» лишний раз подтвердила тезис о том, что все западные политики – это всего лишь нанятые большой закулисой («глубинным государством») политические менеджеры, которые всего лишь озвучивают цели и планы своих работодателей. Они работают строго по команде своих кукловодов и по ранее утвержденным инструкциям из вашингтонского «обкома». На очередной конференции в Мюнхене говорилось о многом, только не об экономике, которая вступает в эпоху своего системного кризиса.

На Мюнхенской конференции «по безопасности» 2023 г. главной угрозой всего «цивилизованного западного мира» была объявлена Россия, которая устроила самый настоящий геополитический бунт против западной колониальной системы. Россия мешает Западу грабить мир. Поэтому главная цель – «убийство» России, ее физическое устранение с геополитической карты мира. Победа России даст сигнал другим странам активизировать свою борьбу за суверенитет, что разрушит всю существующую неоколониальную систему Запада. Именно поэтому Россия стала

экзистенциальной угрозой для неоколониальной системы сверхэксплуатации мира западной англосаксонской элитой.

Глава НАТО Йенс Столтенберг (Jens Stoltenberg) открыто заявил, что Запад боится победы России на Украине больше, чем рисков мировой войны и применения ядерного оружия. Он призвал поднять уровень эскалации, призвал к переходу на новый уровень конфронтации и при этом оставался свято убежденным в том, что ему (и его организации) за это ничего не будет. Чувство безнаказанности – иллюзия, порожденная тридцатилетним господством монополярной системы мира. Неверно оцененные риски чреваты серьезными катастрофическими последствиями не только для того, кто сделал этот неверный вывод, но для всех остальных.

Следует признать, что выдающееся достижение англосаксонской системы – создание «туземной армии» на Украине, которая охотно воюет против России. На Мюнхенской конференции по русофобии 2023 г. Ж. Боррель (Josep Borrell i Fontelles) перепутал местами слова, заявив, что «Европейский Союз – это армия Украины». На практике все как раз наоборот – Украина есть таран «золотого миллиарда» против России. И этим «тараном» Запад будет пользоваться до последнего украинца и не только...

Президент Франции Эмманюэль Макрон (*Emmanuel Jean-Michel Frédéric Macron*), выступая на ежегодной Мюнхенской конференции заявил, что «наша задача сегодня — объяснить, раскрыть, что Россия — это сила, сеющая нестабильность и хаос, что она и делает не только на Украине, но и на Кавказе, Ближнем Востоке, в Африке. Как мы можем верить, что вызовы Кавказа сможет преодолеть неоколониальная Россия? Я говорю это в присутствии моего друга, премьер-министра Никола Пашиняна, которого мы и дальше будем поддерживать, и будем действовать» (Постникова, 2023). Запад никогда не оставлял своего желания оторвать от России ее ближайших соседей и создать из них «санитарный кордон».

Таким образом, на Мюнхенской конференции «по безопасности» 2023 г. произошла эскалация экзистенциального конфликта с Россией. Она превратилась в место, где декларировалась колониальная история Запада и были сформулированы идеологические основания войны с Россией. Стало очевидным, что Запад сражается на Украине за сохранение своей мировой колониальной власти, тогда как Россия сражается за сохранение своей национальной безопасности, поэтому оставляет за собой право свободы действий. Россия не признает мировую власть англосаксонской группы на колониальное господство, чем и вызывает ярость и психоз со стороны коллективного Запада. Конференция сформулировала выбор западных элит. И мир услышал этот их выбор...

Ключевым моментом на этой конференции было выступление представителя Китая – бывшего главы МИД КНР Ван И (члена политбюро Центрального комитета Компартии Китая (ЦК КПК), главы канцелярии комиссии по иностранным делам ЦК КПК). Китай предъявил претензию не по поводу российско-украинского конфликта (которого никогда на самом деле и не было!), а предъявил претензии США по поводу того, что они вне диалога пытаются выстраивать новый геоэкономический порядок, не понимая и не принимая разницу интересов других стран и народов.

Дипломат подчеркнул, что российско-китайские отношения всеобъемлющего партнерства и стратегического взаимодействия основаны на принципах не присоединения, не конфронтации и не нацеливания на третьи стороны. Он отметил, что сотрудничество Москвы и Пекина — это внутреннее дело двух независимых государств. «Мы никогда не смиримся с указаниями и даже угрозами с целью давления со стороны США в отношении российско-китайских отношений» (Пекин отказался мириться...).

Мюнхенская конференция «по безопасности» 2023 г. фактически напомнила Мюнхенский сговор 1938 г. (сходства более, чем очевидное!). Политический шабаш прошел под лозунгом: «Всё, что может уничтожить русских, все хорошо»! Идеологический шабаш завершился, но к реальности участники это действия так и не вернулись...

Президент России В.В. Путин так прокомментировал новый Мюнхенский сговор 2023 года: «На недавней конференции в Мюнхене звучали бесконечные обвинения в адрес России. Складывается впечатление, что это делалось лишь для того, чтобы все забыли, что натворил так называемый Запад за последние десятилетия. А это они выпустили джинна из бутылки, целые регионы погрузили в хаос... По оценкам самих американских экспертов, в результате войн... в результате войн, которые развязали США после 2001 года, погибли почти 900 тысяч человек, более 38 миллионов стали беженцами. Всё это они сейчас просто хотят стереть из памяти человечества, делают вид, что ничего не было. Но этого в мире никто не забыл и не забудет» (Путин, 2023).

СООБЩЕСТВО ЕВРАЗИЙСКИХ ЦИВИЛИЗАЦИЙ

В последнее время мы наблюдаем весьма стремительное развитие политического сообщества евразийских стран-цивилизаций, которые формируются в контексте борьбы за новый многополярный миропорядок. Евразия выходит на первый план, отодвигая в сторону страны атлантического альянса. Она стремится выстроить свою систему международных отношений, предложить свою повестку дня, свои системы ценностей, в целом общие (традиционные) для этой части мира.

На евразийском пространстве усиливается противостояние западного мира (мира англосаксонской гегемонии и диктата) с миром сообщества евразийских стран-цивилизаций (Россия, Китай, Индия, Иран), которые все успешнее отстаивают свои национальные интересы. Именно это и раздражает США, которые чувствуют, что настали финальные аккорды их монополярного миропорядка.

Присутствие англосаксов в Евразии уже становится совершенно неуместным. Они всегда воспринимались здесь как совершенно инородный элемент. Политическая культура евразийских элит отличается настолько от западных стандартов, что Запад видит в их системах автократию и авторитаризм (Карабущенко, 2021). Эти культурные коды совершенно несовместимы и потому всегда будут находиться в состоянии антагонистического противостояния.

Отправной точкой этого противостояния следует считать февраль 2007 г. Напомним, что именно в феврале 2007 г. Президент России В.В. Путин, выступая на Мюнхенской конференции по безопасности, произнес речь, в которой подверг жесткой критике внешнюю политику США и идеи однополярного мироустройства, выступил против планов расширения НАТО и размещения в Восточной Европе объектов американской противоракетной обороны.

Министр иностранных дел Российской Федерации С.В. Лавров отмечал, что «безусловно региональная безопасность остается весьма актуальной темой наших отношений не только в двустороннем плане, но и в многостороннем. Многие международные коллеги, в том числе расположенные далеко от этого региона, проявляют живой интерес к тому, чтобы способствовать продвижению на пути урегулирования между Азербайджаном и Арменией. Мы, как неоднократно говорил Президент России В.В. Путин, приветствуем все усилия, которые будут исходить из интересов стабилизации обстановки и создания условия для того, чтобы все расположенные здесь страны имели возможность нормально, на основе взаимоуважения, взаимной выгоды сотрудничать в интересах своих государств и далее» (Вступительное слово Министра...).

В начале XXI столетия страны-цивилизации Евразии демонстрируют всему миру бурный рост своего экономического веса и политического авторитета. Поднялись гиганты (Китай, Индия). Каждый равный центру западной цивилизации (США). И самое главное, эти страны стали пересматривать критерии и ценности западного стандарта, по которым сам Запад вел с ними конкурентную борьбу.

В отличие от Запада страны-цивилизации Евразии живут и развиваются за свой счет и в этом смысле они самодостаточны. Эта опора на собственные ресурсы и вызывает истерию со стороны коллективного Запада, который в своем развитии опирается на стратегию колониального ограбления мира. Этим и объясняется обострение конкурентной борьбы на международной арене.

В политическом плане между странами-цивилизациями Евразии уже выстраивается равноправный политический диалог, и они уже научились вполне обходиться без западного (англосаксонского) участия. По своей природе это не иерархическая, а сетевая система взаимоотношений, что предусматривает равноправное партнерство, а не диктат одного гегемона. В перспективе из этого четырехугольника (Россия, Китай, Индия, Иран) может вырасти прочный фундамент евразийского союза.

Существующие между Индией и Китаем разногласия вполне могут быть урегулированы благодаря усилиям России и Ирана, у которых равные партнерские отношения, как с Пекином, так и с Дели. И все к этому идет, если не вмешается третья сторона в лице англосаксонского мира. Но самое главное, у этих стран практически нет негативного исторического опыта во взаимоотношениях друг с другом. На Востоке Евразии имеется только одна русофобская страна – это Япония, тогда как на евразийском Западе их целый клуб, объединенный англосаксонской короной.

В Евразии создается альтернативная политическая структура (в основе которой находится симбиоз России и Китая), которая объединяет ведущие страны этого региона. Политический союз России и Китая все больше приобретает системные

очертания. И форматы этого союза указывают на возникновения нового мирового центра силы. Центра, который оказывается более привлекательным, чем центр западной силы. США боятся этого альянса и по-прежнему действуют по принципу «разделяй и властвуй».

В своем стратегическом планировании страны евразийского региона отличаются более миролюбивой внешней политикой, чем страны т.н. коллективного Запада. Так, например, глава китайского МИДа Цинь Ган на форуме «Инициатива глобальной безопасности: китайское решение дилеммы безопасности» (2023 г.) заявил: «В настоящее время Китай является единственной страной в мире, которая закрепила в своей Конституции “приверженность пути мирного развития”» (Добрунов, 2023). Дипломат также подчеркнул, что Китай глубоко обеспокоен обострением конфликта на Украине и «выходом его из-под контроля», не следует сравнивать ситуацию в этой стране и проблему Тайваня: «В то же время мы призываем соответствующие страны немедленно прекратить подливать масла в огонь, перестать обвинять Китай и прекратить кричать о том, что «Украина — сегодня, Тайвань — завтра» (Добрунов, 2023). Однако было замечено, что Запад традиционно оценивает призывы к мирному диалогу как проявление слабости партнеров, поэтому всегда усиливает свое давление до тех пор, пока не получает ответную силовую реакцию.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ РИСКИ И УГРОЗЫ БОЛЬШОГО КАСПИЙСКОГО РЕГИОНА

США активизирует «больные точки» вдоль всей границы России: Финляндия, Прибалтика, Польша, Украина, Румыния, Грузия, Иран, Казахстан, Туркменистан, Афганистан, Тайвань, Япония, Арктический маршрут... Круг замкнулся... Везде мы видим присутствие англосаксов и везде примерно в одно и то же время выявлялись какие-то проблемы, направленные против России.

По всему периметру российских границ англосаксами старательно разжигаются военно-политические конфликты. Англосаксы фактически отбросили в сторону свои маски миротворцев и окончательно проявили свои ястребиные сущности. США и их вассалы готовы пойти на открытый военный конфликт с Россией. Подрыв газопроводов в сентябре 2022 г. стал фактически неофициальным объявлением войны Москве.

Конфликт на Украине стал для Запада неприятным сюрпризом, поскольку он неожиданно для них перерос в конфликт вокруг Украины. Весь вопрос в том, как далеко США могут пойти в конфликте на Украине и самое главное – насколько они посчитают свое поражение на Украине для себя критическим? Если они посчитают, что это поражение может привести к краху их мировой политики, они будут идти здесь до конца; если для них этот конфликт всего лишь один из эпизодов, то они могут уйти, точно также как они уже ушли из Ирака и Афганистана.

Центром, вокруг которого США строят свою политику в отношении России, стал фанатизм русофобии. Не рационализм, не моральные основания, не экономическая целесообразность, а именно фанатическая ненависть к России и к русским.

Запад готовится к «длинной войне», формируя вторую стратегическую линию обороны от русских – Польша, Румыния, Молдова, Грузия/Армения, Афганистан... Именно где-то там будет открыт «второй и третий фронт» против России. Все дело в том, что Россия может тоже открыть «второй фронт» против уже самого Запада.

Особый для нас интерес вызывает то, что происходит в геополитическом пространстве Большого Каспия (БК). А здесь активизировалась старая история – здесь началась новая серия «Большой игры» России с англосаксонским миром. Всем давно хорошо известно, что на свете нет такого преступления, на которое бы ангlosаксы не пошли в отстаивании своих глобальных интересов.

Уже во время проведения Россией СВО, США попытались втянуть в конфликт Грузию, подталкивая ее руководство к открытию «второго фронта» в Южной Осетии или в Абхазии. У официального Тбилиси хватило тогда ума и чувства самосохранения, чтобы этого не делать, ибо еще свежи события августа 2008 г. Но попытки на этом не окончились и будут продолжаться по мере необходимости, а потребности у США неграничны.

Попытка расшатать ситуацию вокруг Нагорного Карабаха привела к военному столкновению Азербайджана (и Турции) с Арменией осенью 2020 г., закончившаяся вводом российских миротворцев в зону конфликта. Внутренняя политическая нестабильность в Ереване чревата усилением гражданской конфронтации и уходом страны под крыло западного альянса.

Постоянные проблемы с Ираном создают угрозу на южном векторе Большого каспийского региона. Главная тема Большого Каспия – это углеводородная безопасность. Поэтому зона Персидского залива (как естественного продолжения БК) всегда являлась дугой напряжения в противостоянии местных государств с англосаксонской экспансией. Иран – это постоянный раздражитель ангlosаксов, поскольку разрушает их монополию на мировую логистику и торговлю.

В январе 2022 г. полыхнуло в Казахстане, где прозападные НКО фактически организовали попытку государственного переворота. ОДКБ весьма оперативно и эффективно отреагировало на эту угрозу, задействовав свои оперативные мобильные миротворческие силы.

Попытки расшатать ситуацию в центрально азиатских государствах ведутся ангlosаксами постоянно. И здесь ими активно разыгрывается карта Афганистана, где к власти пришел режим талибов. А есть еще Синьцзян-Уйгурский автономный округ Китая, по поводу которого США очень сильно обеспокоены насчет соблюдения там прав уйгурского населения...

В таких условиях возрастает проблема коллективной безопасности и возможности эффективного противостояния угрозам, исходящим со стороны коллективного Запада. Запад просчитался, полагая, что Россия может испугаться и пойти на попятную. События последних десятилетий напротив указывают на то, что у руководства России есть воля, есть терпение, есть четкое понимание того, что происходит и к каким конкретным целям ей необходимо идти, чтобы обеспечить свой суверенитет и безопасность своих национальных интересов. В своем Послании Федеральному собранию Президент Российской Федерации В.В. Путин в 2023 г. отметил,

что «мы твёрдо отстаиваем не только свои интересы, но и нашу позицию о том, что в современном мире не должно быть деления на так называемые цивилизованные страны и все остальные, что необходимо честное партнёрство, в принципе отрицающее любую исключительность, тем более агрессивную... Мы были открыты, искренне готовы к конструктивному диалогу с Западом, говорили, настаивали на том, что и Европа, и весь мир нуждаются в неделимой, равной для всех государств системе безопасности, и много лет предлагали нашим партнёрам вместе обсудить эту идею, работать над её реализацией. Но в ответ получали невнятную либо лицемерную реакцию. Это что касается слов. Но были и конкретные действия: это расширение НАТО к нашим границам, создание новых позиционных районов противоракетной обороны в Европе и Азии – «зонтиком» решили прикрыться от нас, – это развёртывание военных контингентов, причём не только у границ России» (Путин, 2023).

Обрисованная нами ситуация, иллюстрирует то, чем занимаются США и их сателлиты в регионе БК. Рамки концепции БК дают нам возможность видения целостной картину состояние дел, понимать подлинный смысл происходящих здесь процессов. И мы оцениваем сумму этих событий как продолжение Большой игры, как геополитику противостояния уже существующего (и находящегося уже на излете) англосаксонского мира миру евразийских цивилизаций, политическое единство которого складывается на наших глазах.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Большой Каспий оказывается в центре пересечения двух новых логистических маршрутов – китайского проекта «Один пояс – один путь» и российско-ирано-индийского проекта «Север-Юг». Перспективы развития Большого Каспийского региона во многом будут зависеть от успеха реализации этих проектов. О существующих рисках и угрозах мы уже отметили выше.

Для Запада важно показать, что данный регион Евразии является нестабильным и они постоянно будут сами пытаться его подпалить в разных местах. Англосаксонский Запад не остановится ни перед чем. Но для многих сегодня уже становится очевидным, что их гегемония на излете, что эпоха однополярного мироустройства проходит и наступает совершенно иной мир, - мир, где англосаксам уже не будет места. Особенно в Евразии. И именно Большой Каспий может сыграть важную роль в процессе деамериканизации всей Евразии. Заметим, что данный регион притягивает к себе все те страны, которые уже стали или еще становятся оппонентами коллективному Западу – Россия, Китай, Иран, Индия... И этот «клуб» может вскоре расширяться за счет таких стран, как Турция, Саудовская Аравия, Пакистан... Перспективы очевидны. Все дело в том, чтобы реализовать на практике те проекты, которые этими странами уже начаты – это и ШОС, это и БРИКС, это и двусторонние конструктивные отношения на равноправном диалоге культур и т.д. И у России есть, что предложить этому новому миру и занять в нем достойное место.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вступительное слово Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова на встрече с Президентом Азербайджанской Республики И.Г.Алиевым, Баку, 27 февраля 2023 года. Получено из: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1855804/
- Гукасов, А. В., Косов, Г. В. (2020). Технологии формирования нового мирового порядка в период «interregnum»: к вопросу формирования новых элитарных зон и территорий распада (кейс Большого Средиземноморья). *Вопросы элитологии*, 1, 4, 82-103. <https://doi.org/10.46539/elit.v1i4.38>
- Добрунов, М. (2023). Китай призвал не считать, что «Украина — сегодня, Тайвань — завтра». Получено из: <https://news.mail.ru/politics/55142428/?frommail=1>
- Карабущенко, П.Л. (2021). Политическая культура евразийских элит: от частного к общему. *Вопросы элитологии*, 2, 4, 63-84. <https://doi.org/10.46539/elit.v2i4.85>
- Маркелов, К. А. (2020а). Современные геостратегические концепции политических элит прикаспийских государств. *Вопросы элитологии*, 1, 1, 147-170. <https://doi.org/10.46539/elit.v1i1.9>
- Маркелов, К. А. (2020б). *Большой Каспий в геополитическом измерении*: монография. М.: Экон-Информ, 198 с.
- Маркелов, К.А. (2021а) Новые имперские тенденции Евразии: политические элиты в поисках своего лидерства. *Вопросы элитологии*, 2, 3, 140-155. <https://doi.org/10.46539/elit.v2i3.76>
- Маркелов, К. А. (2021б). Развитие концепта «Большой Каспий» и современные геополитические отношения Северо-Кавказского региона. *Современная наука и инновации*, 3(35), 231–242.
- Маркелов, К. А. (2022а). Большой Каспий в современных геополитических условиях. *Современная наука и инновации*, 2 (38), 139–153.
- Маркелов, К. А. (2022б). История и современность в развитии международного транспортного коридора «Север – Юг». *Каспийский регион: политика, экономика, культура*, 1(70), 98–109.
- Маркелов, К. А., Зволинский, В.П. (2017). *Место и роль России и прикаспийских стран в энергетике и экономике мира*. Астрахань: Астраханский университет, 249 с.
- Пекин отказался мириться с попытками США надавить на отношения России и КНР. Получено из: <https://news.mail.ru/politics/55123243/>
- Постникова, Е. (2023). О чем на Мюнхенской конференции говорили лидеры постсоветских стран. Получено из: <https://news.mail.ru/politics/55125593/?frommail=1>
- Путин, В.В. (2023). Послание Президента Федеральному Собранию. Получено из: <http://kremlin.ru/>

Для цитирования: Маркелов К.А. (2023). Риски и угрозы геополитического пространства Большого Каспия (БК). *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(1), 11-24.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_11

REFERENCES

- Opening remarks by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov at a meeting with the President of the Republic of Azerbaijan I.G. Aliyev, Baku, February 27, 2023. Retrieved from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1855804/ (in Russian)
- Gukasov, A. V. & Kosov, G. V. (2020). Technologies for the formation of a new world order in the period of "interregnum": on the issue of the formation of new elite zones and territories of disintegration (the case of the Greater Mediterranean). *Issues in Elitology*, 1, 4, 82-103. <https://doi.org/10.46539/elit.v1i4.38> (in Russian)
- Dobrunov, M. (2023). China urged not to assume that "Ukraine is today, Taiwan is tomorrow." Retrieved from: <https://news.mail.ru/politics/55142428/?frommail=1> (in Russian)
- Karabuschenko, P.L. (2021). Political culture of the Eurasian elites: from the particular to the general. *Issues in Elitology*, 2, 4, 63-84. <https://doi.org/10.46539/elit.v2i4.85> (in Russian)
- Markelov, K. A. (2020a). Modern geostrategic concepts of the political elites of the Caspian states. *Issues in Elitology*, 1, 1, 147-170. <https://doi.org/10.46539/elit.v1i1.9> (in Russian)
- Markelov, K. A. (2020b). *Big Caspian in the geopolitical dimension: monograph*. Moscow: Ekon-Inform, 198 p. (in Russian)
- Markelov, K.A. (2021a) New imperial tendencies in Eurasia: political elites in search of their leadership. *Issues in Elitology*, 2, 3, 140-155. <https://doi.org/10.46539/elit.v2i3.76> (in Russian)
- Markelov, K. A. (2021b). Development of the concept "Great Caspian" and modern geopolitical relations of the North Caucasus region. *Modern Science and Innovations*, 3(35), 231–242. (in Russian)
- Markelov, K. A. (2022a). Big Caspian in modern geopolitical conditions. *Modern Science and Innovations*, 2 (38), 139–153. (in Russian)
- Markelov, K. A. (2022b). History and modernity in the development of the international transport corridor "North - South". *Caspian region: politics, economics, culture*, 1(70), 98–109. (in Russian)
- Markelov, K. A. & Zvolinsky, V.P. (2017). *The place and role of Russia and the Caspian countries in the energy and economics of the world*. Astrakhan: Astrakhan University, 249 p. (in Russian)

Beijing refused to put up with US attempts to put pressure on relations between Russia and China. Retrieved from: <https://news.mail.ru/politics/55123243/> (in Russian)

Postnikova, E. (2023). What did the leaders of the post-Soviet countries talk about at the Munich Conference? Retrieved from: https://news.mail.ru/politics/55125593/?from_mail=1 (in Russian)

Putin, V.V. (2023). Message of the President to the Federal Assembly. Retrieved from: <http://kremlin.ru/> (in Russian)

For citation: Markelov K.A. (2023). Risks and Threats of the Geopolitical Space Greater Caspian Sea (BC). *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(1), 11-24.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_11

THE FATE OF RUSSIA AND THE GEOPOLITICAL RESTRUCTURING OF THE WORLD: FROM THE BETRAYAL OF THE ELITES TO THEIR CONSOLIDATION

Pavel L. Karabushchenko

Doctor of Philosophy, Professor
Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia

E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2776-4089>

ABSTRACT

As Russian political history testifies, the fate of the country largely depended on the unity or split of its ruling political class. This historical marker marked the rise of the power of the Russian state and the onset of the Time of Troubles here. This largely determines the fate of Russia as a historical and civilizational project. Recall that fate, as a rule, is understood as a kind of totality of all historical events and cultural and psychological circumstances that are predetermined and primarily affect the existence of a people and an individual. As a kind of predestination of events, fate determines the actions of the authorities, elite communities and individual political figures (leaders) in politics.

The essence of the historical moment experienced by Russia is the transition from the betrayal of the elites (which began in 1991) to the consolidation of the elites (which began in 2022). Russia is gaining its sovereignty and its subjectivity by watching the former leading world players lose their sovereignty and subjectivity. And these multi-vector processes, as a rule, are accompanied by tendencies of strengthening or degradation of the patriotic mood of the ruling elite groups and communities, which lead them either to betrayal of national interests, or to their glorification.

KEYWORDS

geopolitics, elites, Eurasia, patriotism, decolonization, "friend or foe", carnival political culture, conflict; war.

СУДЬБА РОССИИ И ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПЕРЕСТРОЙКА МИРА: ОТ ПРЕДАТЕЛЬСТВА ЭЛИТ К ИХ КОНСОЛИДАЦИИ

Карабущенко Павел Леонидович

доктор философских наук, профессор

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева

Астрахань, Россия

E-mail: Pavel_karabushenko@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2776-4089>

АННОТАЦИЯ

Как свидетельствует российская политическая история, судьба страны во многом зависела от единства или раскола ее правящего политического класса. Этим историческим маркером отмечалось взлет могущества российского государства и наступление здесь смутного времени. Этим во многом и определяется судьба России, как историко-цивилизационного проекта. Напомним, что судьба, как правило, понимается как некая совокупность всех исторических событий и культурно-психологических обстоятельств, которые предопределены и в первую очередь влияют на бытие народа и отдельно взятой личности. Как некая предопределённость событий, судьба определяет в политике поступки властей, элитных сообществ и отдельных политических деятелей (лидеров).

Сутью переживаемого Россией исторического момента – это переход от предательства элит (начавшегося в 1991 г.) к консолидации элит (начавшегося в 2022 г.). Россия обретает свой суверенитет и свою субъектность, наблюдая за тем, как свой суверенитет и свою субъектность теряют бывшие ведущие мировые игроки. И эти разновекторные процессы, как правило, сопровождаются тенденциями усиления или деградации патриотического настроения правящих элитных групп и сообществ, которые приводят их или к предательству национальных интересов, или к их героизации.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

геополитика, элиты, Евразия, патриотизм, деколонизация, «свой - чужой», карнавальная политическая культура, конфликт, война.

ВВЕДЕНИЕ

Россия борется за свое великое будущее. Поэтому и возникает столь яростное сопротивление со стороны англосаксонского геополитического альянса. Именно в этом контексте и следует рассматривать нам текущие международные отношения.

Современные международные отношения все больше напоминает геополитические качели, порождающие состояния хаоса и крайней когнитивной неустойчивости. Происходит активная геополитическая перестройка мира. И Россия стремится играть в этой перестройке роль главного архитектора. Конфликт давно уже перерос в острую фазу противостояния. При этом коллективный Запад уже и не скрывает, что ведет в отношении России самую настоящую гибридную войну. Войну, которая по своему характеру уже является мировой.

Стратегическая цель России – обеспечить себе экзистенциальную безопасность; стратегическая цель Запада – ликвидация России как геополитической угрозы для его мировой гегемонии. Столкновение противоположностей и приводит мир в состоянии войны всех против всех.

На международной арене Россия ведет себя крайне пассивно. Она не начала наступать на Запад, а только активно сопротивляется наступлению самого Запада. Она работает «вторым номером». Кремль боится открытия против России второго фронта. Но при этом сам не допускает и мысли об открытии второго фронта против самого Запада. А этот второй фронт мог бы стать хорошим подспорьем для ее геополитики. *Пока Россия живет с конфликтом, но не управляет этим конфликтом.* И до тех пор, пока она будет жить с конфликтом, он будет носить для нее деструктивный характер. Перевод деструктивности в конструктивность приведет Россию к желаемому для нее варианту решения этого конфликта.

Безопасность России заключается в ликвидации политического проекта под названием «Украина», и как план минимум - возвращении НАТО к границам 1991 г. (а максимум - роспуск этой организации как анахронизма холодной войны). Только так, а не иначе, Россия может гарантировать себе безопасность на экзистенциальном уровне.

Запад по-прежнему пытается управлять судьбами мира. И ключевыми моментами для них здесь оказываются их главные конкуренты – Россия и Китай. Проводя против них прокси войну, США стремятся максимально обескровить и ослабить конкурентов, не считаясь со своими финансовыми расходами на реализацию этого проекта.

«ЗАКАТ ЕВРОПЫ»

Современный Запад живет по нормам прогноза О. Шпенглера, еще в начале XX в. писавшего о закате Европы. Так называемый коллективный Запад проходит химиотерапию исторической памяти. Во власть пришли откровенно карнавальные персонажи – шуты и фрики, активно выдающие себя за профессиональную элиту.

То, что происходит с современными западными элитами, может быть однозначно квалифицировано как предательство элитами интересов Европы. Они погрязли во лжи карнавальной политической культуры. Власть втянула Запад в откровенное политическое безумие, имя которому – русофобский сатанизм.

С точки зрения глобальной экономики, Западная Европа очень странный регион. Здесь политическая граница проходит по меридиану Берлина – всё, что восточнее, всё дотационно, всё находится в тотальной нищете. И это правило лимитрофов действует от Берлина и до границ России.

Глава МИД РФ С.В. Лавров заявил о том, что «Мир вступил в эпоху кардинальных, необратимых перемен. Вы все знакомы с посланием Президента В.В. Путина Федеральному Собранию, где подробнейшим образом изложены все оценки. Как акцентировал глава государства, на всех нас лежит огромная ответственность. Отмечу, что в настоящий момент решается, как сказал Президент России В.В. Путин, конфигурация будущего миропорядка, по итогам которой определится место России в формирующейся сейчас демократической, справедливой, полицентричной системе, которой нет и не может быть альтернативы. ...нам удалось не только сорвать планы «коллективного Запада» по изоляции, а то и расчленению России, но и обеспечить поступательное сотрудничество с подавляющим большинством членов международного сообщества – мы его сейчас называем Мировым большинством, с которым у нас всё более тесные и результативные связи» (Лавров, 2023). И далее С.В. Лавров акцентировал своё внимание на откровенном элитаризме (утверждении собственного превосходства) западного политического руководства: «...до недавнего времени ещё пару лет назад те самые внешние условия, которые нам необходимы для развития, определялись не нами, а западным меньшинством – «золотым миллиардом», который все свои внешнеполитические инициативы продвигает с единственной целью – сделать так, чтобы мир жил по их «правилам», которые позволяют «золотому миллиарду» продолжать колониальную политику, дающую Западу возможность продолжать жить за счёт других. Не будем больше полагаться на кого-то, когда речь идёт о создании нужных нам внешних условий развития..., подчеркну, что это совершенно не идентично эгоистичной политике Запада...» (Лавров, 2023). Повторяем – весьма точный геополитический диагноз политической реальности.

Отношения Запада к России все больше напоминает русофобский сатанизм. Русофобская истерия стала смыслом бытия западных политических элит. Русофобия — это тоже война – война смыслов, страхов и безумства.

Если раньше мы считали, что Запад – это Запад (Западная Европа + Северная Америка), то в настоящее время мы (в России) понимаем, что Запад – это мы сами. «Старый Запад» - закатился; «Новый Запад» - родился. В лице стран, народов и политиков Евразии Россия – это Запад, Россия – это подлинная Европа.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ ПАЛИТРА МИРА

Доктор экономических наук, профессор С. Ю. Козьменко характеризуя геополитическое пространство глобального противостояния «континент vis океан»,

отмечал: «При построении геополитического и экономического атласа современного мира на основе сопряжения пространства в системе «континент vis океан» с позиций П. Н. Савицкого и современных представлений И. Ф. Кефели Европа не является единой геополитической конструкцией. Идентификация плавающей границы между западной и восточной частями, то есть пространствами, находящимися под влиянием англосаксов на западе и современного русского мира на востоке, во многом надумана. Это служит обоснованием бесконечного продолжения европейской и евразийской версий «Большой игры». Однако в Европе проходит линия соприкосновения двух цивилизаций — морской и континентальной, которые и формируют две отличающиеся друг от друга части Европы, соответственно, западную и восточную. И если геополитическое местоположение Западной Европы характеризуется сопряжением морского пространства — морей Атлантического океана и собственно Северной Атлантики, то Большая Россия (Восточная Европа) — сочетанием европейских возвышенностей и равнин. Северная часть этой линии соприкосновения проходит примерно по реке Висла, что характеризует принадлежность того или иного пространства к соответствующей цивилизации». (Козьменко, 2022)

Евразия всегда была ареной, где возникали, расцветали и гибли различного рода империи. Но это всегда был не один, а множество конкурирующих имперских проектов (Оськина, Кудряшова, Джанталеева, 2021). Евразия всегда была в этом плане плюралистична. Отсюда и столь пестрой её геополитическая палитра. Именно играя на этом многообразии Запад разделял и властвовал в своих эгоистических интересах. Свою лепту в разбалансировку геополитической картины мира вносят и ТНК, которые подкупают политические элиты, заставляя их действовать в своих олигархических целях (Вартумян, 2020). Предательство элит случилось в Ираке в 2003 г., в Ливии в 2011 г., и чуть было не случилось в Сирии в 2012 - 2015 г. И везде Вашингтон действовал по одной проверенной схеме — скупал политиков и разрушал государства.

В Евразии существует много «Гордеевых узлов» политической напряженности, проблемы которых невозможно разрешить мирным путем (Косов, Татарков, 2020). Назревают военно-политические конфликты, провоцируемые коллективным Западом, которые способен остановить только коллективный Восток. Но в настоящее время у США нет сил одновременно противостоять России и Китаю. Распыляя ресурсы, Америка повторяет судьбу Советского Союза. Напротив, ресурсы России и Китая способны обеспечить им стратегическое превосходство. И как тут не вспомнить известное изречение «Великого кормчего» Китая о том, что «ветер Востока победит ветер с Запада» ... (Владимиров, 1980, стр.244).

«СЕРДЦЕ ЕВРАЗИИ»

Официально Кремль определяет свою страну как отдельную (самостоятельную) цивилизацию: «Россия — крупнейшая евразийская держава, государство-цивилизация» (Выступление Министра иностранных...), которая привержена традициям диалога с другими такими же как и она цивилизациями. Со странами Евразии ее

«объединяет приверженность культурно-цивилизационному многообразию народов планеты, их права самим определять пути своего политического и социально-экономического развития» (Выступление Министра иностранных...).

Речь фактически идет о том, кто будет контролировать Восточную Европу, кто будет лидером этого геополитического пространства. На эту роль претендует Польша и даже Украина, националисты которой объявляют о своем стремлении контролировать пространство до Урала и Кавказа (!). Поэтому естественным врагом для них является сильная Россия. Безумство этих политических элит превращает политическое пространство в откровенный политический цирк.

В настоящее время судьба «сердца Евразии» решается на фронтах СВО на Украине, где фактически идет война России с НАТО. Россия победит в проводимой на Украине спецоперации, если общество проявит консолидацию и собранность, и противник это увидит. В.В. Путин в этой связи заявлял, что «для нас это не просто борьба за какое-то геополитическое состояние. Для нас это борьба за существование самой российской государственности, потому что противник наш, или, как я говорил раньше, партнёры, у них же одна задача, – и в предыдущие десятилетия мы в этом убедились: раскачать, растащить по кускам. Вот в чём всё дело. Так что для нас это не геополитическая задача, а задача выживания российской государственности, создание условий для будущего развития страны и наших детей – вот наша задача» (Путин, 2023).

В настоящее время мы наблюдаем процесс деамериканизации Евразии, когда инициативу у англосаксов постепенно перехватывают Россия, Китай, Индия... И в этом перехвате и заключается суть переживаемой нами исторической эпохи. Сухопутное могущество перехватывает инициативу у могущества морского¹. И в этом столкновении многие геополитики все чаще усматривают великое столкновение мощи «суши и моря». В отношении США и России действует принцип взаимоисключения: в концепции англосаксов «море» всегда побеждает «сушу», тогда как в концепции России «суша» всегда превосходит «море».

Выражение геополитическое «Сердце Евразии» указывает на то, с чьим тактом будут все остальные «сердца» евразийских государств. В настоящее время «Сердце Евразии» оказывается в расширенном состоянии, как совместное сердцебиение России и Китая. «Россия и Китай – державы с древними самобытными традициями и колоссальным культурным достоянием... В отличие от некоторых претендующих на гегемонию и вносящих разлад в мировую гармонию стран Россия и Китай в буквальном и переносном смысле строят мосты... Совместно с единомышленниками наши страны последовательно выступают за формирование более справедливого многополярного мироустройства, основанного на международном праве, а не на неких «правилах», обслуживающих потребности «золотого миллиарда»...» (Статья Владимира Путина...).

СЦЕНАРИИ ТРЕТЬЕЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

¹ Теория морской мощи была сформулирована англосаксами в качестве их базовой геополитической стратегии еще в самом начале XX столетия и стала матрицей их всего последующего милитаризма (Мэхэн, 2002).

Сценарии новой мировой войны, как правило, носят спекулятивный характер и дальше одного политического сезона не держатся в поле внимания международной профессиональной общественности. Главная их цель – психологическое воздействие на противника с целью изменения его мышления и поведения в удобное для себя направление. Поэтому весьма часто спекулятивность преобладает в таких проектах над рациональностью.

Для США важно сделать Евразию новой ареной военных действий. И главными ее стратегическими врагами являются Россия и Китай. Но, как ничего США не смогли сделать ни с Ираном, ни с Сирией, ни с Афганистаном, так у них ничего не получится и с этими двумя геополитическими гигантами. Они уже не по их «зубам».

Главное в стратегических планах США – заставить своих «союзников» воевать с их врагами. Поэтому с Россией они предпочитают воевать чужими руками и на чужой территории. В отношении России они выстроили многоярусную систему атаки, где на первой линии оказалась Украина, на второй Польша и страны Прибалтики, на третьей – все остальные страны ЕС, и лишь на четвертой линии разместились англосаксы. Главная цель – измотать противника, довести его до состояния вынужденного признания своего стратегического поражения.

В качестве «второго фронта» против России вашингтонские стратеги планируют задействовать такие страны, как Молдова, Грузия, Армения, Казахстан... Иными словами, взорвать как можно больше (желательно всё) постсоветского пространства. Поссорить Россию с Китаем и Ираном им не удалось, хотя тоже очень сильно хотелось. Но как мастера политической провокации, англосаксы постоянно раздувают пожары конфликтов, сдерживая ими своих прямых конкурентов.

США реально станут самой миролюбивой страной в мире, если Третья мировая война будет идти на их территории. Иные варианты ее никогда не приведут в чувства. И в этом плане США являются самой деструктивной силой в мире. Секретарь Совета безопасности России Н.П. Патрушев отмечал, что российская «многовековая культура основана на духовности, сострадании и милосердии. Россия – исторический защитник суверенитета и государственности любых народов, которые обращались к ней за помощью. Она как минимум дважды спасала сами США – во время Войны за независимость и Гражданской войны. Но я полагаю, что в этот раз помогать Штатам сохранить свою целостность нецелесообразно» (Патрушев, 2023). Правильно извлеченные из истории уроки, предадут текущей политике особое очарование...

Свою версию мировых событий изложил в конце 2022 г. и Д.А. Медведев. В своем «telegram» он акцентировал внимание на следующих возможных вариантах развития событий: «возврат Великобритании в Европейский союз; Распад Европейского союза после возврата Великобритании и отмена хождения евро в качестве валюты бывшего ЕС; Захват Польшей и Венгрией западных областей бывшей Украины; Создание Четвёртого рейха на базе Германии и примкнувших к ней сателлитов (Польши, стран Прибалтики, Чехии, Словакии, Румынии, Киевской республики и пр. маргиналов); Война между Францией и Четвёртым рейхом. Раздел Европы,

включая новый раздел Польши; Отделение Северной Ирландии от Королевства Великобритания и Северной Ирландии и присоединение к Республике Ирландия; Гражданская война в США, выделение Калифорнии и Техаса в самостоятельные государства. Создание союзного государства Техаса и Мексики. Последующая победа Илона Маска в ходе выборов президента США в части штатов, закреплённых после гражданской войны за республиканцами; Перенос всех крупнейших фондовых площадок и финансовой активности из США и Европы в Азию; Крушение Бреттон-Вудской финансовой системы, включая крах МВФ и Всемирного банка. Отказ от евро и доллара в качестве мировых резервных валют. Возвращение золотого стандарта. Переход к активному использованию цифровых фиатных валют» (Медведев, 2022). Тоже весьма оригинальная трактовка политических событий 2023 года.

ДЕКОЛОНИЗАЦИЯ МИРА

Декolonизация мира прежде всего выражается в окончательном распаде англосаксонских империй – США и Великобритании. В перспективе планируется военно-политический конфликт Испании и Великобритании из-за Гибралтара и конфликт самого Мадрида с Барселоной из-за Каталонии.

Россия обязана довести до логического завершения то, что начал делать Советский Союз, но не успел завершить. Речь идет о деколонизации мира. Речь идет о том, чтобы вообще прекратить практику неокOLONиального господства Запада над своими бывшими колониями.

С целью приведения в чувства Великобритании, Россия может поставить ракеты морского базирования и С-300 Аргентине для того, чтобы Фолклендские острова вновь стали Мальвинскими. Тоже самое следует сделать и в отношении Кубы, чтобы она смогла ликвидировать иностранную военную базу на своей территории (Гуантанамо).

В стратегическом плане Россия должна поддерживать в Европе национально-освободительное движение: сказать свое веское слово в борьбе шотландского народа за независимость от Британской империи; поддержать чаяния каталонского народа от испанского национализма; поддержать восстановление государственности Бургундии, Баварии, Венеции, Корсики, Уэльса, Шотландии, страны Басков, Аляски, Гавайи и т.д., и т.п. ...

События последних лет указывает на то, что Евразия выходит из-под контроля англосаксонского мира (США + Великобритания) и здесь усиливается влияние России и Китая. Поэтому для англосаксов важно уходя, разрушить здесь всё, что только можно. И пример Украины, которая всё больше превращается в руины, тому самый наглядный пример.

ЗАПАДНАЯ ЕВРАЗИЯ

Коллективный Запад все больше погружается в мир Оруэлла - Брюссель выделяет деньги на войну на Украине из своего «фонда мира» (!?). В западном мире все перевернулось, все стало политическим карнавалом (Карабущенко, 2022). Как

показывает герменевтический анализ современного западного политического элитарного сознания, уровень осмысления происходящего, оставляет желать лучшего. В основном преобладают мифологические стереотипные клише, трафаретное мышление, без какого-либо критического осмысления реальности (Карабущенко, Гайнутдинова, 2020). Именно такой тип элиты и открывает путь к росту карнавальной политической культуры. При этом мало кто обращает внимание на девиантное поведение политиков, потому что оно стало уже для многих нормой (Оськина, 2022). В этой связи бывший президент России (2008 – 2012 гг.) Д.А. Медведев признает, что «нынешние европейские «лидеры» сплошь жалкие дилетанты, махровые русофобы и интеллектуальные пигмеи, никогда не встанут даже рядом со своими предшественниками. Теми, кто после самой разрушительной войны в XX веке строил новую, независимую и процветающую Европу. Это было особенно заметно в ходе прошедшего «чёса» украинских вымогателей. Апогеем «цирка уродов» стала аудиенция зелёной засаленной майки у британского монарха. Зато все мало-мальски адекватные люди, особенно старшего поколения, живущие на осколках великой Римской империи, теперь видят, что им продали какое-то дешёвое порнографическое шоу. Мерзкую и грязную фантазию, которая принесла европейцам только проблемы» (Медведев, 2023).

Старые «истинные» европейцы переживают самое настоящее национальное унижение от «Большого американского брата». Получается откровенный политический абсурд: «Но, когда пусть и бывшими, но империями понукают бывшие неудачники-недомерки... Ну хорошо, бывшие «великие княжества» – польское и литовское... это очень унижительно. Особенно для прямых потомков граждан Римской империи – квиристов. Да и для потомков воинственных франков и галлов. Закончится это правление экзальтированных младевропейских фриков для «старой европейской цивилизации» весьма плачевно. Она и так растворяется под натиском эмигрантов, прибывающих со всех концов света. А скоро исчезнет совсем, повторив известный миф о похищении Европы Зевсом. Только сегодня роль быка сыграет нахрапистая Америка, которую с открытым от вожделения ртом обслуживают предатели европейских интересов типа Польши и стран Прибалтики» (Медведев, 2023).

Активизация в 2010 - 2020-е гг. Польши наводит на мысль о том, что Варшава стремится не только стать «любимой женой» США, но и превратиться в лидера Восточной Европы. Польша надеется после расчленения Украины, захватить западные ее окраины. Идея «великой Польши» будет толкать Варшаву на конфликт с ее соседями (прежде всего с ФРГ и РФ). Подобный сценарий чреват новым разделом Польши и ее окончательным исчезновением с геополитической карты мира.

БЛИЖНИЙ ВОСТОК

Болевой точкой Ближнего Востока последние 70 лет был сам факт существования государства Израиль. Арабский мир никогда не признавал это, считая, что Запад их обманул в очередной раз, создав себе очередное колониальное владение. США воспринимают Израиль как своего ближневосточного вассала, тогда сам Израиль

часто оценивает США как свое политическое продолжение на американском континенте. Звезда Давида фактически стала одной из звезд на флаге США - без финансовой подпитки и военной поддержке Израилю просто не выжить на Ближнем Востоке.

Конфликт Израиля с Ираном тоже во многом создан США. Возобновление в 2023 г. дипломатических отношений Ирана и Саудовской Аравии под эгидой Китая стала еще одной звездной пощечиной для Вашингтона. На наших глазах разваливается антииранский арабский фронт, который все последние десятилетия создавали вокруг него США.

Очевидно, что странам Ближнего Востока уже надоел навязчивый американский доминант. Их гегемония всё больше приобретает противоестественный характер. Их тактика «цветных революций» дала временный успех, но перестала уже действовать, перестала быть эффективной...Отмечается устойчивое снижение влияния США в этом регионе. На наших глазах завершается полной катастрофой «сирийский проект» США. Сирия выстояла. Сирия победила. И это еще одна крайне обидная геополитическая пощечина для Вашингтона. И это еще одна причина ухода США из региона Ближнего Востока. И тенденция этого ухода все больше будет возрастать в ближайшем будущем.

Вывод: там, где нет США, народы и государства спокойно договариваются о взаимовыгодном сотрудничестве. Родовой грех Вашингтона в том, что он повсюду сеет вражду и войну.

ГЕОПОЛИТИЧЕСКАЯ СТРАТЕГИЯ РОССИИ В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ

США подстрекают Центральную Азию примкнуть к русофобскому Западу и стать плацдармом для их военно-политического давления на Китай (Синьцзянь-Уйгурский автономный район). Для этого они прилагают максимум усилий для дестабилизации этого региона, который является геополитическим подбрюшьем России. Особое внимание уделяется Казахстану, который уже в 2022 г. чуть было не стал жертвой англосаксонской политической провокации. И эта страна может в ближайшем будущем стать новой «горячей точкой».

В случае обострения ситуации и повторения Западом сценария гражданской войны в Казахстане, Россия должна решить задачу предотвращения угрозы своей национальной безопасности из этого региона. События января 2022 г. показывают, как действовать и какими темпами. Исламистов и русофобов следует выдавить из городов в степь. Закрепляться в степи, России смысла нет, достаточно контролировать крупные населенные пункты, где должны, как и раньше, стоять военные базы (гарнизоны), охраняющие русскоязычное население. Лишенные материальной подпитки экстремисты сами будут вынуждены «героически выживать» в степи, тратя на это свои последние имеющиеся в их распоряжении ресурсы. В дальнейшем уход военных сил России из этого региона нежелателен. Требуется активизация экономической интеграции Казахстана по примеру опыта Казахской ССР и максимальное использование «мягкой силы» русского мира.

Ключевой момент в российско-казахских отношениях – открытая граница между этими двумя государствами. И России необходимо максимально расширить эту границу до противоположных контуров Казахстана (т.е. распространить ее параметры на всю его территорию). Если Россия утратит контроль над Казахстаном, она получит еще одну «горячую точку» у себя под боком.

Взрывоопасным остается положение и на афганском направлении. США ушли из Афганистана (2021 г.), но по-прежнему пытаются раздуть там конфликт. Конфликт в Афганистане в первую очередь будет направлен против ближайших соседей этой страны – России, Китая, Индии и Ирана. Именно на это и рассчитывает Вашингтон, расшатывая этот регион.

И последнее. Визит генерального секретаря Коммунистической партии Китая Си Цзиньпина в Москву в марте 2023 г. показал, что Запад проиграл в борьбе за Китай. В этой связи в ближайшие месяцы 2023 г. должна развернуться борьба за Индию. Если и эту борьбу Запад вновь проиграет, это будет означать крах западной гегемонии в мире. Возникнет подлинный постамериканский мир. Мир, в котором США окончательно утратят свой элитарный имперский статус и превратятся в обыкновенную «нормальную» страну...

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время судьба России решается в геополитической перестройке мира, в установлении новых правил международных отношений, разрушающих устои монополярного миропорядка. Как совокупность всех исторических событий судьба требует от России быть и оставаться империей. Это предопределено ей самой историей. Начиная с лихих либеральных девяностых Россия стеснялась, а то даже и стыдилась своего имперского прошлого. Это чувство вины насаждалось ей извне теми, кто сам стремился обеспечить свой имперский статус за счет подавления имперского импульса реальных конкурентов. Только после 2014 г. Россия стала изживать в себе этот дефект и возвращаться в свое естественное (привычное) состояние.

В истории России начинается новый исторический период, когда она сама овладевает властью над своей собственной судьбой и начала строительство нового международного мира. И стратегическая агрессия Запада оказывается реакцией на эти предлагаемые ею изменения. В перделе мира с Россией активно участвует Китай и остальные поднимающиеся евразийские страны. В эпоху высокой международной турбулентности, Россия может оказаться главным ядром стабильности в мире. Россия несет миру здравый смысл, она несет миру диалог. Россия несет фундаментальные вещи – ценности и ресурсы, которые определяют безопасность, субъектность и суверенитет всем, кто выходит из режима однополярного мира. И Евразия вновь играет в этом новом историческом пространстве свою ведущую роль. Миссия России – быть локомотивом, быть ледоколом этого процесса. Россия борется за свое великое будущее. Она показывает всему миру, как надо эффективно противостоять неолиберальному Западу.

Запад стремится решить судьбу России без самой России. Он по-прежнему считает субъектность и суверенитет России ограниченными. Он по-прежнему думает о новом 1991 году. Для этого ему нужно предательство российских политических элит. Для Белого дома важно спровоцировать «войну башен Кремля» друг с другом. При этом сам Белый дом усиленно замечает под ковер царящие в самих США расколы в собственном истеблишменте. Вашингтонские стратеги опять пытаются сыграть на расколе российских элит, не желая видеть своего собственного внутринационального раскола. Именно для этого Западу и нужна Украина.

Тактическая геополитическая цель России – уничтожение НАТО, стратегическая цель – возвращение политики США в ее естественные административные границы. Цель США – не допустить возрождение российской империи... Победит самый настойчивый. Но, как показывает политическая история, Россия – это страна с «длинной волей» ...

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Вартумян, А. А. (2020). Транснациональные элитные группы: группа Ватикан. *Вопросы элитологии*, 2, 1, 88-98. <https://doi.org/10.465139/elit.v2i1.53>
- Владимиров, О.Е. (1980). *Маоизм без прикрас*. М.: Прогресс, 286 с.
- Выступление Министра иностранных дел Российской Федерации С.В. Лаврова в ходе встречи Группы стратегического видения «Россия – исламский мир» с послами государств-членов ОИС, Москва, 6 марта 2023 года. Получено из: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1856994/
- Карабущенко, П.Л. (2022). *Карнавальная политическая культура: монография*. М.: ИНФРА-М, 596 с.
- Карабущенко, П.Л., Гайнутдинова, Е.В. (2020). Политическая герменевтика и современная элитократия. *Вопросы философии*, 4, 58-68. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-58-68>
- Козьменко, С. Ю. (2022). Современный гамбит в евразийской версии «Большой игры». *Евразийская интеграция: экономика, право, политика. Международный научно-аналитический журнал*, 16, 4, 121-129.
- Косов, Г.В., Татарков, Д.Б. (2020). Ближневосточный узел Большого Средиземноморья в контексте элитологического анализа. *Вопросы элитологии*, 1, 1, 111-129. <https://doi.org/10.46539/elit.v1i1.7>
- Медведев, Д.А. (2023). О цирке уродов и новом похищении Европы. Получено из: https://t.me/s/medvedev_telegram
- Медведев, Д.А. (2022). Перед новым годом все любят делать прогнозы. Получено из: https://t.me/s/medvedev_telegram
- Мэхэн, А.-Т. (2002). *Влияние морской силы на французскую революцию и Империю*. М., СПб.: Terra Fantastica, 605 с.
- Оськина, О.И. (2022). Карнавальность как маркер современной девиантной политической культуры. *Вопросы элитологии*, 3, 2, 114-128. <https://doi.org/10.46539/elit.v3i2.10>

- Оськина, О.И., Кудряшова, Е.В., Джанталеева, М.Ш. (2021). Имперская идея в системе международных отношений. *Вопросы элитологии*, 2, 4, 22-35. <https://doi.org/10.46539/elit.v2i4.82>
- Патрушев, Н. (2023). Они совсем страх потеряли? *Российская газета*, 65 (9010).
- Путин, В.В. (2023). Посещение Улан-Удэнского авиационного завода. Получено из: <http://kremlin.ru/events/president/news/70674>
- Статья Владимира Путина в «Жэньминь Жибао» «Россия и Китай – партнёрство, устремлённое в будущее». Получено из: <http://kremlin.ru/events/president/news/70743>

Для цитирования: Карабущенко П.Л. (2023). Судьба России и геополитическая перестройка мира: от предательства элит к их консолидации. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(1), 25-38.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_25

REFERENCES

- Vartumyan, A. A. (2020). Transnational Elite Groups: The Vatican Group. *Issues in Elitology*, 2, 1, 88-98. <https://doi.org/10.465139/elit.v2i1.53> (in Russian)
- Vladimirov, O.E. (1980). *Maoism without embellishment*. Moscow: Progress, 286 p. (in Russian)
- Speech by the Minister of Foreign Affairs of the Russian Federation S.V. Lavrov during the meeting of the Russia-Islamic World Strategic Vision Group with the Ambassadors of the OIC Member States, Moscow, March 6, 2023. Retrieved from: https://www.mid.ru/ru/foreign_policy/news/1856994/ (in Russian)
- Karabuschenko, P.L. (2022). *Carnival political culture: a monograph*. M.: INFRA-M, 596 p. (in Russian)
- Karabuschenko, P.L. & Gainutdinova, E.V. (2020). Political hermeneutics and modern elitocracy. *Voprosy Filosofii*, 4, 58-68. <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2020-4-58-68> (in Russian)
- Kozmenko, S. Yu. (2022). The modern gambit in the Eurasian version of the "Great Game". Eurasian integration: economics, law, politics. *International Scientific and Analytical Journal*, 16, 4, 121-129. (in Russian)
- Kosov, G.V. & Tatarkov, D.B. (2020). The Middle East node of the Greater Mediterranean in the context of elitist analysis. *Issues in Elitology*, 1, 1, 111-129. <https://doi.org/10.46539/elit.v1i1.7> (in Russian)

- Medvedev, D.A. (2023). About the circus of freaks and the new kidnapping of Europe. Retrieved from: https://t.me/s/medvedev_telegram (in Russian)
- Medvedev, D.A. (2022). Before the new year, everyone likes to make predictions. Retrieved from: https://t.me/s/medvedev_telegram (in Russian)
- Mahan, A.-T. (2002). *The influence of sea power on the French revolution and the Empire*. Moscow, St. Petersburg: Terra Fantastica, 605 p. (in Russian)
- Oskina, O.I. (2022). Carnival as a marker of modern deviant political culture. *Issues in Elitology*, 3, 2, 114-128. <https://doi.org/10.46539/elit.v3i2.10> (in Russian)
- Oskina, O.I., Kudryashova, E.V., Dzhantaleeva, M.Sh. (2021). Imperial idea in the system of international relations. *Issues in Elitology*, 2, 4, 22-35. <https://doi.org/10.46539/elit.v2i4.82> (in Russian)
- Patrushev, N. (2023). Have they completely lost their fear? *Russian newspaper*, 65 (9010). (in Russian)
- Putin, V.V. (2023). Visit to Ulan-Ude Aviation Plant. Retrieved from: <http://kremlin.ru/events/president/news/70674> (in Russian)
- Vladimir Putin's article in the People's Daily "Russia and China - a partnership looking to the future." Retrieved from: <http://kremlin.ru/events/president/news/70743> (in Russian)

For citation: Karabushchenko, P.L. (2023). The Fate of Russia and the Geopolitical Restructuring of the World: from the Betrayal of the Elites to Their Consolidation. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(1), 25-38.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_25

FOREIGN POLICY ORIENTATIONS OF THE POPULATION OF THE WESTERN KAZAKHSTAN BORDER TERRITORIES IN THE CONTEXT OF THE CASPIAN REGION SECURITY

Alexandr V. Grigorev

PhD of Sociology, senior lecturer of the chair of sociology

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

E-mail: proeu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8228-7062>

ABSTRACT

The article concerns the study of foreign policy orientations of the border areas of the Western Kazakhstan population. For this purpose, the method of focused group interview was implied. The informants in the study were students of Astrakhan State University, who are citizens of the Republic of Kazakhstan and live in the territories of the border regions of Western Kazakhstan: Atyrau and Mangistau. The results of the study allowed the author to come to an optimistic conclusion about the preservation of the positive characteristics of the object under study: there were no negative components in relation to Russia in the foreign policy orientations of the study participants. Informants continue to perceive the Russian Federation as a partner country, primarily in the economic sphere. At the same time, the interviews made it possible to identify several risky moments in the studied foreign policy orientations, such as the deterioration of the foreign policy image of the Russian Federation in Kazakhstan and the potential for the growth of Turkish influence on the components of the social identity of the population of Western Kazakhstan.

KEYWORDS

social identity, Caspian region, Western Kazakhstan, foreign policy orientations, security of the Caspian Sea region, social identity of the population of Western Kazakhstan.

ACKNOWLEDGMENT

The study was carried out by a grant from the Russian Science Foundation No. 22-18-00301 «The process of constructing new identities in the Caspian macroregion in the context of societal security».

ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКИЕ ОРИЕНТАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ ПРИГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЙ ЗАПАДНОГО КАЗАХСТАНА В КОНТЕКСТЕ БЕЗОПАСНОСТИ ПРИКАСПИЯ

Григорьев Александр Владимирович

Кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии
Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева
Астрахань, Россия

E-mail: proeu@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-8228-7062>

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена исследованию внешнеполитических ориентаций населения приграничных территорий Западного Казахстана. С этой целью был использован метод фокусированного группового интервью. Информантами в исследовании выступили студенты Астраханского государственного университета, являющиеся гражданами Республики Казахстан и проживающие на территориях приграничных областей Западного Казахстана: Атырауской и Мангистауской. В целом результаты исследования позволили автору прийти к оптимистичному выводу о сохранении большинства позитивных характеристик исследуемого объекта: во внешнеполитических ориентациях участников исследования не было зафиксировано негативных по отношению к России составляющих. Информанты продолжают воспринимать РФ как страну-партнера, с которой налажено активное взаимодействие, прежде всего в сфере экономики. В то же время интервью позволили выявить несколько рискогенных моментов в исследованных внешнеполитических ориентациях, таких как ухудшение внешнеполитического имиджа РФ в Казахстане и потенциал для роста турецкого влияния на компоненты социальной идентичности населения Западного Казахстана.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

социальная идентичность, Прикаспийский регион, Западный Казахстан, внешнеполитические ориентации, безопасность Прикаспия, социальная идентичность населения Западного Казахстана.

БЛАГОДАРНОСТЬ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-18-00301 «Процесс конструирования новых идентичностей в Каспийском макрорегионе в контексте социетальной безопасности».

ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

Проблемы социальной идентичности в современном мире часто бывают тесно связаны с вопросами региональной безопасности, в том числе и Каспийского макрорегиона, находящегося в условиях переходной, подвижной, не до конца устоявшейся социальной идентичности его жителей. Данный процесс находится под влиянием внешних акторов (например, коллективного Запада, Турции и др), которые стремятся сформировать выгодные им характеристики социальной идентичности населения Прикаспия. В этой связи потенциально опасными для национальных интересов России является как инкорпорация западных ценностных ориентиров в социальную идентичность жителей каспийских государств, так и, например широкое распространение пантюркистской идеологии со стороны Турции, которая может сместить интеграционный потенциал сохраняющихся общих для населения стран Прикаспия ориентиров. Все вышесказанное обуславливает необходимость периодического мониторинга основных составляющих социальной идентичности на территории Каспийского макрорегиона. Настоящая статья будет посвящена исследованию одного из аспекта проблемы – исследованию социальной идентичности населения приграничных областей Западного Казахстана.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

В научной литературе вместе с понятием «идентичность» так же часто употребляются и другие термины: «идентифицирование», «идентификация», «самоидентификация». Так, при определении понятия «идентификация» и «идентичность» российский социолог В.А. Ядов, отмечал, что если идентичность — это определенное состояние, то идентификация предполагает под собой процесс, который приводит к данному состоянию (Русских, 2013).

В социологической науке начало изучения феномена социальной идентичности связано с представителями структурно-функционального направления. В своих трудах Э. Дюркгейм пользуется понятием «солидарность» как определение принадлежности индивида к различным общностям (Дюркгейм, 1996). В каждом определенном моменте человек и коллектив представляют собой общество, которое объединено между собой конкретными связями, обеспечивающими социальную сплоченность. При этом ученый разделяет сплоченность на два вида - органическую и механическую солидарность. Механическая солидарность способна на полное растворение целого ряда индивидуальных сознаний в коллективном. Органическая же основана на самостоятельности индивида, функциональном разделении между ними, функциональной взаимопомощи и связи, в ходе которой коллективное сознание не пропадает полностью, а становится более узким и не выходит за рамки определенного круга общности. Происхождение органического вида берет свое начало с развитием разделения труда. Дюркгейм считал, что в ходе исторического развития органическая солидарность сменяет механическую, что обуславливает большую

взаимозависимость между индивидами, что может создавать определенные базисы для развития социальной идентичности.

В контексте символического интеракционизма понятие социальной реальности воспринимается через понимания ее другими людьми. В научных трудах Ч. Кули и Дж. Мида основным вопросом выступает проблема соотношения общественного «те» и индивидуального «I». Когда человек вступает в связь с социальной средой, то она принимается им как часть общего обобщенного другого для каждого определенного индивида конкретного социальной группы или сообщества. Тем самым индивид, определяя отношение к себе, осознает себя как личность и понимает свою уникальность. В данной ситуации, идентичности развивается не только на организацию социальных взаимодействиях, а осуществляется через понимание «обобщенного другого» и реакции на него (Кули, 2000; Мид, 1994).

В рамках феноменологической социологии Т. Лукман и П. Бергер рассуждают о том, что постоянные взаимоотношения людей происходят посредством схем типизации, анонимность которых возрастает по мере отдаления от непосредственного общения. Отсюда следует, что индивид воспринимает окружающих как определённый тип, с которым он взаимодействует в определённых обстоятельствах. При таких обстоятельствах социальная структура проявляется как сумма типизаций. Формирование идентичности происходит из социальных процессов, которые обуславливаются социальной структурой. С одной стороны, социальные отношения поддерживают и изменяют идентичность, а, с другой социальные структуры сами подвержены влиянию с её стороны (Бергер, Лукман, 1995).

В теориях Дж. Тёрнера и Г. Тэджфела рассматривается идея, в которой идентичность формируется в результате межгрупповых взаимоотношений (Turner, 1985). Тэджфел представляет идентичность как часть самооценки человека, которая происходит из его знаний о нескольких группах или социальной группе в совокупности со значением и эмоциональной оценкой этой принадлежности. Это обусловлено потребностью сохранения или достижения сохранения позитивной коллективной самобытности, которая необходима для сохранения, защиты, достижения или укрепления позитивной идентичности членов общности (Tajfel, 1972).

Эрик Хомбургер Эриксон определял идентичность как процесс, сконцентрированный в самой сущности индивида и культуре, к которой он принадлежит. Это модель соответствия культуры и человека. По мнению Эриксона, социальная идентичность представляет собой наличие соединения внутреннего понимания самодостаточности, непрерывности своего существования в пространстве и во времени и вместе с этим осознание основательной схожести некоторых основных свойств человека с другими людьми, а также самого восприятие факта, что другие индивиды также осознают свою непрерывность и идентичность. Данное явление проявляется в трех аспектах: неосознанное стремление к непрерывности опыта, признания чувства собственной индивидуальной самобытности и солидарность с идеями общности (Эриксон, 2006).

В своих трудах Р.Б. Сапожникова классифицирует два определения идентичности, данные Эриксоном:

1) идентичность — это субъективное восприятие тождества и целостности своей уникальной личности, возникновение которого происходит спонтанно и неожиданно, как узнавание своей сущности;

2) идентичность — это результат переживания и осознания своей принадлежности к конкретной социальной общности с помощью противопоставления существованию других общностей (Сапожникова, 2005).

Обобщая проанализированные выше теоретические подходы к определению социальной идентичности, мы можем прийти к выводу о том, что социальная идентичность представляет собой результат процесса идентификации, базирующегося на осознании своей принадлежности к крупным социальным общностям и противопоставления себя обобщенным «другим» и «чужим».

Социальная идентичность населения Казахстана уже становилась объектом социологических исследований, например в работе старшего научного сотрудника Института социально-экономического развития территорий РАН Молодова О.Б. — «Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана» (Молодов, 2014). В ней отмечается, что этническая идентичность в Казахстане пока превалирует над гражданской идентичностью, что проявляется, например, в электоральном поведении избирателей. Важным для нашей работы стал вывод о том, что внутри казахстанской идентичности существуют региональная и локальная идентичности. Для Казахстана «региональность» оказалась внутриэтнической характеристикой в большей степени, чем надэтнической, поскольку южане и северяне выделяются прежде всего среди казахов, а не представителей национальных меньшинств. Если «северяне» отличаются ориентацией на русскую и западную культуру, то «южане» тяготеют к ценностям исламского мира.

Вместе с тем в контексте исследования социальной идентичности достаточно редко изучению подвергались внешнеполитические ориентации, такие как близость или же наоборот дистанцирование населения стран Прикаспия друг от друга и от внешних политических акторов (Турция, коллективный Запад, Китай), что стало предметом исследования данной статьи.

МЕТОДОЛОГИЯ

В методологическом плане изучения социальной идентичности стоит прежде всего отметить, что вследствие того, что в науке нет единого понятия «идентичность», эмпирические исследования проводятся при помощи совершенно разнообразных приёмов и методов, начиная от свободных самоописаний и заканчивая клиническими личностными тестами (Гузенина, 2012).

Перспективным направлением исследования социальной идентичности представляется анализ социальных сетей. Миллионы людей используют сегодня социальные сети в качестве средств связи и источников данных в реальном времени, создают собственные профили и обмениваются данными с другими пользователями. К марту 2019 года только в Facebook* число активных пользователей достигло 2,38 миллиарда в месяц, а Twitter, который является сайтом социальных микроблогов,

используют 330 миллионов активных подписчиков в месяц. В России самой часто используемой сетью является Вконтакте ежемесячно пользуются свыше 38 миллионов россиян, а ежедневно – более 23 миллионов человек (Курносова, 2019).

Ввиду быстрого распространения социальных сетей не вызывает удивления интерес к ним как к объекту социальных исследований. В результате анализа социальных сетей предлагаются их разные классификации. К примеру, разделяют явные, эксплицитные социальные сети, имеющие прямые непосредственные связи между участниками, такие как Facebook², Twitter, MySpace, ВКонтакте, и неявные, имплицитные, где связи между участниками могут быть установлены только путем более глубокого анализа доступных данных, например, Amazon, Netflix (Alhajj, Rokne, 2018).

Исследование социальных сетей предоставляет возможности графической презентации количественных данных, которые часто включают изображение сети в виде точек (вершин или узлов графа), соединенных линиями (ребрами графа или дугами). Такое визуальное представление называется сетевым или социальным графом. Впервые термин «социальный граф» был использован в 2007 году основателем социальной сети Facebook* Марком Цукербергом для обозначения взаимодействия пользователей с другими пользователями, а также для представления их отношений и интересов. Существенное различие между обычной диаграммой и сетевым графом, изображающей сравнение результатов, заключается в том, что сетевой граф показывает не результаты статистики, а все еще первичные необработанные данные. Таким образом, осмысление сетевого графа следует отождествлять с этапом анализа данных, а не с этапом интерпретации количественных результатов (Yousefi-Nooraie et al, 2018).

Существенным показателем, характеризующим личностную идентичность индивида, являются конкретные социальные сети, которые он использует, и совокупность сообществ, в которых он состоит, а связи между этими сообществами можно рассматривать как отражение коллективной идентичности. Таким образом, построение графов может быть одним из способов визуализации анализа больших данных социальных сетей. Графы могут быть использованы в том числе и для наглядного изображения взаимосвязей как между сообществами, так и отдельными пользователями, а, соответственно, и для анализа идентичности.

В то же время, если анализ и визуализация больших данных являются новыми методами исследования социальной идентичности, в социологической практике часто продолжают обращаться к традиционным, в том числе опросным методикам.

В качестве эмпирического метода исследования в нашем исследовании были избраны фокусированные групповые интервью. Информантами в исследовании выступили студенты Астраханского государственного университета, являющиеся гражданами Республики Казахстан (РК) и проживающие на территориях приграничных областей Западного Казахстана: Атырауской и Мангистауской. Подробнее описывая характеристики участников исследования, стоит обратить внимание на возрастной состав – от 18 до 22 лет, распределение по полу – 40% мужчин и 60%

² Продукт Meta Platform Inc., деятельность которой запрещена в РФ

женщин, национальный состав - русские, казахи и метисы. Интервью были проведены в декабре 2022 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ

Для определения представлений о дистанцированности/близости между странами Прикаспия во время проведения фокусированных групповых интервью было использовано несколько проективных методик. Так, в начале информантам были розданы листы бумаги с буквой «К» в середине, обозначающей Казахстан. Необходимо было символически изобразить такие страны как Россия, Туркменистан, Азербайджан, Турция, Китай и коллективный Запад. Если информанты полагали, что взаимосвязи и сотрудничество между странами интенсивное, то необходимо было нарисовать страну ближе к букве «К», если сотрудничество и связи слабые – дальше.

Полученные результаты в целом показывают, что Россия воспринимается участниками интервью как страна-партнер, с которой ведется активное взаимодействие, особенно в торговле. Во всех представленных рисунках РФ занимала место в первом-втором ряду по отдаленности от Казахстана. Стоит отметить, что также близки к Казахстану в представлениях информантов Китай (в большей степени) и Турция. Близость Китая прежде всего обуславливается значительными объемами сотрудничества в экономической сфере, Турции – торговлей и взаимодействием в сфере образования. Несколько дальше были изображены Туркменистан, Азербайджан и коллективный Запад. На вопрос в чем причина того, что Запад изображен дальше от Казахстана, информантами было сказано о том, что сейчас они не наблюдают большой помощи или активного взаимодействия с этим регионом, в качестве исключения была названа сфера образования.

Модератор: хорошо, Кирилл, у Вас как получилось?

Участник 3: Китай, Россия, потом Турция, потом Запад и остальное.

Модератор: ок, опять Запад дальше всего. У Вас почему дальше всего Запад?

Участник 3: ну я вот не вижу особо никакой помощи, я бы не сказал, что и товаров много у нас западных...

Модератор: хорошо. Так, значит ближе всего у вас Китай. Угу, а почему Китай ближе всего?

Участник 3: больше всего импорт идет со стороны Китая, так как они производят большую часть технологий и товаров для Казахстана.

Модератор: Угу, хорошо, Бейджан?

Участник 2: ближе всего Россия, потом уже Китай, Запад и Турции на одном уровне, потом Туркменистан и Азербайджан. Я так считаю.

Участник 1: Да, у меня все одинаково, такой как бы компас получился. Мне кажется, мы со всеми в хороших торгов- экономических отношениях... У нас практически все товары всех представителей в Казахстане продают, мы со всеми странами наравне дружим.

Участник 2: ну, у меня чуть-чуть Запад дальше всех наверное... Из Турции вот товары продаются... турецкие вещи, турецкая одежда, китайский ширпотреб раздается, западная техника у нас продается, потом все-таки лекарства западного характера очень много ввозят. И с Россией. Российские продукты у нас в-основном.

Участник 5: Да, Запад подальше, но в основном сейчас с нами тесно сотрудничает Турция, Россия, Китай, тем более сейчас, если так посмотреть даже Турция больше, особенно в образовании мы вот в последнее время хорошо взаимодействуем.

Следующей методикой для исследования внешнеполитических ориентаций стал табличный вопрос. Участникам необходимо было заполнить таблицу, в которой они отмечали характер отношений между Казахстаном и другими странами. Вариантами ответа стали дружественные, нейтральные, враждебные. Всеми участниками интервью отношения были охарактеризованы как дружественные. Мотивацией к этому послужили как позитивное взаимодействия в политической сфере, так и в экономике, помощь со стороны России Казахстану. Кроме того, интегрирующим фактором становится и большая российская диаспора, проживающая в РК.

Участник 2: с Россией? Ну это уже очевидно. Дружественные отношения, конечно.

Модератор: в чем это проявляется?

Участник 2: Ну не только из-за того, что президенты наши, что у них хорошие отношения, из-за того, что, например, почти треть населения в Казахстане - это русские. Потом казахстанцы тоже отправляются в Россию, чтобы учиться, получать знания. Как я уже ранее говорил, они помогают друг другу развиваться, например, развивают медицину, новые технологии.

Модератор: Хорошо, спасибо. Кирилл?

Участник 3: Россия дружественная, потому что Россия помогает Казахстану как товарами, так и технологиями. В плане медицины она очень сильно помогла Казахстану.

Модератор: хорошо, Ербол?

Участник 4: ну, все эти пункты, которые до этого сказаны.

Наконец, для изучения предмета исследования была использована еще одна методика – проективные рисунки. Информантам необходимо было изобразить все то, что они ассоциируют со страной. Необходимо отметить, что полученные ассоциации в целом отражают нейтрально-позитивное отношение опрошенных к РФ. Однако обращает на себя внимание, что во многих рисунках нашли отражение события мобилизации, которые в то же время не воспринимаются напрямую негативно, а вызывают у информантов сочувствие, жалость к людям, вынужденным покинуть Родину.

«Россия была оформлена в качестве основных ее элементов — это матрёшка, это балалайка, это солнце светит естественно. Но вот тут облака, немножко холодноватые.... В связи вот с этими последними событиями, только вот это».

«Я нарисовала Кремль как символ, потом вот тут дождик - ну здесь для народа России, все-таки мобилизация оказала своё влияние то, что многие ребята начали к нам приезжать сюда, да вот спасаясь от мобилизации поэтому. Ну и вот такой хоровод — это дружба, все наши народы все-таки дружат, несмотря ни на что».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, были исследованы внешнеполитические ориентации населения приграничных территорий Западного Казахстана. В целом стоит сказать, что с одной стороны, полученные результаты позволяют сделать осторожные оптимистичные выводы относительно проанализированных характеристик социальной

идентичности. Во внешнеполитических ориентациях участников исследования не было зафиксировано негативной по отношению к России составляющей. Информанты продолжают воспринимать РФ как страну-партнера, с которой налажено активное взаимодействие, прежде всего в сфере экономики. Для всех участников фокус групповых интервью Россия является самой близкой или одной из близких стран, с которой Казахстан сотрудничает во многих сферах. С другой стороны, стоит обратить внимание на несколько рискогенных моментов. Несмотря на то, что задачей исследования не было выяснение отношения опрашиваемых к СВО, что является очень сенситивным вопросом для исследования с большими рисками получения ненадежной информации, были зафиксированы косвенные признаки того, что данные события не находят поддержки у информантов. Это уже создало определенные имиджевые потери для России (нестабильность, внутренние противоречия, бегство части населения), и имеет потенциал ухудшить восприятие страны в дальнейшем. Кроме того, среди иных, потенциально соперничающих с РФ на территории Прикаспия внешнеполитических акторов, следует отметить Турцию. Имидж ее политики достаточно позитивный, эта страна так же входит в круг близких для информантов стран. Это создает благоприятную почву для распространения в РК выгодных для турецкой стороны идеологических конструкций, в том числе пантюркизма.

В заключении хотелось бы отметить некоторые ограничения проведенного исследования. Собранном нами данным, как и для любой информации, полученной при помощи качественных методов исследования, свойственна ограниченная репрезентативность. Для ее распространения на большие генеральные совокупности (например, на большинство населения приграничных территорий Западного Казахстана) необходимо ее подтверждение количественными данными. Таким образом, полученные выводы следует рассматривать в большей степени как основу для гипотез и фиксации общих трендов развития ситуации. В то же время, несмотря на данные ограничения, полученная информация дает пищу для размышлений специалистам в области международных отношений и является отправной точкой для дальнейших исследований как социальной идентичности населения Западного Казахстана, так и широкой прикаспийской тематики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Alhajj, R., Rokne, J. (2018). *Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining. Second Edition*. New York: Springer, 412 p.
- Tajfel, H. (1972). Social categorization. *Introduction à la psychologie sociale Paris, 1*, 272-302.
- Turner, J.C. (1985). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. *Advances in group processes: Theory and research*, 2, 77–122.
- Yousefi-Nooraie, R., Sale, J.E.M., Marin, A. & Ross, L.E. (2018). Social Network Analysis: An Example of Fusion Between Quantitative and Qualitative Methods. *Journal of Mixed Methods Research*, 14(3), 27. <https://doi.org/10.1177/1558689818804060>

- Бергер, П., Лукман, Т. (1995). *Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания*. М.: Медиум, 323 с.
- Гузенина, С.В. (2012). Культурная самобытность в фокусе современных научных исследований. *Аналитика культурологии*, 24, 103-112.
- Дюркгейм, Э. (1996). *О разделении общественного труда*. М.: Канон. 432 с.
- Кули, Ч. Х. (2000). *Человеческая природа и социальный порядок*. М.: Идея-Пресс, 320 с.
- Курносова, Е. (2019). Социальные сети в цифрах. Получено из: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Екатерина%20Курносова_РИФ+КИБ%202019.pdf
- Мид, Дж. (1994). Интернализированные другие и самость. *Американская социологическая мысль*. М.: Изд-во МГУ, 496 с.
- Молодов, О.Б. (2014). Проблемы идентификации населения Казахстана и Кыргызстана. *Социум и власть*, 6(50), 95-102.
- Русских, Л.В. (2013). Идентичность: культурная, этническая, национальная. *Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Социально-гуманитарные науки*, 2, 173-179.
- Рыбаков, С.Е. (2013). Этничность и этнос. *Этнографическое обозрение*, 3, 20-27.
- Сапожникова, Р.Б. (2005). Анализ понятия «идентичность»: теоретические и методологические основания. *Вестник ТГПУ. Серия: Психология*, 1(45), 13-17.
- Эриксон, Э. (2006). *Идентичность: юность и кризис*. М.: Флинта; Прогресс, 341 с.

Для цитирования: Григорьев, А.В. (2023). Внешнеполитические ориентации населения приграничных территорий Западного Казахстана в контексте безопасности Прикаспия. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(1), 39-49.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_39

REFERENCES

- Alhajj, R., Rokne, J. (2018). *Encyclopedia of Social Network Analysis and Mining. second edition*. New York: Springer, 412 p.
- Tajfel, H. (1972). social categorization. *Introduction à la psychologie sociale Paris*, 1, 272-302.
- Turner, J.C. (1985). Social categorization and the self-concept: A social cognitive theory of group behavior. *Advances in group processes: Theory and research*, 2, 77-122.
- Yousefi-Nooraie, R., Sale, J.E.M., Marin, A. & Ross, L.E. (2018). Social Network Analysis: An Example of Fusion Between Quantitative and Qualitative Methods. *Journal of Mixed Methods Research*, 14(3), 27. <https://doi.org/10.1177/1558689818804060>

- Berger, P., Lukman, T. (1995). *Social construction of reality. Treatise on the sociology of knowledge*. Moscow: Medium, 323 p. (in Russian)
- Guzenina, S.V. (2012). Cultural identity in the focus of modern scientific research. *Analytics of Cultural Studies*, 24, 103-112. (in Russian)
- Durkheim, E. (1996). *On the division of social labor*. Moscow: Canon. 432 p. (in Russian)
- Cooley, C. H. (2000). *Human nature and social order*. Moscow: Idea-Press, 320 p. (in Russian)
- Kurnosova, E. (2019). *Social networks in numbers*. Retrieved from: https://mediascope.net/upload/iblock/f97/18.04.2019_Mediascope_Ekaterina%20Kurnosova_RIF+KIB%202019.pdf (in Russian)
- Meade, J. (1994). Internalized Others and the Self. *American Sociological Thought*. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 496 p. (in Russian)
- Molodov, O.B. (2014). Problems of identification of the population of Kazakhstan and Kyrgyzstan. *Society and power*, 6(50), 95-102. (in Russian)
- Russian, L.V. (2013). Identity: cultural, ethnic, national. *Bulletin of the South Ural State University. Series: Social and Humanitarian Sciences*, 2, 173-179. (in Russian)
- Rybakov, S.E. (2013). Ethnicity and ethnos. *Ethnographic Review*, 3, 20-27. (in Russian)
- Sapozhnikova, R.B. (2005). Analysis of the concept of "identity": theoretical and methodological foundations. *Bulletin of TSPU. Series: Psychology*, 1(45), 13-17. (in Russian)
- Erickson, E. (2006). *Identity: youth and crisis*. Moscow: Flinta; Progress, 341 p. (in Russian)

For citation: Grigorev, A.V. (2023). Foreign Policy Orientations of the Population of the Western Kazakhstan Border Territories in the Context of the Caspian Region Security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(1), 39-49.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_39

INFORMATION AND PSYCHOLOGICAL POLICY AS A FACTOR OF SOCIETAL SECURITY

Irina Yu. Alekseeva

DSc in Philosophy, Docent
Institute of Philosophy, Russian Academy of Sciences
Moscow, Russia
E-mail: ialexeev@inbox.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0514-8237>

ABSTRACT

The author construes the notion of information and psychological policy as an organized activity that cannot be reduced to psychological (information and psychological) operations or reactions to such operations. Coherence, consistency, awareness of goals and objectives, the use and (or) the creation of certain methodologies and techniques, - these are the characteristic features of information and psychological policy that distinguish it from disparate actions in the information sphere (aimed at consciousness and the unconscious). Information and psychological policy is aimed primarily at ensuring information and psychological security, but it should take into account all types of security, including technological, economic, social, cultural, and military security. The author pays special attention to the chapter "Ideological and informational actions" of the report of the RAND Corporation "Tension of Russia: competition from advantageous positions". This chapter outlines an appropriate direction of the information and psychological policy of the United States in the context of the information war against the Russian Federation. The author considers the politics of memory ("historical politics") as a type of information and psychological politics. Politics of memory is aimed at formation and destruction of images and self-images of peoples, groups, organizations and individuals involved in historical processes. In this context, the author pays special attention to the challenges faced by scholars in Humanities – primarily by historians and philosophers. The author argues that in order to ensure the intellectual sovereignty of Russian society, scholars should no longer restrict themselves with ideas that are "secondary" in relation to foreign concepts and approaches. The author emphasizes the relevance of the issue of intellectual sovereignty of society and the related idea of "neo-solumism".

KEYWORDS

information and psychological policy, societal security, information and psychological security, information warfare, psychological warfare, historical memory, politics of memory, intellectual sovereignty, neo-solumism.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ ПОЛИТИКА КАК ФАКТОР БЕЗОПАСНОСТИ ОБЩЕСТВА

Алексеева Ирина Юрьевна

доктор философских наук, доцент

Институт философии Российской академии наук

Москва, Россия

E-mail: ialexeev@inbox.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0002-0514-8237>

АННОТАЦИЯ

Автор понимает под информационно-психологической политикой определенным образом организованную деятельность, которая не может быть сведена к психологическим (информационно-психологическим) операциям или реакциям на такие операции. Характерными чертами информационно-психологической политики, отличающими ее от разрозненных действий в информационной сфере (направленных на сознание и бессознательное) являются связность, последовательность, осознанность целей и задач, применение и (или) создание определенных методологий и методик. Информационно-психологическая политика направлена, прежде всего, на обеспечение информационно-психологической безопасности, однако выстраивается с учетом всех видов безопасности, включая безопасность технологическую, экономическую, социальную, культурную, военную. Автор рассматривает политику памяти («историческую политику») как составную часть информационно-психологической политики. Автор подчеркивает актуальность вопроса об интеллектуальном суверенитете общества и связанной с ним идеи «нового почвенничества».

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

информационно-психологическая политика, безопасность общества, информационно-психологическая безопасность, информационная война, психологическая война, историческая память, политика памяти, интеллектуальный суверенитет, новое почвенничество.

ВВЕДЕНИЕ

Прилагательное «информационно-психологический» стало широко употребляться в публичном пространстве в 2022 году с началом проведения Российской Федерацией Специальной военной операции по защите Донецкой народной республики и Луганской народной республики. В сообщениях, касающихся военных действий, нередко упоминаются центры информационно-психологических операций (ЦИПСО), находящиеся в составе Сил специальных операций (ССО) Украины. Считается, что первый из таких центров был основан в 2004 году, когда мало кто мог поверить в перспективу военного противоборства между Российской Федерацией и Республикой Украина.

Термин «*информационно-психологическая безопасность*» родился в постсоветском интеллектуальном пространстве в первой половине 90-х годов XX века. Первая научно-практическая конференция по информационно-психологической безопасности состоялась в Институте психологии РАН в 1995 году. Два десятилетия тому назад были сформулированы принципиальные установки в изучении данного феномена, которые сохраняют значимость по сей день.

В разработке проблематики информационно-психологической безопасности закономерным образом используется ранее накопленный опыт изучения форм и механизмов таких феноменов как «психологическая защита» и «психологическая война». Что касается вопросов психологической защиты личности, то они разрабатываются по меньшей мере со времен Зигмунда Фрейда. Известны разные механизмы защиты, которые «запускаются» психикой человека в ситуациях, когда вследствие изменившиеся обстоятельств частной жизни или появления новых социальных факторов возникают угрозы внутренней устойчивости личности. Что же касается психологических войн, то они стали предметом специального изучения в середине XX века, чему способствовала обстановка «холодной войны», характеризовавшаяся не только гонкой вооружений, но и «битвами за умы». Уместно вспомнить, что набирающая сегодня популярность книга Пола Лайнбарджера «Психологическая война» была издана на английском языке в 1954 году, а в 1962 вышла в русском переводе (Linebarger, 1954; Лайнбарджер, 1962).

Осознание одной из важных проблем *постсоветского пространства 90-х* как проблемы не просто психологической, но *информационно-психологической* безопасности, было обусловлено пониманием значимости нового этапа в развитии информационно-коммуникационных (в том числе цифровых) технологий. Это развитие привело к стремительному росту удельного веса информации, которая поступает к человеку по техническим каналам связи, а не приобретает благодаря непосредственному общению или личному опыту действий «в реале». При этом человек, которые вчера еще был советским, столкнулся с непривычной для себя ситуацией, когда электронные средства коммуникации активно используются для воздействий на его сознание и поведение в интересах самых разных сил, структур и субъектов, зачастую не пренебрегающих технологиями обмана. Глобальная сеть Интернет радикально расширила сферу свободы, анонимности и неконтролируемости

информационной деятельности. Возникли новые виды угроз не только техническим информационным системам (такие как, например, хакерство или рассылка компьютерных вирусов), но и непосредственно сознанию человека, его психическому и нравственному здоровью, способностям к социализации (использование Интернета для манипуляции сознанием и поведением, распространения дезинформации, публикации непристойных изображений и текстов, руководств по изготовлению взрывных устройств и т. д.) Для многих стал очевиден комплексный характер проблематики информационной безопасности, охватывающей не только **«информационно-техническую»**, но и **информационно-психологическую** безопасность.

До сравнительно недавнего времени именно информационно-техническая безопасность, как правило, отождествлялась с информационной безопасностью вообще. И это вполне объяснимо. Интенсивные исследования и разработки, проектирование и внедрение новых технологий, кафедры и факультеты для подготовки специалистов - все это направлено на обеспечение защиты информационных и телекоммуникационных систем и сетей. Проблемы информационно-психологической безопасности долгое время были почти незаметны в тематике научных исследований и разработок. Рост внимания к этим проблемам был не в последнюю очередь обусловлен логикой начавшегося в 2014 году информационного противоборства России и США, переросшего в 2022 году в вооруженное (имеющее для США опосредованный характер) противоборство на территории Украины. Появление в современном лексиконе слова «пост-правда» связано с изменениями качества потребляемой человеком информации при колоссальном росте ее объемов и при отсутствии у человека реальной возможности отличить мнение от факта, а собственно факт от его интерпретации. В ходе проведенного в 2019 году исследования ВЦИОМ лишь каждый второй из опрошенных жителей нашей страны ответил, что может отличить правду от лжи (Ильницкий, Ленченко, 2020). И это отражает не специфику положения дел в Российской Федерации, а мировую тенденцию. Проблемы информационно-психологической безопасности заслуживают гораздо большего внимания, чем то, которое уделяется им сегодня российскими учеными.

Закономерным шагом в разработке данной проблематики становится выдвижение в фокус внимания профессионалов и общественности такого феномена как **информационно-психологическая политика**. Мы предлагаем название «информационно-психологическая политика» для обозначения соответствующих направлений в деятельности субъектов разного уровня – государств, групп, организаций, а порой и отдельных людей. Характерными чертами информационно-психологической **политики**, отличающей ее от разрозненных действий в информационной сфере, являются **связность, последовательность, осознанность целей и задач, применение и (или) создание определенных методологий**.

Разумная информационно-психологическая политика так или иначе учитывает интересы безопасности общества, и не только информационно-психологической, но и безопасности в целом.

ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ В ОБЩЕЙ СИСТЕМЕ БЕЗОПАСНОСТИ

Современное общество представляет собой сложную систему, которая состоит из множества подсистем и содержит в себе разнородные элементы. То, какие именно системы и элементы мы видим в обществе, зависит ракурса рассмотрения, от того, какой язык мы выбираем, формируем или создаем заново для описания общественного организма. Так или иначе, **безопасность** любой системы предполагает такое состояние системы и среды, при котором *отсутствуют угрозы существованию и оптимальному функционированию системы или имеется надежная защита от подобных угроз*. В применении к общественно-государственной системе в качестве важного условия ее оптимального функционирования рассматривается защищенность национальных интересов от внутренних и внешних угроз. Так, в тексте Стратегии национальной безопасности Российской Федерации национальная безопасность характеризуется как «*состояние защищенности национальных интересов Российской Федерации от внешних и внутренних угроз, при котором обеспечиваются реализация конституционных прав и свобод граждан, достойные качество и уровень их жизни, гражданский мир и согласие в стране, охрана суверенитета Российской Федерации, ее независимости и государственной целостности, социально-экономическое развитие страны*» (Стратегия..., web). **Информационная безопасность** трактуется в данном документе как один из видов безопасности наряду с *демографической, военной, «государственной и общественной», экономической, научно-технологической, экологической, культурной и международной*.

Мы не будем вдаваться в обсуждение достоинств и недостатков вышеприведенной типологизации. Напомним, что текст «Стратегии» сразу же после его опубликования вызвал множество критических замечаний в отечественном экспертном сообществе. Здесь для нас важно отметить, что перечисленные выше виды безопасности настолько тесно связаны друг с другом, что далеко не всегда можно провести границу между одним и другим видом. Очевидно, что информационная безопасность, и прежде всего, такая ее часть как информационно-психологическая безопасность, не существует в отрыве от культурной безопасности и от того, что называют **социетальной безопасностью** (Romanova, 2021, p. 62). С определенных позиций информационно-психологическая политика может рассматриваться как часть культурной политики, но и культурная политика при соответствующем подходе видится как часть политики информационно-психологической. Не вызывает сомнений «взаимопроникновение» информационной (как информационно-технической, так и информационно-психологической) безопасности с безопасностью научно-технологической, экономической, военной, а также с также другими видами безопасности.

Проблематика информационной безопасности включает вопросы надёжной защиты информации от уничтожения, искажений, несанкционированного доступа или изменений, злонамеренного использования. Кроме того, те или иные виды информации могут представлять опасность для технических (прежде всего, электронных) систем, для социальных систем (включая общество) и для индивидов. Обеспечение

информационной безопасности в широком смысле требует внимания к вопросам, которые, на первый взгляд, могут показаться никак не связанными друг с другом. Анатолий Малюк дает следующее определение информационной безопасности: «Информационная безопасность – такое состояние рассматриваемой системы, при котором она, с одной стороны, способна противостоять дестабилизирующему воздействию внешних и внутренних информационных угроз, а с другой – ее функционирование не создает угроз для элементов самой системы и внешней среды» (Малюк, 2004, с. 12). Данное определение применимо к самым разным информационным угрозам и системам, в числе которых – живые и неживые, обладающие или не обладающие интеллектом (естественным или искусственным). Например, человека можно рассматривать как сложную самообучающуюся информационную систему, которая может быть выведена из строя в результате воздействий на имеющуюся в ней модель мира, активизации, нейтрализации или искажения информации, «запуска» процедур саморазрушения (Раскин, 2015). Аналогичным образом можно рассматривать и общество.

Возвращаясь к дискуссиям по информационно-психологической безопасности, которые велись на рубеже XX и XXI столетий, отметим, что в ходе этих дискуссий были введены в оборот два ключевых понятия, значимость которых в современных контекстах существенно возросла. Это такие понятия как *«психологический потенциал»* (личности и социума) и *«информационно-ориентировочная основа поведения»*. Указанные понятия были сформулированы авторами, рассматривавшими феномен информационной безопасности под разными углами зрения. Под психологическим потенциалом человека понимается результирующая характеристика совокупности психологических свойств, позволяющих индивиду осуществлять продуктивную жизнедеятельность. Что же касается психологического потенциала социума («популяционного психологического потенциала»), то он представляет собой системное свойство, которое зависит не только от психологических свойств индивидов, но также (в значительной мере!) от способов организации и организационных структур, имеющих в данном социуме. С этих позиций информационно-психологическая безопасность рассматривается как такое положение дел в системе «человек – информационная среда» (соответственно, «социум-информационная среда»), которое не вызывает снижения психологического потенциала за допустимые пределы. Иными словами, при таком состоянии информационной среды и обладателя психологического потенциала не блокируется возможность последнего осуществлять продуктивную жизнедеятельность. К основным признакам продуктивной жизнедеятельности при этом относят такие как устойчивость, повышение степени независимости человеческого общества от неблагоприятных условий среды, направленность на удовлетворение «естественных» потребностей человека (биологических и духовных) и на развитие личности (Смолян, Зараковский, Розин, Войскунский, 1997). Отметим, что указанная трактовка продуктивности явно отличается от расхожего понимания продуктивности как производства все большего числа определенных видов продукции на заданном отрезке времени или получение все большего числа

денежных единиц. Весьма сложен вопрос о том, какие из потребностей человека являются «естественными», а какие нет, - особенно если речь идет о духовных потребностях. Можно ли все потребности подразделить на биологические и духовные? Все ли небιологические (над-биологические) потребности относятся к духовным? Список вопросов можно продолжить, однако нельзя не признать, что меры по обеспечению информационно-психологической безопасности так или иначе направлены на сохранение (и, при возможности, повышение) психологического потенциала людей, групп и общества в целом.

Информационно-психологическая политика, осуществляемая тем или иным субъектом (государством, организацией, группой) может быть истолкована как направленная на обеспечение информационно-психологической безопасности одних групп (организаций, обществ) и нанесение ущерба информационно-психологической безопасности другим группам (организациям, обществам). В первом случае речь может идти о сохранении или повышении психологического потенциала, во втором – о его понижении. Здесь возникает опасность отождествления психологического потенциала с психологическим подъемом. Общество, группа или отдельный человек может переживать психологический подъем, выполняя действия, направленные объективно в сложившихся обстоятельствах на саморазрушение, однако при этом субъективно воспринимать данные действия как способствующие достижению положительных целей.

Аналогичные проблемы связаны с применением в информационно-психологической политике методов и приемов, аналогичных тем, которые традиционно использует психолог или психиатр для психологической защиты личности в индивидуальной работе с пациентом. Такие приемы нередко требуют преднамеренного искажения объективно существующей ситуации для того, чтобы снять эмоциональное напряжение, не допустить опасного понижения самооценки пациента, защитить его положительный образ «я» (само-образ). При этом психиатр и психолог подчиняются нормам профессиональной этики, руководствуются принципом «не навреди», учитывают индивидуальные особенности пациента. Иное дело - субъект (агент), воздействующий на группы, сообщества и общество в целом для достижения целей, далеко не всегда совпадающих с целями реципиентов воздействия. И даже при совпадении целей (например, если цель и субъекта, и реципиента - благо общества) использование средств преднамеренного искажения объективных обстоятельств может угрожать не только психологической, но и физической безопасности людей.

Необходимость соответствия субъективного восприятия объективному положению дел подчеркивают авторы, выдвигающие на первый план **адекватную информационно-ориентировочную основу поведения** социального субъекта. С этих позиций информационно-психологическая безопасность видится как «состояние защищенности психики от действия многообразных информационных факторов, препятствующих или затрудняющих формирование и функционирование адекватной информационно-ориентировочной основы социального поведения человека и в целом жизнедеятельности в современном обществе» (Грачев, 2003, с. 145). Мы считаем целесообразным рассматривать **поддержание психологического потенциала**

и обеспечение адекватной информационно-ориентировочной основы деятельности как двуединую задачу (Алексеев, Алексеева, 2021). Без умения находить, воспринимать и правильно оценивать информацию, ориентироваться в информационных ресурсах и создавать ресурсы невозможна созидательная деятельность человека и обеспечение необходимого психологического потенциала общества. Адекватная информационно-ориентировочная основа деятельности – необходимый ориентир, хотя оценки соответствия (или несоответствия) реального положения дел данному ориентиру зависят во многом от того, какие именно фрагменты и ракурсы сложной структуры общества и картины общественной деятельности мы принимаем во внимание и с каких позиций (прагматических, политических, мировоззренческих) рассматриваем эти фрагменты.

Развитие цифровых информационно-коммуникационных технологий, открывая для людей и обществ беспрецедентные возможности доступа к информации, создает, вместе с тем, и новые препятствия на пути формирования адекватных информационно-ориентировочных основ поведения и деятельности. Сознание человека и общественное сознание становятся объектом воздействий множества различных систем и структур, преследующих самые разные цели и часто конкурирующих между собой. Такие воздействия нередко имеют манипулятивный характер. Цели субъекта манипуляции, скрытые от реципиента воздействия, расходятся с интересами и объективно существующими потребностями последнего, однако применение все более изощренных приемов и технологий «обработки» сознания и бессознательного, эмоционально-волевой сферы человека создает иллюзию совпадения интересов манипулятора и манипулируемого. В этих условиях возрастает значимость поиска и применения современных способов и средств защиты от манипуляций.

Угрозы информационно-психологической безопасности личности и общества далеко не всегда связаны с целенаправленными воздействиями со стороны индивидуальных или коллективных субъектов. С течением времени обнаруживаются все новые опасности, порождаемые развитием информационно-технологической среды и ростом разнообразия форм активности в этой среде. Речь идет об опасностях деформаций в структуре личности, в способах ее социализации, о порождении рискованных социально-психологических ситуаций. Елена Труфанова справедливо отмечает: «Идентичность личности в таких условиях [неограниченных коммуникативных возможностей – И. А. и А. А.] оказывается под угрозой рассыпания: незначительные (как нам, поначалу, кажется) фрагменты нашего бытия, став онлайн-событиями, внезапно для нас оказываются значимыми для других, наша внутренняя система оценки себя дает сбой. Сложность заключается в том, что полный отказ от использования современных коммуникативных средств не является выходом из сложившейся ситуации – он будет восприниматься как эскапизм, бегство, затворничество – современный человек вынужден оставаться в режиме «онлайн», поскольку только так он может оставаться активным членом общества» (Труфанова, 2021, с. 34).

Связь информационно-психологической безопасности личности с безопасностью общества имеет сложный характер (Харламенкова, 2019). Так или иначе, само существование этой связи не вызывает сомнений. «Битва за умы» - важная составляющая информационной политики противоборствующих государств и структур. В организации информационно-психологических воздействий на индивидуальное и массовое сознание используются проблемы и противоречия, реально имеющиеся в данном социуме. При этом индивидам и группам внушается уверенность в невозможности решения таких проблем законными способами за счет улучшения существующей системы, блокируются способности управляющих подсистем к самообучению и самосовершенствованию, к согласованным действиям ради общего блага, создаются препятствия для реализации творческого потенциала человека и общества. Конечная цель осуществляемых в этом русле информационно-психологических операций состоит если не в уничтожении, то, во всяком случае, в существенном ослаблении государства и страны.

В данном отношении показателен экспертно-аналитический доклад корпорации RAND «Растягивание России: конкуренция с выгодных позиций» (“Extending Russia: Competing from advantageous ground”) (Extending... web). Информационно-психологическая политика, представленная в данном докладе, является частью комплекса мер политического, экономического и военного характера, имеющих целью существенное ослабление, а в предельном случае – уничтожение нашей страны. Указанный доклад был подготовлен в 2019 году, а в 2020 опубликован соответствующий отчет с «усиленным» названием «Чрезмерное растягивание и разбалансирование России: Оценка эффективности вариантов» (“Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options”) (Overextending..., web). Информационно-психологическая политика, направленная против нашей страны, характеризуется в отдельной главе вышеупомянутого доклада. Эта глава называется «Идеологические и информационные действия» (“Ideological and Informational Measures”). В этом разделе, привлекая внимание российских философов (Алексеев, 2021), прямо заявлено о необходимости проведения коллективным западом подрывной информационной кампании по делегитимации политического режима (“Western information campaign that helped to undermine key aspects of the regime’s claim to legitimacy”). В качестве основных направлений информационно-психологической политики, нацеленной на дестабилизацию российского общества, здесь выделены следующие. Во-первых, это создание представления о сформировавшейся в Российской Федерации электоральной системе как о чрезвычайно коррумпированной. Во-вторых, создание представления о безразличии власти к интересам людей. В-третьих, поддержка протестных действий, способствующих падению доверия общества к властям. В-четвертых, ухудшение международного положения Российской Федерации, снижение престижа, утрата статуса мировой державы и исключение из «двадчатки». В русле указанных направлений через средства коммуникации и социальные сети распространяется информация (или дезинформация?) о нарушениях правил подсчета голосов на выборах разных уровней, о фальсификациях, о создании неравных условий для конкуренции кандидатов. Что касается ухудшения положения населения, то

здесь важно показать, что за конфронтацию с западом приходится платить слишком высокую цену. Кроме того, необходимо убеждать народ в коррумпированности чиновников. Предполагалось, рост санкционного давления и негативные процессы внутри общества (стимулируемые политикой США) будут вести к снижению уровня жизни, а на этом фоне будет расти эффективность протестных действий.

Авторы упомянутых документов утверждают, что психологическим эффектом должно стать усиление страхов и опасений в российском обществе (и в системе государственного управления), и что будет подталкивать страну на пути, где она надорвет свои военные и экономические силы. Опубликование данных текстов в открытом доступе соответствует заявленной авторами позиции, согласно которой информация о действиях, направленных на «пере-растягивание» (перенапряжение) России должна служить своего рода психологическом оружием.

В Доктрине информационной безопасности Российской Федерации, утвержденной Указом Президента Российской Федерации 5 декабря 2016 года, отмечалось: «Расширяются масштабы использования специальными службами отдельных государств средств оказания информационно-психологического воздействия, направленного на дестабилизацию внутривнутриполитической и социальной ситуации в различных регионах мира и приводящего к подрыву суверенитета и нарушению территориальной целостности других государств. В эту деятельность вовлекаются религиозные, этнические, правозащитные и иные организации, а также отдельные группы граждан, при этом широко используются возможности информационных технологий» (Указ... web). Кроме того, отмечалось, что в зарубежных СМИ растет объем материалов, содержащих «предвзятую оценку государственной политики Российской Федерации», в то время как российские СМИ подвергаются откровенной дискриминации.

С началом в 2022 году Специальной военной операции интенсивность подобного рода информационно-психологических воздействий существенно возросла. **Информационно-психологическая война** стала одной из важных составляющих военного противоборства. Все войны, начиная с древних времен, имели информационные и информационно-психологические составляющие. Однако эти составляющие не были настолько обширными и проработанными, как в войнах XX века. К началу нынешнего столетия благодаря развитию электронно-вычислительных (цифровых) технологий, конвергировавших с технологиями связи, сформировалось глобальное информационное пространство, где открываются новые возможности ведения информационно-психологических и других видов информационных войн.

Одно из свидетельств того, что Российская Федерация стремилась избежать участия в межгосударственных информационных войнах – внесенные в ООН предложения по разработке международных принципов предотвращения таких войн. В документах, представленных в ООН, было дано определение **информационной войны** как «противоборства между государствами в информационном пространстве с целью нанесения ущерба информационным системам, процессам и ресурсам, критически важным структурам, подрыва политической и социальной систем другого

государства, а также массовой обработки населения и дестабилизации общества» (Документы.. 2001, с. 304). Под информационным пространством понималась «сфера деятельности, связанная с созданием, преобразованием и использованием информации, включая индивидуальное и общественное сознание, информационно-телекоммуникационную инфраструктуру и собственно информацию» (Документы... 2001, с. 314).

Предложения Российской Федерации были отклонены Соединенными Штатами Америки, поставившими перед собой цель достичь к 2020 году «доминирования по всему спектру» (Joint Vision... 2000, р. 6). Это включает, наряду с прочим, **информационное преобладание** над любым возможным противником, конкурентом или оппонентом. Информационное преобладание определяется реальной возможностью накапливать, обрабатывать и беспрепятственно распространять информацию, затрудняя при этом выполнение аналогичных действий соперником или используя действия и ресурсы последнего в своих интересах (Joint Vision... 2000, р. 8). Субъект информационного преобладания и доминирования пользуется широким спектром способов информационного мониторинга, информационного давления, информационного сдерживания (Роговский, web), самыми эффективными методами прогнозирования происходящих в мире изменений; ему нет равных в скорости принятия наилучших решений и в искусстве влиять на восприятие действительности противником, изменяя это восприятие в собственных интересах. Заметим, что с этих позиций упомянутые выше доклад и отчет RAND могут рассматриваться как средство влияния на восприятие действительности российскими властями и обществом, приобретающими статус противника.

Согласно пониманию войны, восходящему к Клаузевицу, главной задачей применения военной силы является **преодоление воли противника** (Клаузевиц, 1937; Кокошин, 2014). В 90-х годах ушедшего столетия в США были сформулированы концепции психологической войны как особого рода информационной войны между государствами, в ходе которой проводятся психологические операции против **национальной воли** (“national will”) и предполагающей «войну культур» (“cultural warfare”, “*kulturkampf*”) (Libicki, 1996). В современных руководствах по психологическим операциям (PSYOP) армии США такие операции характеризуются как способ влияния вооруженных сил на сознание и поведение «целевого населения» путем воздействия на представления, мысли и чувства (US Army PSYOP, 2019). Вопросы развития сил обеспечения психологических операций находятся сегодня в поле зрения российских ученых (Ахунзянов, 2022).

Возможности психологических операций США не в последнюю очередь связаны с потенциалом «мягкой силы» (Ярмак, 2022), использующей богатый набор инструментов, который включает традиционные и новые СМИ, НКО, массовую культуру, кинематограф, социальные сети. Все эти средства задействуются в процессах формирования очередного «образа врага» или «оси зла», распространения соответствующих оценок текущих событий. При этом «сомнительные, часто фальсифицированные данные подготавливают мировую общественность к последующим действиям и жестким решениям» (Oskina, 2022). Проводимая сегодня в странах

Евросоюза политика «отмены России» может быть понята как разновидность **«культуркампа»** в некоторых отношениях более далеко идущая, чем «культуркампф» гитлеровской Германии.

Результаты воздействия такой политики на волю страны-противника (как и на волю собственных стран) сложны и противоречивы. Их оценка затрудняется фактором недостаточной проясненности самого феномена «национальной воли», которая не может быть понята «просто» как воля народа, воля государства или как «сумма» обозначенных волей. Как известно, общество состоит из множества групп, выделяемых по разным основаниям и признакам (в том числе с учетом возможностей, предпочтений и ценностей), а также из разного рода структур, сетей и организаций, имеющих различное происхождение и цели. Что касается государственного управления, то его осуществляют люди, по-разному понимающие смысл работы системы и своего нахождения в системе. К сказанному следует добавить, что результаты информационно-психологических воздействий со стороны определенного субъекта (мега-субъекта) не всегда возможно отделить от результатов воздействий на тот же объект других субъектов, а также от результатов самостоятельного осмысления реципиентом сложившегося положения дел, собственного опыта и обстоятельств жизни.

Незадолго до начала СВО аналитики НАТО писали об опасности утраты современным западным обществом **коллективной воли**, необходимой для отпора противнику в «**когнитивной войне**» (John Hopkins... web). Мы склонны рассматривать выражения «**информационно-психологическая война**» и «**когнитивная война**» как синонимы, каждый из которых может быть предпочтительным в соответствующем контексте. В ряд синонимов, по-видимому, можно включить и выражение «**ментальная война**», предложенное Андреем Ильницким для обозначения, имеющего информационную и психоэмоциональную составляющие «агрессивного комплексного воздействия, которое направлено не только на информационное поле, но также на образование и воспитание» (Ментальная... web).

Так или иначе, информационно-психологическая политика играет не последнюю роль в формировании и разрушении образов и само-образов народов, групп, организаций и отдельных людей, вовлеченных в разворачивающиеся на наших глазах исторические процессы. Упомянутая «отмена России» предполагает, в числе прочего, исключение из культурного пространства шедевров, созданных российскими авторами в XIX веке. Усилия по «отмене России» не только современной, но также России советской эпохи и эпохи империи, наглядно проявляются в разрушении монументов, а также в других действиях, относящихся к области, которую принято называть «**политикой памяти**». Последняя составляет важную часть информационно-психологической политики.

«ПОЛИТИКА ПАМЯТИ» КАК ЧАСТЬ ИНФОРМАЦИОННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ

Ученые характеризуют **политику памяти** как «функционирующую систему взаимодействий и коммуникаций различных акторов относительно политического

использования прошлого» (Ефременко, 2018, с. 68). «Политическое использование прошлого» включает в качестве составной части использование информации, данных и знаний, накопленных исторической наукой, документированной информации, находящейся в распоряжении государственных и других организаций, а также знаний и представлений, передаваемых в рамках сообществ, групп, семей и формирующихся в межличностных взаимодействиях. Важными средствами «политического использования прошлого» служат СМИ (новые и традиционные), киноиндустрия, производство аудио- и видеопродукции.

Политика памяти активизирует в определенных целях те или иные знания и представления, хранящиеся «на складах» исторической и социальной памяти. Цели политики памяти (называемой также *«исторической политикой»*) могут состоять в «легитимации и делигитимации существующего режима, политическом целеполагании, мобилизации поддержки, критике оппонентов и прочих задачах, составляющих предмет ежедневной заботы политиков» (Малинова, 2014 с. 69). В соответствии с подобными целями осуществляются изменения в организации памяти обществ и групп, те или иные факты извлекаются из «складов памяти» и поступают в активную память (и наоборот), обществу предлагаются новые (или забытые старые) интерпретации событий прошлого и связей прошлого с настоящим.

Не удивительно, что в условиях информационно-психологической войны как части горячей войны (и части войны гибридной) прилагаются значительные усилия для создания отрицательного образа противника с целью делигитимации его притязаний и действий. Существенной частью информационно-психологических войн становятся *«войны памяти»*. Примечательно, что с российской стороны заметные шаги в этом направлении стали предприниматься с началом Специальной военной операции по защите ДНР и ЛНР, хотя усилия по созданию отрицательного образа России в США и странах Евросоюза были заметны на двадцать лет раньше, а с 2014 года политика дискредитации России и россиян в этих странах значительно интенсифицировалась и диверсифицировалась.

Следует отметить, что позднесоветское и раннее постсоветское российское общество оказалось весьма восприимчиво к информационно-психологическим воздействиям извне, направленным на создание отрицательного само-образа страны. Одним из многочисленных результатов успешной исторической политики стран Запада на этом направлении стало укоренение в информационной, образовательной и даже научно-исследовательской сфере России мифа «Освенцим и Гулаг», органично вписанного в контекст представлений о «равно-порочности» СССР (как минимум, сталинского периода) и гитлеровской Германии. В сознании части российского интеллектуального класса укоренилось представление об «исторической вине» России, СССР и русских перед разными народами и странами. Следует заметить, что представления об «исторической вине» какого-либо народа или государства были несовместимы с марксистской идеологией и не культивировались в нашей стране в советское время. Однако такие представления использовались в «исторической политике» зарубежных государств и организаций, тесно связанных с США.

Отождествления СССР и гитлеровской Германии стало одним из основных мотивов в исторической политике постсоциалистической Польши. Показателен в этом отношении созданный в 90-е годы XX века Институт национальной памяти (Instytut Pamięci Narodowej, английское название – Institute of National Remembrance). Текст «Краткая история Польши 1939–1989», содержащийся на официальном сайте этого института, описывает обозначенный период как охватывающий «немецкую и советскую оккупации, а также «историю Польши при коммунистическом режиме». Здесь сказано: «Репрессии Гитлера были направлены, прежде всего, против политической, культурной, религиозной, социальной и интеллектуальной элиты. Подобным же образом (similarly), сотни тысяч польских граждан с территорий, оккупированных Советским Союзом, были депортированы в Сибирь и Казахстан, где жили в нечеловеческих условиях» (Brief history..., web). Появление подобного рода институций и текстов после распада СССР и социалистической системы могло быть понято как сигнал о начале нового этапа информационно-психологической войны против нашей страны, однако в течение многих лет не воспринималось российской властью и обществом в качестве такого сигнала.

На протяжении последних трех десятилетий историческая (как и в целом информационно-психологическая) политика российского государства была весьма противоречивой. С одной стороны, образ победы в Великой Отечественной войне стал одной важнейших символьных опор постсоветской российской государственности. Власти уделяли большое внимание организации памятных мероприятий, поддерживали соответствующие народные инициативы. С другой стороны, к продолжению «хрущевской» традиции замалчивания на официальном уровне роли верховного главнокомандующего в этой войне добавилась драпировка мавзолея Ленина на время проведения парадов Победы. Из школьной программы был исключен роман Фаддеева «Молодая гвардия», рассказывающей о беспримерном подвиге советских юношей и девушек, зверски замученных врагом, зато в этой программе появилась книга Солженицына «Архипелаг Гулаг», где весьма сочувственно описываются бандеровцы, воевавшие на стороне фашистов. Предложения по изменению программы громко звучат лишь в последние месяцы, но будут ли эти предложения приняты – неизвестно.

Такое положение дел не в последнюю очередь объясняется обстоятельствами крушения советского проекта и формирования на его обломках общества, тип которого мы до сих пор затрудняемся определить. На рубеже 80-х – 90-х годов XX века произошли мгновенные по историческим меркам изменения в ценностных ориентирах, в самосознании общества, индивидов и групп. Страна, лишь несколько лет назад провозглашавшая свой общественный строй самым передовым, в начале 90-х объявляет себя отставшей в развитии, неспособной самостоятельно определить пути построения современной экономики и необходимой для этого системы науки и образования. Следование в фарватере политики США и выполнение пожеланий лидеров западных стран стало считаться гарантией безопасности – политической, экономической, военной.

Показательны в данном отношении действия и публичные выступления Бориса Ельцина, с удивительной скоростью прошедшего путь от руководящего работника Коммунистической партии Советского Союза до непримиримого антикоммуниста. Так, выступление Ельцина на XIX конференции КПСС в 1988 году было проникнуто заботой о репутации оратора в глазах коммунистов (Стенограмма..., web), а через два года (в 1990 году на XVIII съезде КПСС) Ельцин объявил, что выходит из коммунистической партии. По прошествии еще одного года, 23 августа 1991-го во время заседания Верховного Совета Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Ельцин, будучи уже Президентом России, подписывает указ о прекращении деятельности коммунистической партии на территории страны. Наконец, 17 июня 1992-го состоялось знаменитое выступление Ельцина в Конгрессе США. Здесь бывший член ЦК КПСС произнес такие слова: «Мир может вздохнуть спокойно. Коммунистический идол, который сеял повсюду на земле социальную рознь, вражду и беспримерную жестокость, который наводил страх на человеческое сообщество, рухнул. Рухнул навсегда. И я здесь для того, чтобы заверить вас: на нашей земле мы не дадим ему воскреснуть» (Выступление... web). Каким образом подобное заверение могло совмещаться в памяти индивида с определением коммунизма, которое высокопоставленный партийный руководитель должен был помнить если не наизусть, то хотя бы близко к тексту? Речь идет о словах из раздела «Коммунизм – светлое будущее всего человечества» принятой в 1961 г. программы Коммунистической партии Советского Союза. Здесь коммунизм характеризуется как бесклассовый общественный строй, «высокоорганизованное общество свободных и сознательных тружеников, в котором утвердятся общественное самоуправление, труд на благо общества станет для всех первой жизненной потребностью, осознанной необходимостью, способности каждого будут применяться с наибольшей пользой для народа» (Программа...1986, с. 125).

Столь быстрый «перелет» политического словаря из коммунистического смыслового гнезда в антикоммунистическое был характерен для многих представителей влиятельных административных и интеллектуальных групп. Вместе с тем, в обществе оставалось значительное число людей, не готовых подобным образом изменить свои позиции. Это стало одним из факторов, обусловивших противоречия в политике памяти, проявлявшиеся на протяжении всего постсоветского периода. Подобные противоречия мы наблюдаем в общественных настроениях, в сознании и проявлениях бессознательного. Показательный пример – феномен «советской ностальгии несоветского поколения» (Романова, Федорова, 2021), связанной с ростом посвященного СССР интернет-контента.

В формировании и реализации политики памяти, или исторической политики, участвуют не только (и не столько) официальные лица государств, но и люди разных родов деятельности, включая политтехнологов, политологов, журналистов, производителей аудио- и видеопродукции. Предметом дискуссий стало положение ученых-историков. Работа в области исторической науки должна протекать в пределах ценностно-нормативной системы, регулирующей любую научную деятельность, и вместе с тем, подчиняться специфическим нормам собственно исторического

исследования. Речь идет об использовании особых методов работы с информацией, изучения следов прошлого в настоящем, установления подлинности фактов прошлого, о критериях отбора фактов для исторического повествования, о способах понимания и объяснения прошлого. «Выяснение связи между событиями прошлого имеет отношение к еще своеобразной особенности исторического познания, - отмечает В. А. Лекторский. - Дело в том, что историки постоянно переоценивают прошлое и переписывают историю... Время не только выявляет новые связи, отношения между событиями, но и нередко заставляет нас иначе видеть значение тех или иных фактов прошлого. К тому же меняются и наши общие представления о человеке и обществе. И в свете этих новых представлений мы начинаем видеть в прошлом то, чего не видели раньше» (Лекторский, 2001, с. 245-246). Однако учеными-историками указанная особенность их работы осознается и оценивается по-разному.

В соответствующей литературе можно найти примеры открытой декларации историографического «презентизма» (от англ. “present” – настоящее). Презентизм утверждает конструктивистский подход к истории, понимаемой как образ прошлого, создаваемый в настоящем с учетом забот и запросов настоящего. Вместе с тем, представлена и позиция, согласно которой истинный ученый должен заниматься производством «просто научного знания», избегая «историзации» наличной политической реальности (Савельева, Полетаев, 2005). Последнюю установку можно принять, однако трудно осуществить на деле, поскольку ученый-историк, будучи одним из носителей исторического сознания общности, существующей в настоящем, не может избежать соотнесения изучаемых событий прошлого с актуальными проблемами данной общности, ее ценностями и представлениями о будущем.

В ранее опубликованных работах (Алексеева, 2019) мы касались проблем, связанных с преподаванием отечественной истории в обществе, где представлены разные подходы к описанию прошлого страны и оценке исторических событий, где с участием ученых-историков конструируются разные (порой радикально различные) образы «Мы». Следует отметить, что российские педагоги достаточно давно обращают внимание на то обстоятельство, что сознание школьника стало «полем битвы за прошлое». В этом контексте ставится вопрос о том, что в школьном курсе истории нужно знакомить учеников с феноменом «войн памяти». «Когда бои за «Историю», а значит, бои за память и сознание молодых людей приобретают все более утонченные формы, растет в цене не объем учебной информации, а умения ориентироваться в ее круговоротах и не становиться жертвами манипуляций», - писала Ольга Стрелова в 2012 году (Стрелова, 2012, с. 96). В свете последних событий становится все более очевидным, что не только школьная история, но едва ли не все обществоведческие дисциплины (и не только школьные, но и университетские) могут с определенных позиций рассматриваться как арена информационно-психологических («ментальных») противоборств, в которые, осознанно или нет, вовлекаются многие ученые и преподаватели.

Несколько лет назад, обсуждая особенности политики памяти в нашей стране, мы придерживались позиции, согласно которой противоречивость и принципиальный

эklekтизм в «политическом использовании прошлого» современной властью является одним из факторов, обеспечивающих необходимую обществу свободу в вопросах самопознания и исторического сознания, предполагающую, в числе прочего, отсутствие политико-идеологического «пресса», который затруднял бы профессиональную деятельность ученых-гуманитариев (Алексеева, Алексеев, 2018). Сегодня подобный подход нуждается в существенных оговорках.

В сложившихся условиях особенно остро осознается потребность в обществоведческих концепциях, которые могли бы служить надежной ориентировочной основой само-осмысления и само-проектирования общества, способствовать осуществлению возможностей исторического творчества. Однако интеллектуальные группы, ориентированные на создание именно такой основы (а не на рассмотрение текущей ситуации через «очки» импортных концептуальных построений) не обладают на данный момент коммуникативно-организационными и материальными ресурсами, необходимыми для решения столь сложной задачи.

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ СУВЕРЕНИТЕТ И ПРОБЛЕМА ВТОРИЧНОСТИ

На протяжении многих лет мы писали о неправомерности отказа российского общества от интеллектуального суверенитета (Алексеев, Алексеева, 2016). Вопрос интеллектуального суверенитета приобрел особую остроту после событий 2014 года, когда резко усилились и приобрели демонстративный характер негативные воздействия на нашу страну со стороны со стороны США и подчиненных им (хотя и формально независимых) государств. В совокупности эти станы образуют систему, обладающую существенными преимуществами перед Российской Федерацией по многим показателям в сфере экономики, финансов, промышленности и технологий (включая информационные технологии), в науке и образовании. **Интеллектуальный суверенитет** общества несовместим с готовностью без осмысления и критики воспринимать оценки собственного состояния и деятельности, предлагаемые и используемые другими обществами и государствами в их собственных интересах, зачастую не совпадающих с интересами и потребностями развития общества-реципиента. Обеспечение интеллектуального суверенитета требует поиска собственных, соответствующих характеру данного социума, средств и способов само-описания и миро-описания, организационных форм производства, распространения и использования знаний, самостоятельного определения базисных ценностей и стратегических целей.

Современное общество не может существовать без коммуникации с другими обществами и международными структурами, без участия в процессах получения и распространения информации и знаний. Интеллектуальный суверенитет системы никоим образом не предполагает ее изоляции, однако не допускает необдуманного заимствования ориентиров, стандартов и правил без соотнесения их с собственными возможностями и потребностями. Подобное заимствование, пусть и осуществляемое с желанием улучшить систему, ведет к ее деградации вследствие отсутствия адекватных средств понимания и условий выполнения соответствующих установок,

наличия в системе блокирующих механизмов или критически важных элементов и подсистем, которые несовместимы с заемными. Следствием отказа общества от интеллектуального суверенитета становится **переориентация с путей творческого осмысления мира и само-осмысления на пути «вторичности»**, где интенсивная интеллектуальная деятельность заведомо ограничена рамками «импортных» концепций и подходов, создатели которых не были сколько-нибудь близко знакомы ни с проблемами данного общества (на разных этапах его истории), ни с накопленным опытом осмысления этих проблем.

По существу, вопрос интеллектуального суверенитета был остро поставлен еще в XIX веке представителями русского **почвенничества** – направления общественной мысли, не привлечшего такого внимания, которое было бы сравнимо с тем, что получили борющиеся друг с другом западничество и славянофильство. Как актуальное послание из прошлого читаются сегодня написанные в 1861 году (после объявления крестьянской реформы) слова Аполлона Григорьева: «Есть вопрос и глубже, и обширнее по своему значению всех наших вопросов - и вопроса (каков цинизм?) о крепостном состоянии, и вопроса (о ужас!) о политической свободе. Это вопрос нашей умственной и нравственной **самостоятельности**» (Григорьев, 1861. Цит. по: Собр. соч., 2015, с. iii) Выдающийся литературовед Владимир Саводник утверждал, что именно **«вопрос о нашей умственной и нравственной самостоятельности»** проходил красной нитью через все произведения этого писателя и критика, пренебрежительно относившегося к «подражательной литературе» и горячо верившего в «великие творческие силы русского народа и в его высокое призвание» (Собр. Соч. 1815, с. Iii).

Сегодня мы можем утверждать, что вопрос о нашей умственной и нравственной самостоятельности (которая и есть **интеллектуальный суверенитет**) глубже и шире по значению, чем вопросы о типе политической и экономической системы, критериях демократии и другие того же ряда. Военные действия на территории государств, образовавшихся на месте СССР, - одно из трагических следствий избранного правящими кругами этих стран в начале «лихих девяностых» курса на «вторичность», на подчинение не только финансовым и политическим, но также культурно-идеологическим и мировоззренческим структурам, работающим на обеспечение глобального доминирования США.

В начале 2021 года в журнале «Военная мысль» вышла статья с показательным названием – «Обеспечение интеллектуального лидерства – основа национальной безопасности». Автор Андрей Ильницкий настаивал, что существование в повестке, навязанной США и их агентами влияния «категорически не соответствует суверенному выбору России» (Ильницкий, 2021а, с. 9). Речь шла о необходимости «ускоренного формирования национальной системы противодействия гибридно-информационным угрозам», которая включала бы научно-образовательный центр гуманитарных технологий, связанный с сетью «мозговых центров», объединяющих лучшие экспертные силы в соответствующих областях. Позже Ильницкий выдвинул идею **«ментальной безопасности»** как «интегрирующего показателя» всех видов

безопасности, в том числе военной, территориальной, экологической (Ильницкий, 2021b, с. 30). Представление подобных идей на страницах военного журнала выглядело вполне закономерным в контексте предпринимавшихся государством усилий по укреплению военно-политического суверенитета.

События 2022 года более острым, чем когда-либо ранее, вопрос *интеллектуальной мобилизации*, предъявляющей повышенные требования к научно-образовательному комплексу, важнейшие задачи которого должны определяться *обеспечением жизнеспособности общества в целом*. Однако не только выполнение, но и осознание таких задач чрезвычайно затруднено последствиями двадцатилетней «перекройки» отечественного научно-образовательного комплекса в соответствии с установками глобальных финансовых структур, производящих все новые и новые *дезориентирующие ориентиры* для этих областей. Эти ориентиры определяются сформулированными в начале нашего столетия установками Всемирного банка на «глобальное образование для глобальной экономики», предполагающее оценку научно-образовательной деятельности по образцу деятельности финансово-экономической, с соответствующими инструментами контроля со стороны структур, обеспечивающих доминирование США. Государствам была рекомендована «разработка механизмов обеспечения качества (оценка, аккредитация, национальные экзамены, рейтинги и публикация информации)» (Формирование..., 2003, с. xxvi). В результате реализации таких установок в управлении интеллектуальной сферой, прежде всего образованием и наукой, утвердились *банковские идеалы вычислимости*, сводящие смысл существования этих областей к достижению показателей, измеряемых финансовыми организациями и разного рода рейтинговыми агентствами.

После начала СВО группа Всемирного банка свернула свои программы в России, однако указанные установки продолжают действовать. Российские ученые, как и учреждения образования и науки, продолжают участвовать в библиометрических и рейтинговых гонках. На этом пути порой создается иллюзия управления научной сферой на научной основе, - прежде всего, на основе наукометрии. Однако речь в данном случае идет именно об иллюзии, поскольку наукометрия – лишь часть обширного науковедческого комплекса, к которой весь комплекс свести невозможно. Что же касается полно-объемного видения науковедения, то оно охватывает философию науки, социологию науки, историю науки, экономику науки, психологию научного творчества и правовое регулирование научной деятельности. Наукометрия (существенную часть которой составляет библиометрия научных публикаций) никоим образом не должна занимать в этом ряду господствующее положение (Алексеев, Алексеева, 2020; Шупер, 2022). Науковедение – важная форма самосознания науки, без которого немыслимо самосознание современного общества. Информационно-психологическая политика, имеющая дело с самосознанием общества, тем или иным образом касается вопросов самосознания науки и направлений исследований в сфере социально-гуманитарного знания.

Обсуждая современные проблемы и возможности, имеет смысл учитывать опыт времен Великой Отечественной войны, когда в области такой гуманитарной науки как философия планы научной работы «были скорректированы и направлены на

реализацию проектов, связанных с укреплением патриотизма, развитием национального самосознания, возрождением классических форм науки и культуры, преемственных по отношению к историческому наследию России» (Черняев, 2020, с. 175). Ответом на вызовы времени стало обращение и к истории отечественной философии, и к традиционной логике как основе классической рациональности. Это можно понять как *своеобразную реанимацию почвеннической идеи в новом историческом контексте*, с изменившимися условиями жизни и деятельности и, кроме того, при необходимости согласовываться или, как минимум, избегать явных противоречий с установками марксистско-ленинской идеологии.

Учитывая опыт восьмидесятилетней давности, мы не можем и не должны его копировать в новых исторических условиях, на современном уровне социального, интеллектуального и технологического развития. И все же нельзя игнорировать того обстоятельства, что вопросы рациональности и разумности, как и вопросы возврата из тени забвения важных частей отечественного интеллектуального наследия стали сегодня не менее, а, может быть, более острыми, чем в годы Великой отечественной войны. Парадоксальным образом в эпоху высоких технологий усиливаются тенденции архаизация сознания, «соскальзывающего» с уровня системного мышления на уровень мышления ассоциативно-картиночного, освобождающегося от стремления к пониманию сути рассматриваемых явлений, объективности и логической непротиворечивости. XXI век демонстрирует растущее влияние «неразумной рассудочности», продукты которой, занимая господствующее положение в глобальном информационном пространстве, угрожают не только развитию, но и самому существованию людей, народов и человечества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Выживание и развитие страны, вступившей в сложное противоборство («гибридную войну») с могущественной политической, экономической и военной системой, требует разработки и проведения продуманной информационно-психологической политики, направленной на формирование адекватной информационно-ориентировочной основы поведения социальных субъектов и на обеспечение необходимого уровня психологического потенциала общества. Актуальность задач, решение которых невозможно без использования науки в целом и социально-гуманитарных наук в частности, побуждает ученых заново переосмысливать исторический опыт и создавать новые концептуальные структуры, необходимые для понимания настоящего и конструирования будущего.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Brief History of Poland 1939-1989. Institute of National Remembrance. Retrieved from: <https://ipn.gov.pl/en/brief-history-of-poland/1,Brief-history.html>

- Extending Russia: Competing from advantageous ground. Santa-Monica, Calif., RAND, 2019. Retrieved from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102385609>.
- John Hopkins University & Imperial College London (2021). *Countering cognitive warfare: awareness and resilience*. NATO Review. 20 May 2021. Retrieved from: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html>
- Joint Vision 2020. America's Military: Preparing for Tomorrow (2000) Wash. [United States Department of Defense](#)
- Libicki, M. (1996). *What is Information Warfare?* Wash.: National Defense Univ. etc.
- Linebarger, P. (1954). *Psychological Warfare*. Wash.: Infantry Journal Press.
- Oskina, O. I. (2022). The potential of "soft power" in the context of geopolitical expansion. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(3), 23-34
- Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options / RAND corporation. Retrieved from: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html.
- Romanova, A.P. (2021). The Concept of Societal Security: Theory, Discussion, and Caspian Perspectives. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 1(1), 55-65.
- US Army PSYOP. Book 1. Psychological Operations Handbook: Psychological Operations Fundamentals (2019). Hailsham: Carlisle Media.
- Алексеев А. П. (2021). Актуальность стратегии в современной информационной войне. VII Декартовские чтения. Глобальные угрозы развитию цивилизации в XXI веке. Материалы международной научной конференции. М.-Зеленоград, 3-8.
- Алексеев, А. П. (2017). Общество в условиях информационной войны: вопрос интеллектуального суверенитета. *Философия и общество*, (2), 18–27.
- Алексеев, А. П., Алексеева, И. Ю. (2016). Информационная война в информационном обществе. *Вопросы философии*, 11, 5–14.
- Алексеев, А. П., Алексеева, И. Ю. (2020). Сложность самосознания науки. *Вопросы философии*, 12, 104-114.
- Алексеев, А. П., Алексеева, И. Ю. (2021). Судьба интеллекта и миссия разума: философия перед вызовами эпохи цифровизации. М.: Проспект.
- Алексеева, И. Ю. (2019). Управление исторической памятью как трансдисциплинарная проблема. *Философия науки и техники*, 2(24), 82-95.
- Алексеева, И. Ю., Алексеев, А. П. (2018). Философия исторической памяти. *Вопросы философии*, 10, 67-76.
- Ахунзянов, Р. С. (2022). Перспективы развития сил обеспечения психологических операций. *Информационные войны*, 3(63), 85-88.
- Выступление Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина на совместном заседании палат Конгресса США о перспективах сотрудничества между Россией и США. Ельцин центр. Архив аудио. Получено из: <https://yeltsin.ru/archive/audio/8995/>

- Грачев, Г.В. (2003). *Личность и общество: информационно-психологическая безопасность и психологическая защита*. М.: ПЕР СЭ.
- Григорьев, А. (1815). *Собр. Соч. Аполлона Григорьева. Вып. 3*. М.: Тип. Кушнерев, 1.
- Документы Генеральной ассамблеи ООН по вопросу международной информационной безопасности (2001)*. Информационные вызовы национальной и международной безопасности, 273-331.
- Ефременко, Д. В. (2018). Политика памяти и ее роль в формировании европейской идентичности. *Формирование современной европейской идентичности в рамках интеграции ЕС: социальное и культурное измерения. Сборник научных статей*. СПб., 67-74.
- Ильницкий, А. М. (2021). Ментальная война России. *Военная мысль*, 8, 19-33.
- Ильницкий, А. М. (2021). Обеспечение интеллектуального лидерства – основа национальной безопасности. *Военная мысль*, 1, 6-21.
- Ильницкий, А. М., Ленченко, М. К. (2021). Социальная империя как инструмент психологической обороны Российской Федерации. *Военный академический журнал*, 2(26), 70-75.
- Клаузевиц, К. (1937). *О войне*. Пер. с нем. Т. I–II. Изд. 4-е. М.: Госвоениздат.
- Кокошин, А. А. (2014). Взаимодействие политики и военной стратегии: теоретические и прикладные вопросы. *Вопросы философии*, (10), 3–13.
- Лайнбарджер, П. (1962). *Психологическая война* / Пер. с англ. Под ред. Н. Н. Берникова. Москва: Изд-во МО СССР.
- Лекторский, В. А. (2001). *Эпистемология классическая и неклассическая*. М.: УРСС.
- Малинова, О. Ю. (2014). Использование символов прошлого в политике постсоветской России: эволюция подходов. *Вестник РГНФ*, 1, 69-78.
- Малюк, А.А. (2004). *Информационная безопасность: концептуальные и методологические основы защиты информации*. М.: Горячая линия-Телеком.
- Программа коммунистической партии Советского Союза (1986)*. Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Т. 10. М., 81-185.
- Раскин, А.В. (2015). Некоторые философские аспекты информационной войны. *Информационные войны*, 3(35), 18-21.
- Роговский, Е.А. (2009). Американская стратегия информационного преобладания. *Россия и Америка в XXI веке. Электронный научный журнал*, 3. Получено из: <http://www.rusus.ru/?act=archive&edition=18>.
- Романова, А. П., Федорова, М. М. (2021). «Советская ностальгия» несоветского цифрового поколения Российской Федерации. *Южно-российский журнал социальных наук*, 1(22), 6-18.
- Савельева, И. М., Полетаев, А. В. (2005). О пользе и вреде презентизма в историографии. *"Цепь времен": Проблемы исторического сознания*. М.: ИВИ РАН, 63-88.

- Смолян, Г.Л., Зараковский, Г.М., Розин, В.М., Войскунский, А.Е. (1997). *Информационно-психологическая безопасность (определение и анализ предметной области)*. М.: ИСА РАН.
- Стенограмма выступления Бориса Ельцина на XIX Всесоюзной конференции КПСС. Архив Президентского центра Б. Н. Ельцина. Получено из: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-ne-formirovat-vozhdey-i-vozhdizm/>
- Стрелова, О. Ю. (2012). История в школе остается «полем битвы за прошлое», потому что «войны памяти» не утихают. *Проблемы современного образования*, 6, 83-98.
- Труфанова Е. О. (2021). Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, 14-38.
- Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 О стратегии национальной безопасности Российской Федерации. (2021). Получено из: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046>
- Указ Президента Российской Федерации от 05.12.2016 г. № 646 Об утверждении Доктрины информационной безопасности Российской Федерации (2016). Получено из: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460>
- Формирование общества, основанного на знаниях. Новые задачи высшей школы. Доклад Всемирного банка (2003). М.: Весь мир.
- Харламенкова, Н. Е. (2019). Понятие психологической безопасности и его обоснование с разных позиций. *Психологический журнал*, 1(40), 28-37.
- Черняев, А. В. (2020). Перед лицом исторических вызовов: деятельность советских философов в годы Великой отечественной войны. *Вопросы философии*, 12, 175-181.
- Шупер, В. А. (2022). Научное сообщество между растерянностью и реакционностью. *Управление наукой: теория и практика*, 3(4), 171-188.
- Ярмак, Ю. В. (2022). Мягкая сила идеологии и безопасность. *Caspium Securitatis: журнал Каспийской безопасности*, 1(2), 11-20.

Для цитирования: Алексеева, И.Ю. (2023). Информационно-психологическая политика как фактор безопасности общества. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(1), 50-76.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_50

REFERENCES

- Brief History of Poland 1939-1989*. Institute of National Remembrance. Retrieved from: <https://ipn.gov.pl/en/brief-history-of-poland/1,brief-history.html>
- Extending Russia: Competing from advantageous ground. Santa-Monica, Calif., RAND, 2019. Retrieved from: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102385609>.

- John Hopkins University & Imperial College London (2021). Countering cognitive warfare: awareness and resilience. *NATO Review*. 20 May 2021. Retrieved from: <https://www.nato.int/docu/review/articles/2021/05/20/countering-cognitive-warfare-awareness-and-resilience/index.html>
- Joint Vision 2020. America's Military: Preparing for Tomorrow (2000) Wash. United States Department of Defense
- Libicki, M. (1996). *What is Information Warfare?* Wash.: National Defense Univ. etc.
- Linebarger, P. (1954). *Psychological warfare*. Wash.: Infantry Journal Press.
- Oskina, O. I. (2022). The potential of "soft power" in the context of geopolitical expansion. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 2(3), 23-34. (in Russian)
- Overextending and Unbalancing Russia: Assessing the Impact of Cost-Imposing Options / RAND corporation. Retrieved from: https://www.rand.org/pubs/research_briefs/RB10014.html
- Romanova, A.R. (2021). The Concept of Societal Security: Theory, Discussion, and Caspian Perspectives. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 1(1), 55-65. (in Russian)
- US Army PSYOP. Book 1. Psychological Operations Handbook: Psychological Operations Fundamentals (2019). Hailsham: Carlisle Media.
- Alekseev A.P. (2021). The relevance of strategy in modern information warfare. *VII Cartesian Readings. Global threats to the development of civilization in the XXI century. Materials of the international scientific conference*. Moscow-Zelenograd, 3-8. (in Russian)
- Alekseev, A. P. (2017). Society in the conditions of information war: a question of intellectual sovereignty. *Philosophy and Society*, (2), 18–27. (in Russian)
- Alekseev, A. P. & Alekseeva, I. Yu. (2016). Information war in the information society. *Questions of Philosophy*, 11, 5–14. (in Russian)
- Alekseev, A. P. & Alekseeva, I. Yu. (2020). The complexity of self-awareness of science. *Questions of Philosophy*, 12, 104-114. (in Russian)
- Alekseev, A. P. & Alekseeva, I. Yu. (2021). *The fate of the intellect and the mission of the mind: philosophy in the face of the challenges of the era of digitalization*. Moscow: Prospect. (in Russian)
- Alekseeva, I. Yu. (2019). Management of historical memory as a transdisciplinary problem. *Philosophy of Science and Technology*, 2(24), 82-95. (in Russian)
- Alekseeva, I. Yu. & Alekseev, A. P. (2018). Philosophy of historical memory. *Questions of Philosophy*, 10, 67-76. (in Russian)
- Akhunzyanov, R. S. (2022). Prospects for the development of psychological operations support forces. *Information Wars*, 3(63), 85-88.
- Speech by the President of the Russian Federation Boris N. Yeltsin at a joint meeting of the US Congress on the prospects for cooperation between Russia and the United

- States. Yeltsin Center. Audio archive. Retrieved from: <https://yeltsin.ru/archive/audio/8995/> (in Russian)
- Grachev, G.V. (2003). *Personality and society: information and psychological security and psychological protection*. Moscow: PER SE. (in Russian)
- Grigoriev, A. (1815). *Sobr. Op. Apollon Grigoriev*. Issue. 3. M.: Type. Kushne-rev, 1. (in Russian)
- Documents of the UN General Assembly on the issue of international information security (2001). *Information Challenges to National and International Security*, 273-331. (in Russian)
- Efremenko, D. V. (2018). The politics of memory and its role in the formation of European identity. *Formation of modern European identity within the framework of EU integration: social and cultural dimensions. Collection of scientific articles*. St. Petersburg., 67-74. (in Russian)
- Ilnitsky, A. M. (2021). The mental war of Russia. *Military Thought*, 8, 19-33. (in Russian)
- Ilnitsky, A. M. (2021). Ensuring intellectual leadership is the basis of national security. *Military Thought*, 1, 6-21. (in Russian)
- Ilnitsky, A. M. & Lenchenko, M. K. (2021). Social empire as an instrument of psychological defense of the Russian Federation. *Military Academic Journal*, 2(26), 70-75. (in Russian)
- Clausewitz, K. (1937). *About war*. Per. with him. T. I–II. Ed. 4th. M.: State Publishing House. (in Russian)
- Kokoshin, A. A. (2014). Interaction of politics and military strategy: theoretical and applied issues. *Questions of Philosophy*, (10), 3–13. (in Russian)
- Linebarger, P. (1962). *Psychological warfare* / Per. from English. Ed. N. N. Bernikova. Moscow: Publishing House of the USSR Ministry of Defense. (in Russian)
- Lektorsky, V. A. (2001). *Epistemology classical and non-classical*. M.: URSS. (in Russian)
- Malinova, O. Yu. (2014). The use of symbols of the past in the politics of post-Soviet Russia: the evolution of approaches. *Bulletin of the Russian Humanitarian Foundation*, 1, 69-78. (in Russian)
- Malyuk, A.A. (2004). *Information security: conceptual and methodological foundations of information security*. Moscow: Hotline-Telecom. (in Russian)
- Program of the Communist Party of the Soviet Union (1986). *Communist Party of the Soviet Union in resolutions and decisions of congresses, conferences and plenums of the Central Committee*. T. 10. M., 81-185. (in Russian)
- Raskin, A.V. (2015). Some philosophical aspects of the information war. *Information wars*, 3(35), 18-21. (in Russian)

- Rogovsky, E.A. (2009). American strategy of information dominance. *Russia and America in the XXI century. Electronic scientific journal*, 3. Retrieved from: <http://www.ru-sus.ru/?act=archive&edition=18> (in Russian)
- Romanova, A. P. & Fedorova, M. M. (2021). "Soviet nostalgia" of the non-Soviet digital generation of the Russian Federation. *South Russian Journal of Social Sciences*, 1(22), 6-18. (in Russian)
- Savelyeva, I. M. & Poletaev, A. V. (2005). On the benefits and harms of presentism in historiography. *"The chain of times": Problems of historical consciousness*. Moscow: IVI RAN, 63-88. (in Russian)
- Smolyan, G.L., Zarakovsky, G.M., Rozin, V.M. & Voiskunsky, A.E. (1997). *Information and psychological security (definition and analysis of the subject area)*. Moscow: ISA RAN. (in Russian)
- Transcript of Boris Yeltsin's speech at the 19th All-Union Conference of the CPSU. Archive of the Presidential Center BN Yeltsin. Retrieved from: <https://yeltsin.ru/news/boris-elcin-ne-formirovat-vozhdey-i-vozhdizm/> (in Russian)
- Strelova, O. Yu. (2012). History in the school remains a "battlefield for the past" because the "wars of memory" do not subside. *Problems of modern education*, 6, 83-98. (in Russian)
- Trufanova E. O. (2021). Private and public in the digital space: blurring the boundaries. *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 1, 14-38. (in Russian)
- Decree of the President of the Russian Federation of July 2, 2021 No. 400 On the national security strategy of the Russian Federation. (2021). Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/47046> (in Russian)
- Decree of the President of the Russian Federation of December 5, 2016 No. 646 On Approval of the Information Security Doctrine of the Russian Federation (2016). Retrieved from: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/41460> (in Russian)
- Formation of a society based on knowledge. New tasks of higher education. *World Bank Report* (2003). Moscow: The whole world. (in Russian)
- Harlamenkova, N. E. (2019). The concept of psychological security and its justification from different positions. *Psychological Journal*, 1(40), 28-37. (in Russian)
- Chernyaev, A. V. (2020). In the face of historical challenges: the activities of Soviet philosophers during the Great Patriotic War. *Questions of Philosophy*, 12, 175-181. (in Russian)
- Shuper, W. A. (2022). Scientific community between confusion and reactionary. *Science Management: Theory and Practice*, 3(4), 171-188. (in Russian)
- Yarmak, Y. V. (2022). Soft power of ideology and security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Security*, 1(2), 11-20. (in Russian)

For citation: Alekseeva, I. Yu. (2023). Information and Psychological Policy as a Factor of Societal Security. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(1), 50-76.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_50

THE ROLE OF CULTURAL MEMORY AND CULTURAL HERITAGE IN CULTURAL SECURITY (CASE STUDY OF THE ASTRAKHAN REGION)

Elena V. Khlyshcheva

Doctor of Philosophy, Professor
Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia

E-mail: culture_mar@mail.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

ABSTRACT

Modern society is undergoing major changes due to globalisation, migration, crises and military conflicts. All these have an impact on the state of security. This article deals with cultural security as an integral part of national security.

A number of challenges of the globalizing world become threats to cultural security today, manifesting themselves in a decline of the general cultural level, spread of mass culture surrogates in the mass media, destruction of cultural heritage, deformation of socio-cultural values, etc. Cultural diversity is also becoming a certain challenge. Differences in language, religion, norms, values, traditions, national symbols, modes of behaviour in a crisis state of society may become an occasion or a reason for an interethnic conflict. The culture of oblivion, the construction of new identities, and the crisis of both collective and individual identities pose a serious threat.

The preservation of cultural heritage plays an enormous role in solving the problems of cultural security. It ensures intergenerational communication, knowledge of the history and culture of not only one's own people, but also that of other peoples, ensuring a sustainable cultural dialogue.

KEYWORDS

cultural security, cultural heritage, cultural memory, oblivion.

РОЛЬ КУЛЬТУРНОЙ ПАМЯТИ И КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ АСТРАХАНСКОЙ ОБЛАСТИ)

Хлыщева Елена Владиславовна

Доктор философских наук, профессор
Астраханский государственный университет
Астрахань, Россия
Email: culture_mar@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-6586-019X>

АННОТАЦИЯ

Современное общество претерпевает серьезные изменения, связанные с процессами глобализации, миграции, кризисами и военными конфликтами. Все это оказывает влияние на состояние безопасности. В данной статье речь идет о культурной безопасности как составной части безопасности национальной.

Угрозами культурной безопасности сегодня становятся многие вызовы глобализирующегося мира, в которых проявляется падение общекультурного уровня, распространение в массмедиа суррогатов массовой культуры, уничтожение культурного наследия, деформация социокультурных ценностей и т.д. Определенным вызовом становится и культурное многообразие. Различия в языке, религии, нормах, ценностях, традициях, национальных символах, способах поведения при кризисном состоянии общества могут стать поводом или причиной возникновения межэтнического конфликта. Серьезную угрозу представляет культура забвения, конструирование новых идентичностей, кризис как коллективной, так и индивидуальной идентичности.

Огромную роль в решении проблем культурной безопасности играет сохранение культурного наследия. Оно обеспечивает межпоколенческую связь, знание истории и культуры не только своего народа, но и других народов, обеспечивая устойчивый культурный диалог.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

культурная безопасность, культурное наследие, культурная память, забвение.

ВВЕДЕНИЕ

Понятие «безопасность» многогранно и многоаспектно. Поэтому и определения данного феномена разнятся. Это вызвано расширением спектра угроз: помимо военных сегодня актуальны угрозы, связанные с экономическим пространством, цифровой деятельности, этноконфессиональными и культурными конфликтами, социальными диспропорциями и др.

Культурная безопасность направлена на культурное пространство и имеет ряд особенностей. Само понимание культуры неоднородно, соответственно существуют разные методы и подходы к культуре, которые определяют «специфику научных школ и направлений, в рамках которых изучается мир культуры» (Астафьева, 2010, с. 2). Нас интересует пространство, вбирающее в себя исторические механизмы адаптации общества к окружающей среде, что направлено на активизацию социальной практики и одновременно сохранение культурного наследия.

В зависимости от понятий «культура» и «безопасность» определения «культурной безопасности» будут различаться. С точки зрения культуры этот термин предполагает сохранение или защиту наследия и ценностей группы, сообщества или нации, а в целом и цивилизации. С точки зрения безопасности этот термин будет означать «значимость культуры для национальной, региональной или международной безопасности» (Гидденс, 2015, с. 254).

Объединение понятий «культура» и «безопасность» впервые было предложено в 1986 году Международным агентством по атомной энергетике в результате анализа причин и последствий аварии на ЧАЭС. Признано, что отсутствие культуры безопасности явилось причиной этой страшной аварии. Международная консультативная группа по ядерной безопасности дала определение, что культурная безопасности – это «такой набор характеристик деятельности организации и поведения отдельных лиц, который устанавливает, что проблемам безопасности атомных электростанций как имеющим высшим приоритетом уделяется внимание, определяемой их значимостью» (Белозор, 2019, с. 80)

Второй аспект культурной безопасности (как социальное явление) – помогает гармонизировать взаимодействия с социумом. В данном контексте культура безопасности является средством гуманизации всех сторон жизни, устойчивости развития системы «человек – среда обитания». Именно поэтому культурную безопасность можно рассматривать как «результат зрелости и развитости личности, ее личностных характеристик в системе социальных норм, мировоззрения, которые являются гарантом сохранения жизни, здоровья и целостности мира» (Белозор, 2019, с. 80). При этом мировоззренческим ядром культуры безопасности является безопасность жизнедеятельности человека.

В теории безопасности основополагающим является то, что главную роль в жизни любого человека в процессе его жизнедеятельности играет не уровень накопленных им теоретических и практических знаний о способах защиты в опасных ситуациях, а именно сформированная культура безопасности. Это необходимое условие обеспечения устойчивого развития современной цивилизации.

Концепция культурной безопасности является «многофакторной и комплексной и включает в себя как защиту, так и поддержание системного равновесия общества» (Бреннер). Культурная безопасность – состояние развития человека и общества, которое характеризуется значимостью обеспечения безопасности жизнедеятельности как в системе личных, так и социальных ценностей, обширностью стереотипов безопасного поведения в ежедневной жизни, а также в условиях чрезвычайных и опасных ситуации, степенью практической защищенности от опасностей и угроз во всех сферах жизни человека.

Очевидно, что культурная безопасность имеет несколько проявлений – она может проявляться в форме угроз местному достоянию, целенаправленного уничтожения культуры и защиты культуры в зонах конфликта. Угрозы могут быть потенциальными или реальными, объективными или субъективными, внешними или внутренними, традиционными или нетрадиционными, преднамеренными или непреднамеренными.

Вопросы культурной безопасности нередко «растворяются» в понятиях социокультурного характера, выступающих видовыми спецификациями общего понятия «безопасность». К таким понятиям можно отнести духовную безопасность, социальную безопасность, этническую безопасность, религиозную безопасность, конфессиональную безопасность и т.п. Поэтому определение сущности культурной безопасности является дискуссионным вопросом.

Важной тенденцией является рассмотрение культурной безопасности не только с точки зрения поддержания безопасности в культурной сфере (предотвращение религиозных и этнических конфликтов, упадка духовности, разрушения культурных памятников), но и как «поддержание национальной безопасности через развитие культурного самосознания» (Культурная безопасность, 2017, с. 71). В этом случае «культура выступает не только объектом, но и фактором безопасности, обеспечивающим достижение безопасности как состояния системного равновесия» (Есипова, 2014, с. 37).

В структуру культурной безопасности входит как сохранение безопасности в культурной сфере, так и поддержание национальной безопасности в процессе становления социокультурного самосознания. Рассматривая культуру как объект и фактор обеспечения безопасности, российский культуролог А.Я.Флиер отмечает, что по-настоящему безопасное общество то, где «подавляющая часть людей сознательно, прогрессивно и целенаправленно придерживаются общепринятых норм жизнедеятельности, а значит, являются культурными» (Флиер, 2014, с. 231). Закономерными составляющими концепта культурной безопасности культуролог А.П. Романова определяет «этническую и конфессиональную безопасность, в которой нет места национальной нетерпимости и национальной принадлежности» (Романова, 2012, с. 259).

Выделяют две стороны подходов к анализу определения «культурная безопасность» – личностную характеристику человека и социальное явление. В первом случае речь идет о характере и уровне взаимодействия между человеком и средой обитания, во втором – определение места человека в социуме и важность безопасности

жизнедеятельности и приоритета всех форм жизни. Исходя из этого, культурную безопасность следует понимать как «способность общества сохранять свой определенный характер, несмотря на меняющиеся условия и реальные или виртуальные угрозы» (Гафнер, 2016, с. 98).

СОВРЕМЕННЫЕ УГРОЗЫ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Объектом культурной безопасности является культурное наследие, которое передается от поколения к поколению и определяет идентичность культурной самобытности.

Культурная регуляция человеческой деятельности осуществляется не только нормативно, но и через систему ценностей - идеалов, к достижению которых стремятся люди. Культура как динамичная система ценностей формирует у поколений людей и каждой личности конкретные ценностные ориентации и критерии. Ценности обеспечивают специфичность каждой культуры. То, что важно в одной культуре, может быть совсем неважно в другой. У каждого народа формируется своя иерархия ценностей, хотя набор ценностей имеет общечеловеческий характер.

Обеспечение национальной безопасности страны не сводится только к укреплению обороноспособности и повышению эффективности деятельности силовых и специальных структур. Фундамент безопасности закладывается экономической независимостью, самобытной культурой, самоидентификацией. Поэтому вопросы национальной безопасности и культуры напрямую связаны между собой.

В рамках культурной безопасности необходимо учитывать факт культурного разнообразия населения страны. Угрозой безопасности такое разнообразие может стать в случае, когда Чужие культуры будут агрессивно стремиться к распространению своих ценностей, что создает опасность растворения собственной культуры в чужой и изменения культурного пространства страны. С другой стороны, позиция, защищая свои ценности охранительства своей культуры также не способствует культурному диалогу, так как защищая свои ценности этносу будут рассматривать все остальные культуры как враждебные, что поставит под угрозу культурную безопасность остального населения.

Непосредственными угрозами культурной безопасности являются:

- уничтожение памятников культуры, нанесение ущерба мировому и национальному культурному наследию;
- отторжение современной культуры от ее исторических основ и в то же время отторжение этнической культуры от общемировой культуры;
- ограничение или навязывание культурных контактов;
- прямое или косвенное деструктивное влияние на социальные институты, транслирующие культурное наследие: образование, воспитание, семью, церковь, средства массовой информации, специализированные средства культуры (театры, музеи, выставочные залы и т. п.) (Щукина, 2015, с. 346).

Культурные угрозы подразделяют на традиционные и нетрадиционные. Традиционные угрозы включают в себя расхищение культурных ценностей, разрушение

памятников и культурно значимых объектов, а также репрессивные меры по отношению к носителям данной культуры. К нетрадиционным угрозам относят принудительное торможение развития, коммерциализацию культуры и искусства, распространение внешней массовой культуры (через средства массовой коммуникации, прямые и косвенные культурные контакты), противоречащей духовным ценностям общества, особенностям национальной культуры,

Особую угрозу культурной безопасности несут миграционные процессы. Это Вызов современной цивилизации, на который необходимо найти ответ. С этой проблемой столкнулись практически все страны, как принимающие, так и те, откуда люди уезжают в поисках работы и безопасных условий проживания.

Немаловажной угрозой культурной безопасности становятся этноконфессиональные конфликты. В таких ситуациях мы говорим о конфессиональной безопасности, которая является частью безопасности культурной. Под конфессиональной безопасностью в данном случае понимается не столько система сохранения контентного содержания любой конфессии и ее культовой оболочки (что не является прерогативой государства), сколько предотвращение конфликтов на конфессиональной почве. Конфессиональная безопасность включает в себя «наличие системы условий для полноценного развития различных конфессий в едином культурном пространстве, предотвращающей или, по крайней мере, смягчающей конфликты, связанные с конфессиональной принадлежностью» (Акляев, 2005, с.70).

Постмодернистская ризома размывает границы идентичности и представляет угрозу культурной безопасности в лице неспособности людей идентифицировать себя в рамках определенной культуры и в неумении включиться в новую систему ценностей для удовлетворения жизненных потребностей и стремлений. Наконец, угрозу представляют межпоколенный разрыв, изменение исторической памяти, забвение прошлого, разрушение культурного наследия, что усиливает кризис как коллективной, так и индивидуальной идентичности.

Нельзя не упомянуть и угрозу в лице виртуальной реальности. Пространство Интернета создало новый вид культуры – киберкультуру, которая несет ценности, отличные от традиционных, тем самым подвергая угрозам состояние культурной общности народа. Это ризомная картина мира, которая не имеет границ и обладает центробежными тенденциями. Особая проблема современности – разработка и внедрение Искусственного Разума, что может в корне изменить человеческую цивилизацию и даже ее уничтожить.

Сегодня Интернет, помимо созидательных и образовательных функций, выполняет роль распространителя фейковой информации, пропагандирует насилие, нацистскую идеологию. Это оказывает деструктивное влияние на общество и должно быть искоренено в кратчайшие сроки.

Не способствует культурной безопасности и проблемы в образовательной системе, где обучение приобретает практико-ориентированный, игровой контекст, сводящийся к умению создания старт-апов. В результате формируется блип-мышление, которое приводит к полной зависимости подрастающего поколения от соц. сетей.

Одним из факторов, оказывающим серьезное отрицательное влияние на морально-нравственное и духовное состояние молодежи, является пропаганда преступного поведения посредством социальных сетей – своего рода особая форма девиантного поведения, феномен которого в настоящее время привлекает пристальное внимание исследователей всего мира.

Под влиянием цифровых технологий происходит изменение психологического климата общества и содержание внутренней жизни современного человека. Виртуальное пространство становится разновидностью реальности и способствует исчезновению навыков традиционных видов коммуникации.

Таким образом, угрозы безопасности имеют весьма обширную классификацию, и именно культура имеет высокий потенциал эти угрозы нейтрализовать. Культура является тем мощным фактором, который способен преодолеть растущую неопределенность, той основой, на которой может сформироваться положительная идентичность российских граждан.

КУЛЬТУРНАЯ ПАМЯТЬ КАК МЕХАНИЗМ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Культурная память является одним из «аспектов коллективной памяти, когда человек или общество осознает непрерывность своего бытия в потоке истории» (Барышникова, 2009, с. 167). В широком смысле «культурная память» объединяет три самых важных момента в истории человечества: воспоминание, идентичность и культурную преемственность.

Немецкий культуролог Я. Ассман под «культурной памятью» понимает «формы трансляции и обобщающее обозначение всего знания, собранного в период истории человечества» (Ассман, 2020, с. 178), и акцентирует внимание на различии между коммуникативной и культурной памятью. Коммуникативная память характерна для коллективов и складывается в контексте межличностных взаимодействий в рамках повседневной жизни. Культурная память связана с глубоким прошлым коллектива, общества, формализована и фиксируется, например, в текстах, изображениях, монументальных постройках, изображениях и надписях, ритуалах и т.д.

Роль памяти в трансляции культурного наследия огромна. Одним из механизмов является социализация личности, когда акцент ставится на формирование у личности активной жизненной позиции посредством усвоения социального опыта предыдущих поколений, посредством памяти (Рикер, 2014, с. 221).

Память – необходимое условие самосознания личности. Социальная память – основа для усвоения человеком социального опыта группы и общества, к которым он принадлежит. Трансляция культурного наследия происходит в течение всего времени существования человечества. Ценности и смыслы, воплощенные в памятники прошлого, являются важным фактором преемственности и развития новой культуры. Благодаря культурному наследию осуществляется передача социального опыта от одного поколения к другому. В этом смысле культурное наследие

предстает как память общества, кладовая накопленного им опыта, хранительница времени, упорядочивающего этот опыт.

Исследование и сохранение культурного наследия являются необходимым условием для предупреждения процесса уничтожения и разрушения национального богатства страны. Освоение наследия способствует сохранению народной памяти и передачи ее следующим поколениям. Именно культурное наследие обеспечивает единство многонационального народа, воспитывает чувства патриотизма и национальной гордости, укрепляет авторитет страны на международной арене. Историческое и культурное наследие является важнейшим ресурсом стратегического развития государства, носителем ценностей предыдущих поколений, служит основой воспитания и образования.

Именно поэтому охрана и освоение культурного наследия – приоритетная задача государственной политики всех развитых стран. На государственном уровне поддерживаются музеи, библиотеки, архивы, финансируются частные проекты, направленные на сохранение и транслирование культурного наследия посредством проведения культурных мероприятий, народных праздников, выставок и подобных мероприятий. Самой известной организацией, обеспечивающей сохранение культурного наследия, является ЮНЕСКО.

При грамотной культурной политике именно объекты культурного наследия могут стать базовыми в установлении культурного диалога между представителями разных народов. Особенно это важно в поликультурных регионах, каковой и является Астраханская область.

РОЛЬ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ В ОБЕСПЕЧЕНИИ КУЛЬТУРНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

Астраханская область всегда отличалась своей этнокультурной неоднородностью, отсутствием аборигенного населения и постоянными миграционными потоками. Такой регион можно назвать гетеротопным. Его население является носителем нескольких уровней идентичности — этнического, регионального, конфессионального, общероссийского, что, с одной стороны, создает условия для взаимодействия народов, формируя региональный, наднациональный тип культуры, но с другой — такое культурное многообразие крайне неустойчиво, и чем выше степень «пестроты», тем больше рисков этноконфликтных ситуаций.

Население Астраханской области обладает несколькими уровнями идентичности — этническим, региональным, конфессиональным, общероссийским, что, с одной стороны, «создает условия для взаимодействия народов, формируя региональный, наднациональный тип культуры, но с другой — «такое культурное многообразие крайне неустойчиво, и чем выше степень «пестроты», тем больше рисков этноконфликтных ситуаций» (Топчиев, 2007, с.387).

В силу своего географического положения Астрахань привлекала внимание Турции, Крыма, Ногайской Орды и Московии. Московское государство хорошо осознавало важность приобретения этих земель для развития торговли и укрепления

своих границ. Кочевые племена (сарматы, гунны, хазары, печенеги, половцы, татаро-монголы) сменяли друг друга, «частично оседая на астраханской земле, ассимилируясь и аккумулируя различные этнокультурные традиции» (Хлыщева, 2011, с. 302). Селились здесь разные народы: калмыки, казахи, греки, грузины, армяне, индусы, персы, туркмены, немцы, цыгане и др. Поэтому отличительной характеристикой населения Нижневолжских степей была многокультурность, что отразилось в культурном наследии края.

Контакты между народами носили характер хозяйственных и культурных взаимодействий. Шел процесс взаимопроникновения культур. Много для развития культурного наследия было сделано астраханскими купцами-меценатами. Рост и благополучие края поддерживались астраханскими меценатами. Грек Варваций финансировал строительство канала, мостов, набережных и постройку новой колокольни. Купец И.А. Репин подарил городу свою библиотеку, которая находится сейчас в здании библиотеки им. Крупской. Также завещал он городу уникальную коллекцию гравюр, собранную в Европе. Татарский купец Шакир Казаков пожертвовал 10 жбанов золота на перестройку Красной мечети (Отчет, 1895, с.12). Почетный гражданин города Н.И. Плотников построил Зимний театр на Московской (ныне Советской) улице, где «впервые было электрическое освещение и паровое отопление» (Обзор, 1888, с. 23). В 1918 г. была открыта «Картинная галерея Б.М. Кустодиева». Инициатором и первым заведующим музея был инженер из семьи астраханских купцов Т.М. Догадин, который собрал более чем 130 произведений живописи и графики, коллекцию автографов исторических деятелей, писателей, музыкантов. Ныне дом-музей ведет активную выставочную работу, знакомит астраханцев и гостей города с работами старых художников Астрахани.

В истории Астраханской области есть немало страниц, на которых запечатлены факты взаимодействия людей разных национальностей. Самобытную культуру края поддерживали многие видные ученые, музыканты, писатели (М. Балакирев, И.В. Добровольский, Курмангазы Сагырбаев, П.А. Власов и др.).

Сегодня сохраняются самобытные традиции астраханских народов, проводятся национальные праздники, где принимают участие все астраханские народы (русские Масляница, Троица, День славянской письменности и культуры, татарский Сабантуй, праздник тюркских народов Наурыз, калмыцкий праздник Цаган-Сар и др.). В конечном итоге в Астрахани сложилась традиция доброго соседства между народами. Особенно следует отметить веротерпимость астраханцев, проявившуюся не только в строительстве храмов различных конфессий, но и в широко распространенной практике межнациональных браков, которые способствуют укреплению взаимопонимания между народами края.

В 90-е годы прошлого века многое было перестроено, уничтожено, потеряно. Но базана основе которой может развиваться диалог культур, поддерживающий многообразие этнокультур при сохранении единства самого общества, сохранилась. Большой вклад в обеспечение культурной безопасности внесли национально-культурные общества, образованные в Астраханской области в 90-х годах. Стремясь

сохранить и приумножить культурное достояние Астраханского края, национальные объединения осуществляют благотворительные проекты – помощь школам, мечетям, храмам, детским домам, интернатам для сирот. Они возрождают забытые традиции, объединяющие народы края.

Национальные общества не только возрождают язык и традиции своей культуры, но и пропагандируют историю всех астраханских народов. Проводят общества и работу по охране культурного наследия Астраханского края. Так, с 1997 года по инициативе татарского национально-культурного общества «Дуслык» начал регулярно отмечаться праздник плуга и весеннего сева – «Сабантуй». Интересен тот факт, что этот национальный татарский праздник стали отмечать и те группы татар, которые в прошлом его не праздновали. Общество «Узбекистон» стало инициатором проведения древнего праздника «Навруз» общеобластного масштаба, собирающего всех представителей народов Астраханского края. В планы армянской общины входит и «возрождение знаменитых армянских балов, танцевальных вечеров» (Отчет, 1882. с. 64) и проходи эти вечера должны в здании бывшего Агабабовского училища, построенного на армянские пожертвования и «на веки веков завещанное Николаесом Агабабовым на нужды армянского просвещения» (Кугрышева, 2008, с. 154).

Культурное наследие Астраханской области уникально в силу своего поликультурного характера, что подтверждают и сохранившиеся до наших дней традиции разных народов, населяющих этот край, и архитектурный облик города и областных центров. Традиционными стали фестивали национальных культур «Астрахань – город мира и согласия», демонстрирующие дружбу и диалог народов в регионе.

Культурное наследие – это не только национальный культурный опыт. Сохранение, популяризация и развитие культурного наследия, как главный способ существования культуры, при правильном подходе способно обеспечить культурную безопасность как в отдельно взятом регионе, так и в масштабах целой страны и, возможно, мира.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Безопасность представляет собой комплексный, многогранный феномен. Культурная безопасность может быть определена, с одной стороны, как отсутствие угрозы культуре общества в ее широком понимании, а с другой стороны, как ряд действий, направленных на создание условий, благоприятных для развития культуры.

Культурное наследие – это не только материальное богатство, но и общественные отношения людей, передаваемые в виде норм, традиций, ритуалов следующим поколениям. Развитие общества и развитие культуры возможно потому, что человечество хранит в своей памяти достижения прошлых веков, то, что открыто, познано, известно. Память человечества противостоит забвению, уничтожающей силе времени

Благодаря культурному наследию происходит процесс инкультурации и социализации, передающий социальный опыт и культурные традиции как память общества. Современная личность испытывает влияние многих культур и самоопределяется на их скрещивании.

Культурная безопасность может быть гарантирована только при совместной реализации нормативных и политических механизмов. Законные способы регулирования, берущие свое начало в международном праве, разграничивают пути, определяют правила и нормы, устанавливают способы регулирования, что в свою очередь создает определенные стандарты поведения и то же время задает направление развития законодательства отдельного государства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Акклаев, А. Р. (2005). *Этнополитическая конфликтология: Анализ и менеджмент*. М.: Дело. 88 с.
- Ассман, Я. (2020). *Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности*. М.: Языки славянской культуры, 368 с.
- Астафьева, О.Н. (2010). Культурная политика. *Культурологический журнал*, 2, 21.
- Барышникова, И.В. (2009). Понятие идентичности в социологическом дискурсе. *Вестник Волгоград. госуд. ун-та. Серия 7: Философия*, 2(10), 166-171.
- Белозор, А.Ф. (2019). Культурная безопасность как основа культурной идентичности. *Человек и культура*, 1, 80-86.
- Бреннер, фон А. *Введение в политологию национальной безопасности*. Получено из: <http://www.von-brenner.com/Vvedvnacbez.htm>
- Гафнер, В. В. (2016). *Основы безопасности: понятийно терминологический словарь*. М.: ФЛИНТА, Наука, 280 с.
- Гидденс, Э. (2005). *Социология*. М.: Эдиториал УРСС, 632 с.
- Есипова, А. А. (2014). Основные структурные компоненты культуры безопасности жизнедеятельности. *Молодой ученый*, 18.1, 36-38.
- Романова, А.П., Якушенков, С.Н., Хлыщева, Е.В., Баева Л.В. (2017). *Культурная безопасность в условиях гетеротопии*. Астрахань: Издательский дом «Астраханский университет», 356 с.
- Кугрышева, Э В. (2007). *История армян в Астрахани*. Астрахань: Волга, 243 с.
- Обзор Астраханской губернии за 1887 г. (1888). Астрахань. 211 с.
- Отчет Астраханского армянского общества (1882). Астрахань. 81 с.
- Отчет астраханского общества потребителей мусульман за 1894 год. (1895). Астрахань. 75 с.
- Рикёр, П. (2014). *Память, история, забвение*. М.: Издательство гуманитарной литературы. 514 с.
- Романова, А.П. (2012). Культурная безопасность как предмет философских дискуссий. *Гуманитарные исследования*, 4(44), 258–262.

- Топчиев, М. С., Романова А.П. (2007). Проблемы культурной безопасности и интеллектуальный потенциал Астраханской области. *Актуальные проблемы безопасности в условиях конфликтной ситуации на Юге России: мат-лы Международной научно-практической конференции*. Краснодар: Изд-во КубГУ, 387-390.
- Флиер, А.Я. (2014). *Избранные работы по теории культуры*. М.: Согласие, 556 с.
- Хлыщева, Е.В. (2011). *Динамика культурных моделей в глобализирующемся мире*. Дисс... д. филос. н. Астрахань, 497 с.
- Щукина, Е.Л. (2015). Культурная безопасность современной России как элемент национальной безопасности. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки*, 3, 346-350.

Для цитирования: Хлыщева, Е.В. (2023). Роль культурной памяти и культурного наследия в культурной безопасности (на примере Астраханской области). *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(1), 77-89.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_77

REFERENCES

- Aklaev, A. R. (2005). *Ethnopolitical conflictology: Analysis and management*. Moscow: business. 88 p. (in Russian)
- Assman, I. (2020). *Cultural memory: Writing, memory of the past and political identity in the high cultures of antiquity*. Moscow: Languages of Slavic culture, 368 p. (in Russian)
- Astafieva, O.N. (2010). Cultural policy. *Culturological Journal*, 2, 21. (in Russian)
- Baryshnikova, I.V. (2009). The concept of identity in sociological discourse. *Vestnik Volgograd state university Series 7: Philosophy*, 2(10), 166-171. (in Russian)
- Belozor, A.F. (2019). Cultural security as the basis of cultural identity. *Man and Culture*, 1, 80-86. (in Russian)
- Brenner, von A. *Introduction to the Political Science of National Security*. Retrieved from: <http://www.von-brenner.com/Vvedvnacbez.htm>
- Gafner, W. W. (2016). *Fundamentals of security: a conceptual terminological dictionary*. Moscow: FLINTA, Nauka, 280 p. (in Russian)
- Giddens, E. (2005). *Sociology*. Moscow: Editorial URSS, 632 p. (in Russian)
- Esipova, A. A. (2014). The main structural components of the culture of life safety. *Young scientist*, 18.1, 36-38. (in Russian)
- Romanova, A.P., Yakushenkov, S.N., Khlyshcheva, E.V. & Baeva L.V. (2017). *Cultural safety in conditions of heterotopia*. Astrakhan: Astrakhan University Publishing House, 356 p. (in Russian)

- Kugrysheva, E. V. (2007). *History of Armenians in Astrakhan*. Astrakhan: Volga, 243 p. (in Russian)
- Survey of the Astrakhan province for 1887 (1888). Astrakhan. 211 p. (in Russian)
- Report of the Astrakhan Armenian Society (1882). Astrakhan. 81 p. (in Russian)
- Report of the Astrakhan Society of Muslim Consumers for 1894. (1895). Astrakhan. 75 p. (in Russian)
- Ricoeur, P. (2014). *Memory, history, oblivion*. Moscow: Publishing house of humanitarian literature. 514 p. (in Russian)
- Romanova, A.P. (2012). Cultural security as a subject of philosophical discussions. *Humanities Research*, 4(44), 258–262. (in Russian)
- Topchiev, M. S. & Romanova A.P. (2007). Problems of cultural security and the intellectual potential of the Astrakhan region. *Actual problems of security in the context of a conflict situation in the South of Russia: materials of the International Scientific and Practical Conference*. Krasnodar: Publishing House of KubGU, 387-390. (in Russian)
- Flier, A.Ya. (2014). *Selected works on the theory of culture*. Moscow: Consent, 556 p. (in Russian)
- Khlyshcheva, E.V. (2011). *Dynamics of cultural patterns in a globalizing world*. Diss ... d. Philosophy. n. Astrakhan, 497 p. (in Russian)
- Schukina, E.L. (2015). Cultural security of modern Russia as an element of national security. *State and municipal administration scientific notes*, 3, 346-350. (in Russian)

For citation: Khlyshcheva, E.V. (2023). The Role of Cultural Memory and Cultural Heritage in Cultural Security (Case Study of the Astrakhan Region). *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(1), 77-89.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_77

THE PROBLEM OF TOPONYMIC RESTORATION IN THE CONTEXT OF PRESERVING THE CULTURAL HERITAGE OF CRIMEAN TATARS

Lenara R. Sultieva

student of the Department of Cultural Studies

Astrakhan Tatishchev State University

Astrakhan, Russia

E-mail: lenara03.00@mail.ru

ABSTRACT

In the article, the author examines the problem of restoring the Crimean Tatar names of geographical objects in the context of the cultural heritage of the Crimean Tatars. The author focuses on the fact that, despite the existing positive dynamics, the process of returning historical names has not received legislative consolidation, which negatively affects the preservation and transmission of the cultural code to new generations. The key role in preserving the heritage, therefore, belongs to the Crimean Tatar people, who continue to use Turkic names in communication between themselves and the immediate environment.

KEYWORDS

toponymy, cultural heritage, crimean Tatars.

ПРОБЛЕМА ВОССТАНОВЛЕНИЯ ТОПОНИМИКИ В КОНТЕКСТЕ СОХРАНЕНИЯ КУЛЬТУРНОГО НАСЛЕДИЯ КРЫМСКИХ ТАТАР

Султыева Лена Ринатовна

Студентка кафедры культурологии

Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева,

Астрахань, Россия

Email: lenara03.00@mail.ru

АННОТАЦИЯ

В статье автор рассматривает проблему восстановления крымско-татарских названий географических объектов в контексте культурного наследия крымских татар. Автор акцентирует внимание на том, что, несмотря на существующую положительную динамику, процесс возвращения исторических названий не получил законодательного закрепления, что негативно сказывается на сохранении и передачи культурного кода новым поколениям. Ключевая роль в сохранении наследия, таким образом, принадлежит крымско-татарскому народу, который продолжает использовать тюркские названия в коммуникации между собой и ближайшим окружением.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА

топонимика, культурное наследие, крымские татары.

ВВЕДЕНИЕ

Культурное наследие представляет собой сохранение физических артефактов и нематериальных атрибутов общества или отдельной группы, унаследованных из прошлого. Следует учитывать, что объекты культурного наследия носят символический характер. С культурной точки зрения, данные объекты являются значимыми факторами идентичности, создающими чувство общности той или иной группы. В то же время, большое значение имеет выбор того, какие объекты, памятники или природные среды должны быть сохранены, поскольку это формирует траекторию развития различных культурных нарративов и общественного консенсуса, как в отношении прошлого, так и настоящего.

В последние годы прослеживается тенденция возрождения национального самосознания народов, что указывает на необходимость обращения и возвращения к культурному наследию прошлых поколений. Одним из элементов, обеспечивающим сохранение культурного наследия различных народов, являются топонимы. С их помощью можно получить информацию об особенностях конкретного этноса в разные исторические эпохи, типах используемого хозяйствования, а также процессах освоения географического пространства (Топонимика Крыма, 2011, стр.46).

Важно заметить, что историческая топонимия является уникальным источником этногенеза народа. В качестве примера можно привести тот факт, что более 80 % географических названий крымского полуострова имеют этническое происхождение.

Однако, существует тенденция изменений названий географических объектов, связанных с культурой того или иного этноса, в виду политических взглядов правящей элиты и официальной государственной политики страны. Так, по мнению А. Орлова, переименования топонимов стирают исторические следы народа, лишая будущие поколения культурного наследия (Мезенко, 1996).

ТОПОНИМЫ КРЫМА

Крымско-татарский народ на территории Крымского полуострова имеет многовековую историю, которая была перечеркнута 18 мая 1944 года, в день начала массового выселения в Узбекистан и соседние районы Казахстана и Таджикистана. После депортации советская власть развернула масштабную политику переименования географических названий в Крыму, тем самым вторгаясь в культурную сферу региона и целенаправленно уничтожая народную память не только крымских татар, но и проживавших на данной территории представителей армянского, болгарского, греческого, немецкого и других этнических общностей. Важно заметить, что до массового переименования крымских топонимов практически 80% из них имели крымско-татарское историческое происхождение.

За первые четыре года активного изменения исторических названий, на карте Крымского полуострова уничтожено больше 1400 исконных наименований населенных пунктов и свыше 1000 топонимов, относящихся к водным объектам, горным и ландшафтным участкам. Кроме этого, процесс переименования затронул также

улицы, площади и парки. На их смену пришли безликие советские названия, образованные от собственных имен, сельскохозяйственных культур и военной техники. Так, например, населенный пункт Ак-Шейх превратился в Раздольное, Ислак-Терек изменил свое название на Кировское, а Сарабуз стал Гвардейским.

Согласно имеющимся данным, наибольшая активность в данном вопросе уничтожения крымско-татарской топонимики прослеживалась в преддверии 4 годовщины депортации, 18 мая 1948 года. В последующие годы процесс «советизации» тюркских имен географических объектов значительно замедлился, однако именно в этот период знаменитый мыс Топрак-Кая на официальном уровне превратился в Хамелеона (История переименования...).

Важно учитывать и тот факт, что ранее существовали микротопонимы, которые не были своевременно юридически зафиксированы в документах. После депортации крымских татар в 1944 году, произошел разрыв преемственности культурного наследия, выраженного географическими названиями. Русско-украинское население, переезжающее на освободившиеся территории, не имело представление о прежних топонимах, которые использовали крымские татары в бытовом обиходе. При этом новые поколения крымских татар, родившихся на других территориях, не обладали нужной степенью топонимической грамотности. Данная ситуация демонстрирует, что носителями микротопонимов являются лишь представители старейшего поколения депортированных и затем вернувшихся татар, что, в свою очередь, указывает на проблему скорого исчезновения в будущем большого сегмента культурного наследия крымско-татарского народа.

Однако также были примеры, когда целенаправленно уничтожались упоминаемые объекты, которые являлись символом власти крымско-татарского народа в разных исторических эпохах. Таким городом является Белогорск, который до волны массового переименования носил название – Карасубазар. Этот город имеет богатую историю, практически уничтоженную в наши дни. Например, Карасубазар был временной столицей Крымского ханства в 1736 году при Хане II Герае, а также являлся на протяжении нескольких месяцев 1783 г. административным центром Таврической области в составе Российской империи. Важно заметить, что до 20 века в относительно целом состоянии сохранились многие карасубазарные мечети и даже часть каравансараев, что могло стать огромной сокровищницей культурного наследия крымских татар. Однако в двадцатом столетии властью была перечеркнута его история, которая уничтожила не только исконное название Карасубазара, но и архитектурное богатство города (Карасубазар. Город...).

Сегодня город Белогорск, искусственно потерявший свою многовековую историю, оказался призрачным напоминанием новым поколениям крымских татар о культурных лишениях, с которыми этому народу пришлось столкнуться в попытке доказать свою самобытность.

Подобной судьбы повезло избежать городу Бахчисарай, который по праву играл важную роль в становлении культуры крымских татар. Фактически, Бахчисарай остался олицетворением культурного наследия народа благодаря сохранившимся

архитектурным памятникам, могилам святых и образу символа крымско-татарской идентичности, а также своему названию, которое город получил от Ханского дворца и в переводе на русский язык означает «сад-дворец». Согласно общественному мнению, Бахчисарай сегодня является единственным «живым» источником истории крымско-татарского народа, которую связывают с известным военным могуществом и просветительской деятельностью мусульманских народов, как в пределах Российской империи, так и за ее пределами (Бахчисарай в самосознании...). Интересно, что спасением топонима стало стихотворение А.С. Пушкина, посвященное Бахчисарайскому фонтану.

В свою очередь, исключением среди сельских местностей, которые имели крымско-татарское название, являются Ишунь и Сары-Баш. Первое село носит название тюркского племени уйшун, а Сары-Баш переводится с тюркского как желтая голова, что несомненно является олицетворением местности, в которой расположен данный населенный пункт.

План по изменению крымско-татарских названий должен был затронуть также большую часть природных объектов полуострова. По имеющимся данным, крымские власти вели работу по переименованию 89 объектов, в том числе в специальные списки добавлялись горы, озера, проливы, реки, водопады и заливы. Для каждого из списка географических объектов комиссия готовила новое «советское» название. Например, знаменитый за пределами Крыма водопад Джур-Джур должен был стать Шумным, самая высокая крымская гора Роман-Кош – Высокой, а вершина Ай-Петри могла быть переименована в Петровские скалы. Однако процесс тотального уничтожения крымско-татарского следа из истории полуострова столкнулось с тем, что большая часть приморских географических объектов была внесена в лоции и зафиксирована на морских картах, что предполагало серьезные международные последствия для массовой акции переименования (История переименования городов...).

Процесс возвращения крымских татар на Родину начался в конце 1980-х – в первой половине 1990-х годов. Одновременно с репатриацией угнетенного народа, в обществе сформировалась очевидная проблема восстановления топонимики Крыма. Несмотря на многочисленные научные комиссии и частные решения о переименовании отдельных географических объектов, вопрос восстановления исторических крымско-татарских названий на полуострове все еще остается открытым.

Среди ключевых причин отказа в решении проблемы: большие финансовые затраты, отсутствие единогласного согласия всех жителей Крыма на возвращение крымско-татарских топонимов, длительность данного процесса и сложности в изучении существующей проблемы, а также возможные последствия для жителей, населенных пунктов, которые ожидает слияние или разделение ввиду восстановления исторической справедливости.

Нельзя не упомянуть в данной работе принятое Верховной Радой Украины в 2015 г. постановление о переименовании 70 населенных пунктов крымского полуострова в рамках декоммунизации. Согласно данному решению, каждому объекту из списка было определено крымско-татарское название, принадлежащее ему до депортации народа в 1944 г. В данном случае, постановление не имело юридической

силы на территории Крыма, но могло стать предтечей последовавших действий в отношении восстановления истории культурной самобытности крымско-татарского этноса на территории полуострова. Например, сервис Google Maps переименовал названия городов, сел и районов в соответствии с принятым украинским законопроектом. Так, город Красноперекопск, расположенный на севере полуострова и основанный в советские годы, был переименован в Яны-Капу, что в переводе с тюркского означает «Северные ворота». Важно заметить, что данный населенный пункт не имел никогда в своей истории крымско-татарского названия, что в целом ставит под сомнения действия в отношении восстановления потерянного культурного наследия. В последствии, столкнувшись с общественной критикой, картографический сервис вернул официальные названия переименованным объектам (В российскую версию...).

Однако, первые серьезные шаги в сторону сохранения крымско-татарского наследия были сделаны специальной «Комиссией по восстановлению прав реабилитированных жертв политических репрессий» при Совете министров Крыма в 2016 году. Так, утвердив на заседании список исторических наименований 1400 городов и сел полуострова, власти Республики Крым приняли решение об установлении дополнительных табличек с крымско-татарскими названиями населенных пунктов. Представители власти отмечают, что среди очевидных достоинств выбранного способа – сохранение двойных названий объектов, что уменьшает вероятность путаницы у жителей Крыма и гостей полуострова. К тому же данное решение, по их мнению, повышает привлекательность региона за счет предоставления возможности туристам почувствовать богатую и глубокую историю (Ерченко, 2018).

Несмотря на сдвиг в решении данной проблемы, стоит брать во внимание, что инициатива охватывает только 150 исторических объектов, игнорируя тем самым более 1000 других мест, имеющих основания быть частью культурного наследия крымских татар.

Объяснением такого решения некоторые называют несвоевременность данной инициативы, поскольку на протяжении долгого время крымско-татарские организации оппонировали русским общественным движениям в вопросе топонимики полуострова. Так, активизируя процесс возвращения названий одного народа, есть вероятность появления предложений о восстановлении наименований региона, данных до 1783 года. Например, закрепление за Крымом исторического названия Таврида. Однако, стоит иметь ввиду, что древнее и средневековое название полуострова, использовавшееся в разговорной речи после присоединения территории к Российской империи в 1783 году, не было закреплено юридически и не использовалось в официальных документах государства (Абибулаев, 2015).

Исследователи также стремятся внести свой вклад в возрождение исторической топонимики полуострова с целью сохранения культурного наследия крымско-татарского этноса. По их мнению, ключевым фактором, стопорящим процесс возвращения тюркских названий, являются сложности с последующей юридической перерегистрацией всей документации. Так, В. Поляков в качестве решения возникшей

ситуации вокруг названий географических объектов Крыма предложил бинарный подход к переходному периоду восстановления исконных топонимий. Его подход заключается в одновременном функционировании на юридическом уровне двух названий объектов: крымско-татарского и советского образца. Согласно его предложению, в течении указанного периода все юридические документы будут выдаваться с указанием возрожденного названия, при условии сохранения советского наименования населенного пункта, что сможет уменьшить финансовые затраты жителей (Поляков, 2015). Однако, данное предложение не было поддержано на законодательном уровне.

Таким образом, процесс восстановления крымско-татарской топонимики развивается по большей мере явочным путем. В силу желания сохранить свое культурное наследие крымские татары продолжают использовать старые наименования в общении между собой и окружающим населением. Кроме этого, создание мусульманских общин на местах с названиями, соответствующими татарским топонимам. Например, в община «Биюк-Озенбаш» образовалась в селе Счастливым, а «Кизил-Таш» в Краснокаменске (Червонная, 1997, стр.183).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Резюмируя, можно сделать вывод, что проблема восстановления топонимики в контексте сохранения культурного наследия крымских татар остается актуальной на данный момент. Учитывая сделанные шаги в процессе признания более тысячи исконно крымско-татарских названий географических объектов в Крыму, пока невозможно говорить по полномасштабное восстановление этих названий повсеместно.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Абибулаев, Э. (2015). Восстановление исторической топонимики Крыма в исполнении коллаборационистов. *Крым.Реалии*. Получено из: <https://ru.krymr.com/a/27163332.html>
- Бахчисарай в самосознании крымских татар (2012). Получено из: <https://av-det.org/2012/08/14/bahchisaraj-v-samosoznanii-krymskih-tatar/>
- В российскую версию Google Maps возвращены прежние названия населенных пунктов Крыма (2016). Получено из: <https://rus.err.ee/232548/v-rossijskuju-versiju-google-maps-vozvraweny-prezhnie-nazvaniya-naselennyh-punktov-kryma>
- Ерченко, К. (2018). Крымско-татарская культура в российском Крыму: о чем молчит украинский авдитпро. *РитмЕвразии*. Получено из: <https://www.ritm-eurasia.org/news--2018-07-03--krymsko-tatarskaja-kultura-v-rossijskom-krymu-o-chem-molchit-ukrainskij-agitprop-37315>
- История переименования городов и сёл в Крыму (2012). Получено из: <https://crimeanblog.blogspot.com/2012/11/pereimenovaniya.html>
- Карасубазар. Город с украденным прошлым (2016). Получено из: <https://av-det.org/2016/04/27/karasubazar-gorod-s-ukradennym-proshlym/>

- Мезенко, А.М. (1996). *Топонимия и культура*. Получено из: https://www.researchgate.net/profile/Anna-Mezenko-2/publication/344641854_Mezenko_A_M_Toponimia_i_kultura_A_M_Mezenko_Vesnik_Vicebskaga_dzarzaunaga_universiteta_ima_P_M_Maserava_-_1996_-_No_1_-_S_66-70/links/5f86a0b5458515b7cf7f704d/Mezenko-A-M-Toponimia-i-kultura-A-M-Mezenko-Vesnik-Vicebskaga-dzarzaunaga-universiteta-ima-P-M-Maserava-1996-No-1-S-66-70.pdf
- Поляков, В.Е. (2015). Историческая топонимия Крыма — всероссийское достояние! *Тезисы доклада на 50-й научной студенческой конференции по топонимике*, 2015г.). Получено из: <https://famili.ru/onomastika/toponimica/6092-polyakov-v-e-istoricheskaya-toponimiya-kryma-vserossijskoe-dostoyanie-tezisy-doklada-na-50-j-nauchnoj-studencheskoj-konferentsii-po-toponimike-2015-g>
- Топонимика Крыма 2010: сб. статей памяти И.Л. Белянского* (2011). Симферополь: Универсум., 376 с.
- Червонная, С.М. (1997). Возвращение крымско-татарского народа: проблемы этнокультурного возрождения. *Крымско-татарское национальное движение. Том 4: 1994-1997 гг.* М., 342 с.

Для цитирования: Султыева, Л.Р. (2023). Проблема восстановления топонимики в контексте сохранения культурного наследия крымских татар. *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(1), 90-98.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_90

REFERENCES

- Abibulaev, E. (2015). Restoration of the historical toponymy of the Crimea performed by collaborators. *Crimea. Realities*. Retrieved from: <https://ru.krymr.com/a/27163332.html> (in Russian)
- Bakhchisaray in the self-consciousness of the Crimean Tatars (2012). Retrieved from: <https://avdet.org/2012/08/14/bahchisaraj-v-samosoznanii-krymskih-tatar/> (in Russian)
- The former names of settlements in Crimea (2016) have been returned to the Russian version of Google Maps. Retrieved from: <https://rus.err.ee/232548/v-rossijskuju-versiju-google-maps-vozvraeny-prezhnie-nazvanija-naselennyh-punktov-kryma> (in Russian)
- Erchenko, K. (2018). Crimean Tatar culture in the Russian Crimea: what the Ukrainian agitpro is silent about. *Rhythm Eurasia*. Retrieved from: <https://www.ritmeurasia.org/news--2018-07-03--krymsko-tatarskaja-kultura-v-rossijskom-krymu-o-chem-molchit-ukrainskij-agitprop-37315> (in Russian)

- History of renaming cities and villages in Crimea (2012). Retrieved from: <https://crimeanblog.blogspot.com/2012/11/reimenovaniya.html> (in Russian)
- Karasubazar. City with a Stolen Past (2016). Retrieved from: <https://avdet.org/2016/04/27/karasubazar-gorod-s-ukradennym-proshlym/> (in Russian)
- Mezenko, A.M. (1996). *Toponymy and culture*. https://www.researchgate.net/publication/344641854_Mezenko_A_M_Toponimia_i_kultura_A_M_Mezenko_Vesnik_Vicebskaga_dzarzaunaga_universiteta_ima_P_M_Maserava_-_1996_-_No_1_-_S_66-70/links/5f86a0b5458515b7cf7f704d/Mezenko-A-M-Toponimia-i-kultura-A-M-Mezenko-Vesnik-Vicebskaga-dzarzaunaga-universiteta-ima-P-M-Maserava-1996-No-1-S-66-70.pdf (in Russian)
- Polyakov, V.E. (2015). The historical toponymy of Crimea is an all-Russian property! Abstracts of the report at the 50th scientific student conference on toponymy, 2015). Retrieved from: <https://famili.ru/onomastika/toponimica/6092-polyakov-v-e-is-toricheskaya-toponimiya-kryma-vserossijskoe-dostoyanie-tezisy-doklada-na-50-j-nauchnoj-studencheskoj-konferentsii-po-toponimike-2015-g> (in Russian)
- Toponymy of Crimea 2010: Sat. articles in memory of I.L. Belyansky* (2011). Simferopol: Universum., 376 p. (in Russian)
- Chervonnaya, S.M. (1997). Return of the Crimean Tatar people: problems of ethnocultural revival. *Crimean Tatar national movement. Volume 4: 1994-1997*. Moscow, 342 p. (in Russian)

For citation: Sultieva, L.R. (2023). The Problem of Toponymic Restoration in the Context of Preserving the Cultural Heritage of Crimean Tatars. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(1), 90-98.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_90

**SCIENTIFIC LIFE INTERCOLLEGIATE EXPERT-ANALYTICAL
CENTER "CASPIAN INTERNATIONAL DISCUSSION CLUB":
"THE TRANSFORMATION OF THE EURASIAN GEOPOLITICAL SPACE:
VECTORS, PRIORITIES AND "TENSION ZONES"**

Pavel L. Karabushchenko

Doctor of Philosophy, Professor
Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia
E-mail: pavel_karabushenko@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2776-4089>

Olga I. Oskina

Candidate of Political Sciences, Associate Professor
Astrakhan Tatishchev State University
Astrakhan, Russia
E-mail: oskina_olga@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2006-1786>

**НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ МЕЖУНИВЕРСИТЕТСКОГО ЭКСПЕРТНО-
АНАЛИТИЧЕСКОГО ЦЕНТРА «КАСПИЙСКИЙ МЕЖДУНАРОДНЫЙ
ДИСКУССИОННЫЙ КЛУБ»: «ТРАНСФОРМАЦИЯ ЕВРАЗИЙСКОГО
ГЕОПОЛИТИЧЕСКОГО ПРОСТРАНСТВА: ВЕКТОРЫ, ПРИОРИТЕТЫ И
«ЗОНЫ НАПРЯЖЕННОСТИ»**

Карабущенко Павел Леонидович

доктор философских наук, профессор,
руководитель Центра стратегических исследований Евразии
e-mail: pavel_karabushenko@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2776-4089>

Оськина Ольга Ивановна

декан ФСК, кандидат политических наук, доцент
ФБГОУ ВО «Астраханский государственный университет имен В.Н. Татищева», г.
Астрахань, Россия
E-mail: oskina_olga@mail.ru
ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2006-1786>

22 февраля 2023 г. в Астраханском государственном университете им. В.Н. Татищева прошло очередное заседание Межуниверситетского экспертно-аналитического центра «Каспийский международный дискуссионный клуб». Тема круглого стола: *«Трансформация Евразийского геополитического пространства: векторы, приоритеты и «зоны напряженности»*.

Модератор круглого стола доктор философских наук, профессор П.Л. Карабущенко (руководитель Центра стратегических исследований Евразии) представил участников этого научного мероприятия:

Усманов Рафик Хамматович, профессор, доктор политических наук, заведующий кафедрой политологии и международных отношений, **Баева Людмила Владимировна**, проректор по научной работе, доктор философских наук, **Оськина Ольга Ивановна**, кандидат политических наук, декан факультета социальных коммуникаций, доцент кафедры политологии и международных отношений, **Романова Анна Петровна**, доктор философских наук, профессор кафедры культурологии, главный научный сотрудник, **Гришин Николай Владимирович**, доктор политических наук, профессор кафедры политологии и международных отношений, профессор кафедры политических институтов и прикладных политических исследований ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет», **Джанталеева Мадина Шапигуловна**, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений, **Михайлова Елена Александровна**, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений, **Бедаев Александр Иванович**, кандидат исторических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений, **Кудряшова Екатерина Викторовна**, кандидат политических наук, доцент кафедры политологии и международных отношений, **Григорьев Александр Владимирович**, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии. Также в работе круглого стола приняли участие аспиранты 1-4 гг. обучения по направлению «Политология» и сотрудники Института исследований проблема Юга России и Прикаспия: Холова Любовь и Черничкин Дмитрий.

С докладом на заседании круглого стола выступил д.полит.н., профессор Усманов Рафик Хамматович на тему: *«Мегатренды евразийского геополитического пространства»*.

1 тренд. Вектор развития евразийского геополитического пространства. Определяя вектор развития евразийского геополитического пространства, хотел бы обратить ваше внимание на высказанные заместителем директора департамента внешней политики МИД России Всеволодом Гребенщиковым тенденции, которые сегодня проявляются в современной системе международных отношений.

- Происходит ускоренное становление многополярного устройства в мировой политике, усложнение международных отношений, на что, разумеется, влияет и вектор активного развития, и консолидация евразийских государств и образование здесь различных блоков и союзов в противовес европейскому и североатлантическому альянсу.

- В связи с этим мы наблюдаем кризис глобализации, построенной на валютно-финансовом, технологическом и культурном доминировании США. (как обратная

реакция - повышается роль и самостоятельность в этих направлениях Китая, Индии, России, Казахстана).

- Таким образом, сформировалось устойчивое противостояние и неприятие со стороны евразийских стран стремления западными сообществами во главе с США вернуть себе доминирующие позиции в экономике, культуре, преимуществам международной системы разделения труда. И как характерная реакция со стороны европейского и североатлантического альянса повышение роли фактора силы в международных отношениях.

-Вследствие этого - обостряется фаза соперничества евразийских стран в основном во главе с Россией за право устанавливать базовые принципы миропорядка и многостороннего взаимодействия в новых международных условиях после 30-ти летнего конструктивного взаимодействия России и Запада (Гебенщиков, 2022). И надо сказать, что эти процессы особенно проявились в период начала Специальной военной операции.

2 тренд. Приоритеты. Вследствие таких тенденций сегодня вектор внешней политики России активизировался в сторону евразийского проекта, который предусматривает не только экономическую интеграцию, но и более **масштабную и многоуровневую организационно-структурную деятельность**. Это позволило говорить о формировании региональной подсистемы под эгидой Российской Федерации, которую в начале 2000 годов можно было определить как «Малая Евразия». Вначале в «Малую Евразию» вошло не так много стран – Россия, Белоруссия, Казахстан, Армения и Киргизия – по сути это Евразийский экономический Союз. Другие участницы Содружества на начальном этапе колебались, хотя и не отворачивались и даже в какой-то степени сотрудничали с Союзом. Самое главное состояло в том, что идея евразийской интеграции не умирало, была востребована, а роль России все же была в этом значима. Важнейшим институтами этой региональной подсистемы стали ОДКБ, (на данном этапе, мне кажется, роль этой организации значительно должна возрасти. Подтверждением этого явилось то, что эта организация очень своевременно включилась по просьбе руководства Казахстана в целях предотвращения социально-политического конфликта в стране зимой 2022 года, последствия которой могли бы привести к непредсказуемой ситуации и хаосу в Республике). Разумеется, в эту подсистему входят ЕАЭС, ШОС, а также двухсторонние договоры между странами-участницами СНГ.

Надо отметить, что в сегодняшних условиях глубокого экономического, политического и военного кризиса и неопределенности в сфере международной безопасности на континенте и особенно вблизи границ многих стран-участниц интеграционного диалога и взаимодействия интерес к России значительно возрос. (Рост этот был значительным до военного конфликта с Украиной, теперь этот интерес разделен на «дружественный» и «недружественный»). Этому, разумеется, способствовало активное участие России в этих организациях, особенно в ШОС, посредством повышенного интереса к ресурсам и экономическому сотрудничеству, что стало весьма притягательным для многих стран. То есть посредством создания таких

подсистем евразийское пространство из «Малой Евразии» постепенно превращается не формально, а действительно, в «Большую Евразию», как это отмечает в одной из своих работ «Пространственная переконфигурация мира: великие державы и их региональные подсистемы» профессор МГИМО Т. А. Шаклеина (Шаклеина, 2022). В подтверждении этого тренда можно констатировать, например, что ШОС, с точки зрения географического пространства и численности населения, охватывает примерно 60% площади Евразии, 40% мирового населения и более 30% мирового ВВП. Помимо 8 постоянных членов, имеют 9 партнеров по диалогу, а также наблюдателей 5 и подавших заявку на этот статус 11 евразийских государств. Итого это свыше 30 евразийских государств. Надо сказать, что особое значение имеет в настоящее время интеграционный экономический проект Евразийского экономического союза, которому надо придать сегодня новый импульс, т.к. ЕАЭС имеет тоже неплохие перспективы в этом отношении.

3 тренд. Зона напряженности. Современная международная политическая ситуация пришла в активную фазу движения. Она касается и стран евразийского пространства. Во-первых, возрастает стратегическая автономия игроков, прежде всего держав средней величины, чем характерна и Евразия, которые имеют достаточно ресурсов для проведения самостоятельной внешней политики. Во-вторых, в период структурного кризиса затрудняется внешнеполитическое целеполагание. Особенно обострились информационные и вооруженные провокации. Происходит нарушение отлаженной дипломатической коммуникации, стираются грани между внешней и внутренней политикой, внешнеполитической ее стратегией и тактикой. Вследствии этого высока вероятность возобновления волны латентных, тлеющих конфликтов начиная от Нагорного Карабаха, Преднепровья и до Косово, Боснии и Герцеговины, не исключая Корейского полуострова и Тайваня. Все эти факторы серьезным образом влияют том числе и на демографическую составляющую евразийских и западных стран. Происходят активные миграционные процессы, перемещения населения в более комфортные условия других стран, к этому добавилась вынужденная миграция населения Украины и России. Одним из серьезных последствий этих процессов могут являться как внутренние, так и межгосударственные противоречия и конфликты не только тех стран, где имеются очаги напряженности, но и их соседних стран, где происходит передел социально-экономических ресурсов и рынка труда.

В этом плане именно образование вышеперчисленных подсистем «Большой Евразии», институты которых могут обеспечить коллективную безопасность и координацию, предотвращая международные конфликты, будут в перспективе снимать «зоны напряженности» евразийского геополитического пространства.

Аспирант 3 года обучения Кондратьев Владислав Владимирович затронул тему: Политические и экономические вызовы евразийской интеграции и её перспективы в современных геополитических реалиях.

В 2022 году Евразийский экономический союз столкнулся с беспрецедентными внешними вызовами, что стало следствием обострения геополитического противостояния между ведущими мировыми державами. После нескольких десятилетий

относительно мирного сосуществования мировых держав международная политическая ситуация вернулась к своему привычному состоянию - борьбе геополитических акторов всеми имеющимися средствами. На протяжении многих веков Евразийский континент привлекает особое внимание ведущих мировых держав, ввиду его чрезвычайно важного геополитического значения. Классики западной геополитики Альфред Мэхэн, Хэлфорд Маккиндер, Николас Спайкмен давно выработали формулу, согласно которой, тот, кто доминирует в Евразии, является мировым лидером и гегемоном. В этой связи Евразийский экономический союз сегодня оказался на острие геополитического противостояния. Страны Запада воспринимают развитие данного интеграционного объединения, как серьёзную угрозу реализации своей внешней политики и геостратегии. В этой связи они предпринимают все возможные меры для сдерживания евразийской интеграции.

Справляется ли ЕАЭС с этим давлением? На этот вопрос можно ответить, что скорее да. Повестка ЕАЭС не сходит на нет, страны-участницы объединения проявляют твердую политическую волю, продолжить развитие интеграции, несмотря на все имеющиеся сложности. Да, на данный момент, не все возникшие проблемы решены, однако продолжающийся процесс согласования общих позиций, готовность членов ЕАЭС идти на компромиссы позволяет с надеждой смотреть в будущее.

Приоритетная задача ЕАЭС в 2023 году состоит в сохранении устойчивости и привлекательности объединения для подключения к нему третьих стран в различных форматах. Евразийский экономический союз имеет большой потенциал для расширения торгово-экономических связей с партнерами по всему миру. К примеру, деятельный интерес к сотрудничеству с ЕАЭС проявляет Азербайджан, премьер-министр которого Али Асадов впервые в 2022 году принял участие в заседании Евразийского межправительственного совета в качестве почетного гостя.

Если говорить о наиболее перспективных проектах, которые можно реализовать странам ЕАЭС в ближайшей перспективе, то здесь следует отметить сотрудничество по диверсификации логистических маршрутов. Россия, как известно, крайне заинтересована в перенаправлении своих экспортных потоков с западного на восточное и южное направления. Для этого важно развитие транспортной инфраструктуры на территории Союза в направлении «Восток – Запад» и «Север – Юг». Совместное участие стран ЕАЭС в развитии международных транспортных коридоров является ключевым для наращивания транспортно-логистического и экспортного потенциала всех стран региона. И эта задача вполне выполнима и выгодна всем участниками интеграционного объединения.

Также следует обратить внимание, что события 2022 года, спровоцированные беспрецедентными западными санкциями и запустившие процесс масштабной перезагрузки международной повестки, привели к тому, что у ЕАЭС изменился список стратегических партнеров. Здесь, прежде всего, можно привести пример Ирана – как одного из стратегических партнёров ЕАЭС. В течение 2022 года Иран существенно увеличил свои торгово-экономические связи с государствами-участниками интеграционного объединения. В настоящее время идёт работа

над полноформатным соглашением о ЗСТ с Ираном. На данном этапе прошли уже более пяти раундов переговоров. Между ЕАЭС и Ираном имеются широкие перспективы развития долгосрочного взаимовыгодного сотрудничества в области транспорта, кооперации в промышленности, сельском хозяйстве и обеспечении продовольственной безопасности, а также в других областях.

Доцент кафедры политологии и международных отношений Джанталеева Мадина Шапигуловна обратила внимание участников круглого стола на: **Современные геополитические вызовы и угрозы Евразийской интеграции.**

Современный кризис в международных отношениях, рост глобальных вызовов и угроз и связанных с ними рисков, напрямую отражается, в том числе и на евразийской интеграции, поскольку интеграционные процессы на евразийском пространстве практически всегда характеризовались преобладанием политических факторов над экономическими.

Внешняя политика бывших советских республик была направлена в первую очередь на утверждение государственной независимости, а экономическое доминирование России часто воспринималось и воспринимается ими как потенциальное стремление ограничить их государственный суверенитет. Неустойчивость авторитарных режимов в постсоветских республиках может повлечь дестабилизацию ситуации в стране, что негативным образом может сказаться на интеграционных процессах в рамках ЕАЭС. Свою негативную роль в торможении интеграционных процессов на евразийском пространстве играет и недостаточно проработанная теоретическая основа евразийской интеграции. Сохраняются недостатки институциональной структуры ЕАЭС, которые особенно остро проявились в период кризиса в Белоруссии в 2019–2020 гг. Монополизация интеграционного взаимодействия исключительно исполнительной властью препятствует своевременному реагированию на возникающие региональные и глобальные вызовы и угрозы. Существующие проблемы во внешнеэкономическом и внешнеторговом сотрудничестве государств – членов ЕАЭС во многом являются следствием структурных диспропорций в их экономиках, в основе которых лежит преимущественно их сырьевая и низкотехнологичная международная специализация.

Необходимо добавить, что сегодня ЕАЭС сталкивается с фундаментальными трудностями, которые могут угрожать его выживанию. Военно-политическое противостояние России и Запада негативным образом сказывается и на евразийской интеграции. Страны-партнеры России по ЕАЭС, кроме Республики Беларусь, вынуждены защищать свои компании, для того что бы они ни попали под санкции Запада, что негативным образом на интересах интеграционного союза.

Аспирант 1 года обучения Тулегенов Адиль Шамильевич далее выступил с докладом: **Влияние санкций на российско-белорусское сотрудничество.**

В виду сложившихся политических событий в мире главную угрозу экономической безопасности для России сегодня представляют санкции. Первую волну санкций страна ощутила на себе еще в 2014 году после присоединения территорий Республики Крым и города Севастополя. Однако пакеты западных санкций, введенные после начала специальной военной операции (СВО) по «денацификации» и

«демилитаризации» Украины весьма серьезно ударили по экономическому благосостоянию российского народа. Данные ограничения охватывают самые различные экономические области. Обобщая их, можно разделить на три категории: запрет на экспорт, запрет на международные переводы, отказ от российских платежных систем, персональные санкции против юридических и физических лиц, а также частичный запрет россиянам держать иностранную валюту за границей.

Тем не менее, экономические санкции коснулись не только Российской Федерации, но и страны дружественные России. Сторонником России в условиях гибридного столкновения держав на международной арене стала Республика Беларусь. Отмечу, что отношения в торгово-экономическом секторе двух стран и ранее были весьма положительными, а в условиях экономических ограничений, внешнеполитические стратегии их развития и вовсе нашли поддержку друг в друге. Шестой пакет санкций ЕС и жесткая международная конкуренция на мировом рынке заставили центральный управленческий аппарат Беларуси и РФ пересмотреть свой курс. Сегодня наши страны совместно разрабатывают мероприятия по поддержке национальных экономик, а также стратегии по достойному ответу Западу.

Декан факультета социальных коммуникаций Оськина Ольга Ивановна в своем выступлении остановилась на новых понятиях и тенденциях: **Евразийский патернализм и коллективизм как принципы интеграционного содружества.**

Докладчик в своем выступлении остановился на таком явлении как «евразийский патернализм», связывая его с особенностями складывания евразийской общности, воплощенной в конкретных национально-политических устройствах и организации общественной и политической жизни. Ряд авторов считает (Артеменко И.В., Петрова С.В.), что основные характеристики поведенческой модальности евразийской цивилизации как глобального феномена сводятся к патернализму, этатизму, коллективизму. Россия, следуя в логике евразийства, сформировала базовые общекультурные модальности политического поведения, которые выступали длительное время границами для становления и сохранения доминирующего традиционалистско-подданического типа политической культуры населения, оказывающий влияние на различные сферы жизнедеятельности общества.

На современном этапе «евразийский патернализм» укрепляется в силу происходящих геополитических изменений и укрепления восточного направления в политике. Политика и экономика становятся локомативами интеграционного взаимодействия и выстраивания новых векторов сотрудничества. Важнейшим инструментом развития евразийской экономики является постепенное расширение зоны «таможенного союза» со странами ЕвразЭС, с включением в него остальных стран СНГ и шире стран Азии. Автор делает вывод о необходимости к переходу к **евразийскому патернализму**, т.е. к единой системе режима наибольшего благоприятствования для **евразийских** предпринимательских, производственных и рыночных структур на всей территории стран «таможенного союза» в рамках динамично развивающегося Евразийского партнерства.

Задача евразийской экономики гарантировать в рамках своей доминации суверенность, сохранение и органическое развитие всех существующих экономических систем, отражающих культурно-исторический путь конкретных народов. Экономический плюрализм евразийской модели на хозяйственном уровне отражает принцип многополярности, к которой ориентирована евразийская геополитика.

Докладчики Кудряшов Э.В., Кудряшова Е.В. подробно остановились на **«GR-коммуникации в системе управления политико-коммуникативными процессами»**.

Политические процессы, происходящие в обществе, не могут протекать отдельно от коммуникации, поскольку она выступает важным звеном, позволяющим различным группам лиц взаимодействовать между собой. В общем виде политическая коммуникация выступает процессом медиации, поскольку она способствует информационному обмену между акторами политики. Она позволяет определить структуру политической деятельности, в рамках которой и происходит передача политической информации. Роль политической коммуникации значительна, поскольку именно она выступает областью, в которой осуществляется политика (Кошкарлова, Руженцева, 2019).

В условиях современного мира основные ценности людей претерпевают изменения. Акцент смещается в сторону свободы действий, свободы слова. Одной из ключевых ценностей выступает свободный доступ к информации. В рамках политической коммуникации важно иметь свободу в получении и передаче политической информации. При этом сама политическая коммуникация стремительно изменяется.

Изменения политической коммуникации отражаются в возникновении иных трактовок её как явления. Ученые чаще всего это связывают со стремительным развитием демократии, поскольку именно в рамках данной политической системы все процессы в мире становятся максимально открытыми, что привлекает новых исследователей и теоретиков. Так из области практического применения в политологию пришло понятие «GR-коммуникаций». В переводе на русский язык он чаще всего обозначает «связь с правительством», т.е. буквально подразумевая отношения с федеральным исполнительным органом власти. Все же под термином «government» следует понимать всю систему государственного управления. GR – это специфический вид политических отношений, связанный с взаимодействием власти и общества в целом и отдельных его сегментов.

В такой ситуации актуально говорить о важности инструментов, благодаря которым осуществляется политическая коммуникация, поскольку способность вовремя передавать необходимые сведения является определяющей.

В связи с постоянно меняющейся обстановкой, в рамках политической коммуникации все большую роль начинают играть информационные технологии, в частности Интернет-пространство, поскольку именно они обеспечивают обмен информацией сначала в виртуальности, а после этого и в реальности (Шубенкова, Котозари, 2016).

Публикуемую в Интернете, невозможно контролировать, что предоставляет людям свободу действий и свободу высказывания своей гражданской позиции.

Кроме того, этот факт подтверждает то, что Интернет выступает не только инструментом влияния на деятелей политики, но и проводником политической коммуникации.

В системе политической коммуникации информационные технологии играют чрезвычайно важную роль. Благодаря развитию сети Интернет, доступ к политической информации, выстраивание диалога между властными структурами и населением, а также участие людей в принятии политических решений становится наиболее удобным. Информационные технологии вбирают в себя все функции, присущие традиционным средствам предоставления информации, однако они их развивают и делают доступнее. При помощи сети Интернет политическая система функционирует эффективнее, поскольку она охватывает большое количество граждан, участвующих в принятии политических решений. Политическая коммуникация с помощью информационных технологий представляет собой процесс обмена информацией, как между политическими структурами, так и между рядовыми гражданами, оказывающий воздействие на политические взгляды людей. Это обусловлено возникновением и развитием различных видов ресурсов, транслирующих информацию. Среди таких ресурсов главными выступают поисковые системы, электронные средства массовой информации, сайты политических партий или отдельных политиков, а также относительно новое средство осуществления политической коммуникации – социальные сети.

Использование цифровых технологий меняет способ производства, распространения и получения информации. Эта трансформация также влияет на политическое поведение граждан, но пока неясно, способствует ли она более широкому участию (Сяо, 2021).

Другими словами, большее количество новостных статей и сообщений в обращении, а также возможности массовых развлечений не обязательно приводят к увеличению критического участия. Вышеизложенное во многом связано с тем, что, как это ни парадоксально, такое умножение каналов и информационного содержания может увеличить риск дезинформации среди граждан.

Это происходит главным образом по двум причинам: большой объем информации не обязательно приводит к более хорошо информированному населению; увеличение числа пользователей и участников, присутствующих в цифровых каналах, сопровождалось рядом заинтересованных практик, которые не регулируются такими информативными критериями, как достоверность.

Доценты кафедры политологии и международных отношений Бедаев А.И., Михайлова Е.А. в своем выступлении осветили **«Роль и значение Русской православной церкви во внешнеполитических процессах постсоветских стран Каспийского региона»**.

Русская Православная церковь на постсоветском пространстве является одной из самых крупных религиозных организаций, обладающей многоплановыми социальными, инфраструктурными, общественно-политическими и внешнеполитическими ресурсами.

Население постсоветских стран Каспийского региона (Азербайджан, Туркменистан, Казахстан) преимущественно принадлежит к мусульманской культурной традиции. Сформировавшиеся в республиках русскоязычные общины представлены горожанами, ведущими секулярный образ жизни. Ведущей христианской конфессией в Каспийском регионе остается РПЦ, при этом православие этнизировалось, стало культурным фактором, основанием этнической идентичности русских общин. Структуры РПЦ помогают сплачивать русскую общину через православные праздники, обрядовость, общие мероприятия. В настоящее время в регионе наблюдается вполне толерантное отношение к русской общине, ни в одной из республик не делались попытки религиозной ассимиляции русскоязычных. Русские православные традиции вызывают интерес у коренных жителей и способствуют толерантному отношению к русским и некоторому восприятию норм праздничной обрядности.

Поддержка российским государством православных ценностей способствуют установлению более тесных связей с сохранившимися русскими общинами постсоветских стран Каспийского региона. Авторитет РПЦ в Каспийском регионе позволяет распространять российское влияние не только на русские общины, но и на общества в целом. Это обусловлено ценностно-идейной ориентацией деятельности священнослужителей и активных прихожан, их авторитетом в местных сообществах. Институции РПЦ служат площадками для культурных, образовательных и просветительских инициатив.

В условиях долгосрочного ухудшения отношений РФ с западными странами, и внешнеполитической переориентации на восточное направление, ресурс мягкой силы РПЦ представляется перспективным.

Аспирант 4 года обучения Сабина Великая **выступила с докладом: «Энергетическая и транспортная политика ЕАЭС в Каспийском регионе».**

Евразийский экономический союз как международная организация региональной экономической интеграции является срединным пространством, в рамках которого формируется глобальный проект Большого Евразийского партнёрства.

Специфика географического пространства ЕАЭС состоит в сопряжении с важнейшими международными организациями Евразии, в геополитических и экономических границах которых развиваются Шанхайская организация сотрудничества (ШОС), Содружество Независимых Государств (СНГ), Европейский союз (ЕС), реализующих крупные транспортные проекты. Особое место занимает транспортно-энергетическое сотрудничество с неформальным объединением стран Прикаспийского региона (СПР), в ареале которого формируется геополитический проект «Большой Каспий».

Развитие интеграционных процессов на пространстве Евразийского экономического союза, а также политика ЕАЭС в области транспорта и энергетики в Каспийском регионе также направлено на формирование и развитие единого рынка, призванного обеспечить свободное перемещение товаров, услуг, капитала и рабочей силы (принцип «четыре свободы»).

При этом реализация энергетических и транспортных проектов ЕАЭС в Каспийском регионе сталкивается со сложностями, связанными, в первую очередь, с

санкционными ограничениями против России и Ирана и конкуренцией с крупными западными инициативами, и ТНК в странах СНГ. Кроме того, страны Каспийского региона с осторожностью относятся к деятельности ЕАЭС и откладывают вступление в объединение в качестве полноправного члена, что ограничивает дальнейшую политико-экономическую интеграцию сторон.

Студентка 3 курса направления «Международные отношения» Кассамединова Алсу осветила ряд проблемных аспектов в докладе: **«Изменение национального бренда Ирана: влияние на сотрудничество с Россией»**.

Сегодня имидж и статус государства в международном сообществе играет не последнюю роль в успешном развитии взаимовыгодных отношений во внешней политике, экономике и культуре, поэтому является одной из наиболее часто изучаемых тем. Политический бренд государства — это инструмент, целенаправленно формируемый стратегическим маркетингом, который способствует поддержанию позитивного политического имиджа нации на международной арене. Если говорить о Иране, то современный имидж государства направлен на борьбу с иранофобией и исламофобией. Государство использует такие методы, как открытие центров изучения фарси (персидского языка), кино, туризм, обмен студентами, культурное просвещение, а также деятельность специализированной организации: «Организация по исламской культуре и связям». Стоит отметить, что Исламская Республика Иран наращивает потенциал своей «мягкой силы» и публичной дипломатии. Данный вид дипломатии имеет особое значение для страны, поскольку его использование во внешнеполитической стратегии способствует укреплению национальных интересов и усиливает влияние на региональном и глобальном уровнях. Использование данного вида дипломатии во внешнеполитической стратегии способствует укреплению государственных интересов и усилению влияния на региональном и глобальном уровнях. Изменение политического бренда Ирана, в совокупности с современной политической обстановкой, позитивно влияет на дипломатические отношения с Россией и формирует образ страны как «военного союзника, партнера и друга».

Доцент кафедры социологии Григорьев Александр Владимирович в своем докладе **«Особенности социальной идентичности населения приграничных территорий Западного Казахстана как фактор геополитической стабильности региона»**, остановился на отдельных аспектах и особенностях социальной идентичности граждан Казахстана.

Социальная идентичность, а именно отождествление себя с большими социальными общностями, может становиться как позитивным фактором интеграционных процессов, сближая близкие по культурным основам идентичности народы, так и деструктивным фактором, обуславливающим сохранение напряженности.

Выделяя особенности современной идентичности населения территорий Западного Казахстана, стоит отметить, что на настоящий момент времени преобладающей является общегражданская идентичность. Население объединено вокруг общенациональных государственных символов, гражданская принадлежность является основанием для идентичности большинства населения данных территорий. Таким образом

данную особенность социальной идентичности населения приграничных территорий можно рассматривать как стабилизирующий элемент геополитической ситуации в регионе, по крайней мере при условии сохранения партнерских отношений между Российской Федерацией и Республикой Казахстан.

Аспирант 1 года обучения Батчаев Курман в своем выступлении **«Новые вызовы глобальной турбулентности современных политических процессов в России»** обращает внимание на тот факт, что для современного устройства характерно такое явление, как высокий уровень взаимозависимости политических акторов. Глобализационные процессы, получившие свое начало еще в прошлом веке, позволили выстроить как дружественные, так и способствовали возникновению негативных отношений с рядом стран. Первоначально глобализация, по мнению ученых должна была способствовать объединению всего международного сообщества, по таким направлениям как политика, экономика, культура и т.д. Однако, сегодня ситуация обстоит несколько иным образом. Вводимые санкции против одного из ведущих государств мира приводят к кризису мировой экономики, подрыву внутреннего экономического благосостояния стран, нарушению работы транспортно-логистических сетей и т.п.

Гипотетически укрепление транснациональных связей могло бы поспособствовать скорейшему решению политических и экономических проблем, вызванных всемирным бедствием. Но, проблема заключается в нелинейности развития государств и общества. Все отчетливее сегодня можно наблюдать разрыв в экономическом, информационном, технологическом, культурно- цивилизационном секторе развитости стран; наблюдаются тенденции обострения социально-культурного неравенства разных слоев населения.

* * *

В рамках круглого стола прошла презентация коллективной монографии "Оценка влияния цифровизации образования на человека и безопасная среда обучения", выполненной в рамках проекта при поддержке гранта РФФИ (проект № 19-29-14007 мк «Оценка влияния цифровизации образовательного и социального пространства на человека и разработка системы безопасной коммуникативно-образовательной среды»). С докладом выступила проректор по научной работе, профессор Баева Людмила Владимировна. Были затронуты современные тренды и проблемы цифровизации общего образования, такие как цифровое неравенство, перспективы и риски перехода обучения в цифровую среду. В процессе обсуждения обозначенная тематика была признана актуальной, особенно в свете изменяющейся геополитической ситуации, так как образование на данный момент является одним из сильнейших ресурсов мягкой силы, которая может способствовать интеграционным процессам на Евразийском пространстве, что определяет важность учёта всех рисков, которые несёт за собой процесс цифровизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гребенщиков, В. (2022). Тенденции и перспективы международных отношений. *Международная жизнь. Проблемы внешней политики, дипломатии, национальной безопасности*, 12-16.
- Шаклейна, Т.А. (2022). Пространственная переконфигурация мира: великие державы и их региональные подсистемы. *Мегатренды: Основные траектории эволюции мирового порядка в XXI веке*. М.: Аспект Пресс, 327-351.
- Кошкарлова, Н.Н., Руженцева, Н.Б. (2019). На пути к правде, ведущий ко лжи: феномен постправды в современной политической коммуникации. *Политическая лингвистика*, 1(73), 50-56.
- Шубенкова, А.Ю., Котозариди, П.В. (2016). Интернет как предмет социальной политики в официальном дискурсе России: благо или угроза? *Журнал исследований социальной политики*, 1, 39-54.
- Сяо, Ю. (2021). Использование социальных сетей в политической коммуникации. *Политическая лингвистика*, 1(85), 149-158.

Для цитирования: Карабущенко, П.Л., Оськина, О.И. (2023). Научная жизнь межуниверситетского экспертно-аналитического центра «Каспийский международный дискуссионный клуб»: «Трансформация евразийского геополитического пространства: векторы, приоритеты и «зоны напряженности». *Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности*, 3(1), 99-112.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_99

REFERENCES

- Grebenshchikov, V. (2022). Trends and prospects of international relations. *International life. Problems of foreign policy, diplomacy, national security*, 12-16. (in Russian)
- Shakleina, T.A. (2022). Spatial reconfiguration of the world: great powers and their regional subsystems. *Megatrends: The main trajectories of the evolution of the world order in the 21st century*. Moscow: Aspect Press, 327-351. (in Russian)
- Koshkarova, N.N. & Ruzhentseva, N.B. (2019). On the way to truth, leading to lies: the phenomenon of post-truth in modern political communication. *Political Linguistics*, 1(73), 50-56. (in Russian)
- Shubenkova, A.Yu. & Kotozaridi, P.V. (2016). The Internet as a Subject of Social Policy in Russia's Official Discourse: Benefit or Threat? *Journal of Social Policy Research*, 1, 39-54. (in Russian)
- Xiao, Yu (2021). The use of social networks in political communication. *Political Linguistics*, 1(85), 149-158. (in Russian)

For citation: Karabushchenko, P.L. & Oskina, O.I. (2023). Scientific Life Intercollegiate Expert-Analytical Center "Caspian International Discussion Club": "The Transformation of the Eurasian Geopolitical Space: Vectors, Priorities and "Tension Zones". *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Safety & Security*, 3(1), 99-112.

DOI: 10.54398/2713024X_2023_3_1_99

CONTACTS

Founder / Publisher: Astrakhan Tatischev State University

Address: 20a Tatischev Street, Astrakhan, Russia 414056

Address of Editorial board: 20a Tatischev Street, office 412, Astrakhan, Russia 414056

Editor-in-Chief: Dr. Anna P. Romanova

In case you have any questions about co-operation please write an e-mail the following address: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Phone: +7 (8512) 24-64-88

КОНТАКТЫ

Учредитель / Издатель: ФГБОУ ВО "Астраханский государственный университет им. В.Н. Татищева"

Юр. Адрес: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а,

Адрес редакции: 414056, Россия, г. Астрахань, ул. Татищева, 20а, ауд. 412

Главный редактор: д. филос. н. Анна Петровна Романова

По всем вопросам сотрудничества и публикации материалов обращаться по e-mail: caspiumsecuritatis@asu.edu.ru

Телефон: +7 (8512) 24-64-88